

НЭМАН

5/2018
МАЙ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

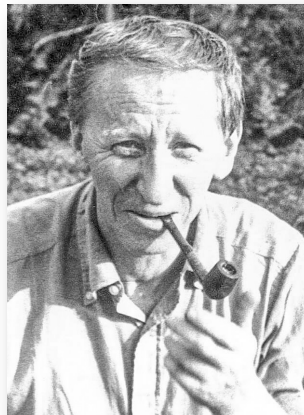
СОДЕРЖАНИЕ

Сергей ТРАХИМЁНОК. Бог любит Одессу. Повесть	3
Владимир КАРИЗНА. Вновь надеждой повеет. Стихи. Перевод с белорусского А. Тявловского	54
Максим ИВАНОВ. Призрак фуги. Повесть	58
Ганад ЧАРКАЗЯН. Чаргави. Стихи. Перевод с курдского В. Липневича	78
Эльвира ВАШКЕВИЧ. Четыре жизни Бореньки Элентоха. Рассказ	82
Роза СТАНКЕВИЧ. Признание. Стихи	93
«Всемирная литература» в «Нёмане»	
Джо АЛЕКС. В бесшумном полете гналась я за ним. Повесть. Перевод с польского Р. Святополк-Мирского при участии В. Кукуни	97
Елена ЧИЖЕВСКАЯ. Добро и зло: абстракция или реальность?	144
Документы. Записки. Воспоминания	
«Последние дни все Вы мне снится...» Письма Миколы Сурначева к семье с фронта. Вступительная статья и подготовка к публикации В. Жибуля	161
Культурный мир	
Надежда УСОВА. Забытый классик. Воспоминания о Е. Е. Моисеенко	169
Сергей МОИСЕЕНКО. О Евсее Моисеенко — моем дяде...	173
Литературное обозрение	
<i>С точки зрения рецензента</i>	
Александр БЕРЕЗКО. Возвращение к забытым традициям литературоведения	183
Глеб ВАНКЕВИЧ. Юмор и сатира: талантливо	187
Напоследок	
Память	
Светлана КРЯЖЕВА. На пути к подвигу	189
Авторы номера	192

Джо АЛЕКС

***В бесшумном полете
гналась я за ним***

Повесть

*Эринния:
Над сушей и морем, как парус крылатый,
В бесшумном полете гналась я за ним,
пока не настигла убийцу сокрытого...*

Эсхил. «Эвмениды»

Часть первая, или Эпилог,

помещенный в начале настоящей книги, а не в ее конце, для того чтобы объяснить читателю, почему Джо Алекс, который до этого терпеть не мог жизни в деревне, неожиданно для всех купил себе домик с садиком и пригласил туда на уикенд трех своих лучших друзей — Каролину Бикон, а также Бенжамина Паркера с женой.

Джо сделал это по нескольким причинам. Во-первых, он знал, что чтение им своей новой повести должно протекать именно в таких условиях: на террасе, после захода солнца, среди лесов и садов, когда засыпают животные, бодрствующие днем, и пробуждаются летучие мыши и ночные бабочки — тысячи бесшумных мохнатых мотыльков, которые живут в ночи, но всегда стремятся к свету. Одно из этих красивых, безобидных созданий энтомологи называют *Atropos L.*, но все остальное человечество знает его под именем «бабочка Мертвая голова». Так вот, дело в том, что бабочка, которая своим названием обязана изображению человеческого черепа, помещенному природой на ее мохнатом туловище, играла большую роль в повести Алекса.

Во-вторых — Алекс знал, что это чтение откладывать больше нельзя. Минул целый месяц со дня убийства, оно уже сошло со страниц прессы и начало стираться в людской памяти, а мисс Каролина Бикон, равно как и миссис Розмари Паркер, непрерывно настаивали, чтобы он посвятил их во все подробности этого удивительнейшего дела. Так что, если уж принято решение купить домик с садом, то лучше это сделать сейчас, чем позже.

Третья причина, которая склонила Алекса к покупке домика, была высказана мисс Каролине Бикон еще за неделю до того дня, когда Джо прочел друзьям свою повесть.

Вернемся сейчас назад во времени к той минуте...

Каролина Бикон и Джо Алекс сидели друг против друга за столиком в ресторане, находящемся в большом искусственном саду на крыше огромного многоэтажного дома. Острый, прямоугольный контур этого здания, поблескивающего никелем и широкими листами стекла, возвышался над покатыми крышами дерев-

нейшей лондонской улицы Пэлл Мэлл, словно корпус броненосца над грядками мелких волн, бегущих до самой границы плоского горизонта.

Вечер был теплым, и Каролина сняла легкую накидку со своих красивых плеч, покрытых ровным загаром цвета светлого золота, слегка приглушенного в эту минуту наступающими сумерками. Легким движением она отодвинула чашку и пододвинула блюдечко с ароматным, пахнущим пуншем кусочком торта.

— Ты слышал, что я сказала, Джо? — с легкой улыбкой спросила она.

— Конечно! — воскликнул Алекс с уверенностью тем большей, чем менее она была обоснованной. — Каждое слово!

Но он не слышал. Нет, он слышал слова, и сознание даже складывало их в какую-то осмысленную форму и последовательность, но он совершенно не понимал их смысла, хотя осознавал, что Каролина уже второй раз спрашивает его об одном и том же. Но о чем?

— Да, конечно! — повторил Джо. — А почему ты спрашиваешь?

Каролина наморщила брови.

— Теперь я совершенно уверена, что ты думал о чем-то другом, обманщик! Я спрашивала, когда ты, наконец, расскажешь об этой таинственной истории с бабочкой. А еще хочу тебе сообщить, что через три недели я уезжаю в Египет... — И, видя удивленное лицо Алекса, добавила: — Мы будем вести там раскопки недалеко от Сиди-Хафра. Профессор Николс абсолютно убежден, что именно там похоронены два последних фараона VII династии. Один из них... Но это не важно. Не будем о фараонах. Если я ничего не узнаю об этой бабочке в ближайшее время, то не узнаю о ней уже никогда. Потому что потом, когда вернусь, у меня будет масса других дел...

— К сожалению, это была не моя тайна, — Джо развел руками с такой экспрессией, что чуть не смел со стола фарфоровую вазу с разноцветными цинниями. — У Паркера возникло множество проблем с этим делом, разные высокопоставленные лица настаивали на абсолютном сохранении тайны, а все кончилось тем, что пресса добыла информацию о самоубийстве. И вот когда кто-то их журналистов напал на след всей истории, полиции пришлось долго и подробно объясняться. Поэтому мы приняли решение, что оба будем молчать. Ну, то есть — я и Паркер, — до тех пор, пока не пройдет некоторое время и люди начнут забывать об этом. Конечно же, дело «Мертвой головы» по-прежнему является тайной и останется ею, но... — Джо улыбнулся, — но жена начальника Департамента уголовного розыска Скотленд-Ярда и ты, которая являешься... ну, в общем, которая... ну, короче — являешься! — закончил он, будучи не в состоянии подобрать нужного слова, — можете теперь узнать обо всем. Но повторяю еще раз, что...

— Кажется, я никогда еще не сказала никому ни слова о твоих делах, Джо! — Мисс Бикон слегка обиделась. — И, надеюсь, мне не надо рассказывать тебе о том, что уже сотню раз различные газетчики применяли самые изощренные способы, чтобы узнать от меня хоть какую-то мелочь. Ты ведь теперь так отвратительно популярен... — Она надула губки с легкой гримасой. — Впрочем, можешь, конечно, никогда ничего мне не рассказывать. Ты ведь прекрасно знаешь, что не считаю эту область жизни особо интересной...

— Да... — покивал головой Джо. — Я прекрасно понимаю, что выкапывание старых черепков и обглоданных термитами скелетов имеет свое очарование и при некотором усилии доброй воли может даже казаться самым захватывающим занятием в мире. Археология — это изумительная наука! Я горжусь тобой! — Джо рассмеялся и положил свою руку на ее маленькую, но сильную ладонь. — Я шучу, дорогая... Обещаю, что уже на

этой неделе ты и Розмари Паркер все узнаете. Я лишь изменил фамилии, окрестности и характерные приметы реальных людей. А в остальном все осталось как было.

— Ты написал об этом повесть? Когда?

— В течение последних двух недель.

— А как называется?

— «В бесшумном полете гналась я за ним», — сказал Джо и слегка покраснел, предвидя следующий вопрос.

— Господи!.. — вздохнула Каролина. — А откуда на этот раз взято название?

— Из «Эвменид»...

— Из Эсхила! Каждый твой бестселлер профанирует в названии какого-нибудь близкого мне человека.

— Возможно... — Джо скромно склонил голову. — Но я самостоятельно перевожу эти фрагменты, и таким образом, при случае повышаю уровень своего образования. — Он рассмеялся. — Кроме того, популяризирую этих старичков, а это уже кое-что, в наше время, когда подавляющее большинство людей думают, что Ахиллес — имя скаковой лошади или один из видов ревматизма. И к тому же — это такие красивые названия для детективных повестей! Так что я сочетаю приятное с полезным...

— Боюсь, — сказала Каролина, — что приятность и полезность в этом деле сочетаются лишь для тебя одного. Но не будем об этом говорить! В доме повешенного не следует упоминать...

— ...о серьезной литературе. — Алекс покивал головой. — А может, когда-нибудь напишу настоящую книгу?.. — продолжал он мечтательно. — Эпохальное произведение, большой, прекрасный роман, который буду каждый вечер доставать из-под подушки и сосредоточенно читать, чтобы потом с почтением поцеловать собственную руку... Боюсь только, что никто другой этого не будет читать и все станут меня ругать за то, что теряю время, вместо того чтобы сочинять хорошие, идеально выстроенные загадки для доморощенных детективов, которыми становятся мои читатели, заплатив несколько пенсов за экземпляр какого-нибудь моего романа о преступлении... — Джо рассмеялся и процитировал: — «О, лебединый пух мечтаний! Быть может, время вам дарует ту свободу, которую мне старость принесет...» Прости за еще одну цитату. Но если уж мы заговорили обо мне — должен признать, что минуту назад не слушал тебя с тем вниманием, на которое заслуживает каждое твое изящное слово. Угадай, о чем я думал.

— Вероятнее всего, о каком-нибудь покойнике, которого кто-то отправил к Господу Всемогущему.

Каролина допила кофе и осмотрелась. Далеко внизу в пропасти за окном вспыхнули первые вечерние огни реклам.

— Ничего подобного! Я думал о чем-то тихом и спокойном, например, о... — Он умолк, потом, прищутив глаз, глянул на Каролину. — Я всегда знал, что не принадлежу к людям с неизменными привычками и взглядами. Но зато, как мне казалось, я отлично знаю, чего я не люблю...

— С первым утверждением я согласна, — кивнула Каролина. Неоновая реклама, вспыхнувшая на крыше здания напротив, зажгла в ее глазах фиолетовые искорки.

— Между прочим, — продолжал Джо, не обескураженный ее едким замечанием, — до сих пор был убежден, что не люблю жизни в деревне. Я родился в Лондоне, и хотя много путешествую, а иногда даже принимаю приглашения от знакомых, живущих в деревне, но несмотря на это, мне всегда казалось, что не смог бы жить вдали от города...

— Какой красивый фрагмент автобиографии... — иронически вздохнула Каролина. — Мне даже на секунду показалось, что ты умер и я читаю о тебе в газете... Так и представляю себе похоронную процессию за твоим гробом: все городские полицейские и все самые серьезные преступники Лондона, идущие вместе в такт... кажется, ты как-то говорил, что любишь траурную музыку Шопена, не правда ли?

— Совершенно верно! Но думаю, что в этой процессии шла бы также и одна моя знакомая дама, если бы, конечно, она не находилась именно в это время в каком-нибудь Богом забытом уголке Земли, занимаясь ковырянием в носу у мумии какого-то Аменхотепа Среднего. А ты бы плакала обо мне?

Вопрос был задан так легко и непринужденно, что Каролина уже открыла было рот, чтобы поведать, как бы ее рассмешило такое известие, но ничего не сказала. Потом опустила глаза.

— Ну, ты ведь знаешь, Джо, как сильно я бы плакала, — сказала она тихо и серьезно.

— Гм... — Алекс откашлялся. — Действительно. Не следует говорить о смерти после сытного ужина, потому что тогда человек становится сентиментальным. Однако, возвращаясь к теме: вижу, что ты не угадаешь, о чем я думал.

— Нет... — Каролина покачала головой. Слишком часто она боялась за Джо, когда он вдруг надолго исчезал с такой вот иронической улыбкой, после какого-нибудь непонятого телефонного разговора, в котором речь шла чаще всего о том, что найдено чье-то мертвое тело...

— Так вот — я решил переехать в деревню.

— В деревню? — глаза Каролины расширились до предела. — Как это — в деревню? То есть, ты же не хочешь сказать, что...

— Нет, не совсем. То есть, я не отправляюсь куда-то к черту на кулички. Просто купил вчера домик с большим тенистым садом с северной стороны и с выстриженной, как корт, травяной лужайкой с южной. У меня там розы, жасмин, магнолии и... еще не запомнил всех названий. Если честно, то я люблю одни циннии. А вообще, я никогда не был силен в ботанике. У меня даже в связи с этим возникали некоторые проблемы в школе, а потом...

— Нет, подожди! То есть как — ты хочешь сказать, что теперь будешь жить вдаль от Лондона?

— Нет. Мой домик находится практически в Лондоне. Точнее говоря, недалеко от Ричмонд-парка.

— А-а, ну тогда это еще не так страшно, — Каролина облегченно вздохнула, но тут же взглянула на него с любопытством. — Послушай, случайно не там, где произошла эта трагедия?

Джо кивнул.

— Да, теперь буду, если можно так выразиться, соседом того дома, в котором разыгралась таинственная история «Мертвой головы». И именно туда я намерен пригласить вас всех, чтобы после ужина, в атмосфере, идеально соответствующей трагедии, видя перед собой тот сад, представить вам мой отчет о проведенном расследовании.

— Ну хорошо, но ты ведь купил этот дом не только ради того, чтобы прочесть нам в нем свою новую повесть?

— Разумеется, нет! Я намерен там остаться. Там очень красиво, Каролина, и если тебе вдруг когда-нибудь захочется меня навестить, ты сама убедишься, что...

— А что будет с твоей нынешней квартирой? Ты ведь целый год мечтал о ней, полгода планировал, несколько месяцев меблировал, а теперь хочешь ее просто так бросить?

— Нет, — покачал головой Джо. — Видишь ли, у меня есть один план.

Я хотел бы... Нет, правда, хочу покончить с писанием этих.. ну, ты знаешь... Ты ведь сама не очень уважительно к ним относишься. Мне хотелось бы написать что-то не просто ради денег. И вот думаю, что такой домик идеально подходит для этого.

— Да уж наверно... — сказала Каролина, но в ее голосе прозвучала нотка сомнения. Дело в том, что примерно раз в год Джо вдруг проникался ненавистью к одному лишь виду своей пишущей машинки «Оливетти» и вставленному в нее чистому листу бумаги. Тогда он ходил по комнатам и планировал написание потрясающего эпохального шедевра. Обычно это продолжалось неделю-две и заканчивалось неожиданным заказом билетов на борт одного из судов или самолетов, направляющихся в экзотические страны. Джо возвращался оттуда загоревший, веселый и примирившийся с судьбой. Снова звонили издатели, и снова он садился описывать приключения героя, которым был он сам. Кроме того, тогда обычно звонил или заходил Бенжамин Паркер, поскольку в таком большом городе, как Лондон, люди непрерывно умирают по необъяснимым причинам либо попросту гибнут от рук неизвестных убийц. И тогда Джо исчезал из поля зрения, чтобы потом вынырнуть на свет Божий, как комета в сопровождении толпы репортеров и фотографов, составляющих ее хвост. Джо Алекса любила пресса, любила его и публика. А поскольку он писал много, его популярность росла с каждым годом. Каролина не думала, что в этой ситуации он был бы в состоянии оставить свой образ жизни ради борьбы куда более трудной, чем поединок даже с необыкновенно ловким преступником. Хоть она и верила в то, что Алекс мог бы стать писателем большого формата, ей трудно было вообразить, что он найдет в себе достаточно силы воли для создания хотя бы одной книги, которую мог бы подписать своей настоящей фамилией. «Джо Алекс» — это, конечно, псевдоним, под которым его знали читатели, полицейские и преступники. Его настоящую фамилию знал Паркер, который прошел всю войну вместе с Алексом на борту ночного бомбардировщика, ежесуточно совершавшего налеты на Германию. Знала ее и Каролина, хотя никогда не была на борту ни одного бомбардировщика. И все же Каролина категорически не хотела выходить замуж за этого удивительного человека, несмотря на то, что любила его настоящей, совершенно искренней любовью уже не один год. В Джо Алексе было что-то неуловимое, но настолько неестественное, что ей порой казалось, будто он непрерывно играет роль в каком-то непонятном спектакле, начала, середины и конца которого он не знает, но знает, что в определенных ситуациях невидимый режиссер велит ему вести себя особым, точно определенным образом. Она не понимала всего, и это ее пугало. Быть может, именно поэтому она прятала свой страх под пренебрежением к его профессии автора детективных произведений. Сама она была одним из ведущих молодых британских археологов и знала, что все предрекают ей большое научное будущее. Однако бывали моменты, когда девушка вместе со всеми своими серьезными научными интересами казалась самой себе до смешного маленькой, незначительной, а этот мужчина, который на первый взгляд ничем серьезно не интересовался, трудился лишь тогда, когда ему самому хотелось, выполняя при этом работу, которая его совершенно не интересовала (она верила Джо, когда тот утверждал, что пишет детективы только ради денег), — и вот этот мужчина в такие моменты казался ей более правдивым, настоящим и глубоким, чем она сама. И может, именно поэтому боялась, что в один прекрасный день Джо небрежным жестом подаст ей рукопись, которая окажется литературным шедевром эпохи. Для этого у него были все данные: прекрасно знал жизнь, был невероятно умен, а скорость сопоставления фактов и концепций позволяла ему с поразительной

легкостью раскрывать мрачные тайны, перед лицом которых Скотленд-Ярд вместе со всем своим могущественным научным потенциалом и тысячами сотрудников оказывался беспомощным, как ребенок. Каролина подсознательно боялась такой минуты, потому что знала: тогда она выйдет за него замуж и будет... несчастлива.

— Я думаю, — сказала она, — такой домик подойдет для серьезной литературной работы гораздо лучше, чем квартира в центре города, но не уверена, что ты до сих пор не написал ничего серьезного лишь потому, что у тебя не было домика с садиком.

— Ну конечно нет! Я до сих пор не написал ничего серьезного, потому что... — Джо замаялся, — просто потому, что еще не подошло время... Мне трудно это объяснить...

— А теперь чувствуешь, что это время подошло?

— Да.

— Ты уверен?

— Да.

Каролина помолчала, потом подняла голову.

— Ну что ж — я всем сердцем с тобой. Но пару минут назад ты сказал, что прочтешь нам свою последнюю детективную повесть. Она... Она что — действительно будет последней? То есть, ты больше не будешь писать произведений этого рода?

— Нет, ну почему же?! Конечно буду! — Джо рассмеялся. — Вряд ли я мог бы писать на чердаке без удобств, а ведь мало кто может выжить, зарабатывая лишь на одном чистом искусстве, в этом мире, просто переполненном уважением к этому чистому искусству. Часть первая трагедии заключается в том, что люди гораздо охотнее отдают настоящим художникам дань почтения, чем деньги, а вторая часть трагедии заключается в том, что без денег очень трудно сохранить на длительное время уважение к самому себе. Бедный человек вынужден переносить огромное количество неприятностей, неудобств и унижений, от которых свободен человек обеспеченный, так что Джо Алекс будет сочинять свои криминальные загадки до тех пор, пока люди будут их читать и платить за них деньги. Но ведь одно не имеет ничего общего с другим. Другое дело, что писать такие вещи исключительно ради денег безнравственно... Но с другой стороны, если эти сочинения служат высшей цели, — Джо снова улыбнулся, — то тогда все оправдано.

— Ты говоришь серьезно, Джо?

— Я не уверен, говорю ли это серьезно. Но я уверен в том, что серьезно приглашаю тебя на уикенд в мой домик. Кроме тебя будут только Бен Паркер и Розмари. Я прочту вам мою последнюю книжечку, которая одновременно станет ответом на сто твоих вопросов, заданных за последний месяц. А потом...

Он умолк.

— Что «потом»? — спросила Каролина.

Уже совсем стемнело. Во всех концах горизонта горели миллионы огней большого города. Их общее сияние создавало прозрачный светлый туман, в котором таяли звезды на небе.

— Потом... — Джо улыбнулся. — Посмотрим. С каждым человеком в жизни случаются разные приключения. Быть может, и я найду в себе силы пережить мое... — он кивнул официанту, стоящему под огромной запыленной пальмой, растущей в огромной кадке, обтянутой стальными обручами. — Мы готовы заплатить за все, что съели и выпили под этой крышей, — он взглянул на небо над головой, — если можно употребить такое определение.

— Это самая красивая крыша, какую нам удалось соорудить для наших

гостей, — официант склонил голову, а потом поднял взгляд к звездам, едва видимым сквозь дымку огня.

— Вы говорите, как римский поэт, — Джо положил деньги на стол и поднялся.

Но официант опередил его и подал Каролине накидку, висевшую на спинке стула.

— Вы — первый из наших клиентов, который распознал в моих словах цитату из Теофраста, — поклонился он. — Надеюсь, обед вам понравился.

— Он был превосходен! До свидания...

Алекс взял Каролину под руку, и они направились к лифту.

— Что за удивительная страна Англия! — сказал он вполголоса, склоняясь к маленькому розовому уху Каролины. — Официанты цитируют древних римлян, и их забавляет, что никто из гостей этого не замечает!

Но Каролина не ответила. Так же, как недавно Алекс, теперь она прослушала то, что он говорил. Девушка думала о том, что этот поразительный человек, который пережил, по всей вероятности, столько приключений, сколько не пережил никто из жителей этого огромного окружающего их города, только что сказал ей, что и он имеет право на свое собственное приключение. А этим приключением должна была стать просто-напросто книга, которую он хотел написать.

— Да, — сказала Каролина, думая, что он спрашивает, приедет ли она, — конечно, приеду. Но ты забыл сообщить мне адрес. И вообще — этот домик точно существует?

— Ну что ты — конечно! Хиггинс уже там действует. В субботу после полудня я сам тебя туда отвезу и на руках перенесу через порог. Будешь хозяйкой этого уикенда.

— Ну, если там будет Хиггинс, никаких дополнительных хозяек не потребуется, сказала Каролина и через бесшумно открывшиеся двери вошла в лифт...

Каролина была права. Когда в субботний вечер она прибыла в очаровательный маленький домик, расположенный на одной из тихих, зеленых улочек Ричмонд-парка, все уже было застегнуто на последнюю пуговицу.

Хиггинс, самый совершенный слуга, был невидим. Она обнаружила его лишь во время экскурсии по винным погребам домика. Одетый в белый фартук, он был наполовину погружен в огромный холодильник. Увидев ее, он выпрямился и, держа в обеих руках две изящно вытянутые бутылки рейнского вина, спокойно и с достоинством поклонился. Ни один волосок на его седеющей голове не выбивался из других даже на миллиметр.

— Добрый день, мисс Бикон! Замечательная сегодня погода, не правда ли? — он указал глазами на бутылки в руках. — Надеюсь, нам удастся подать вино, сохранив его соответствующую температуру, хотя непрерывные изменения в нашем хозяйстве и связанная с этим постоянная смена вспомогательного оборудования, — теперь он указал глазами на холодильник, — могут повлиять на некоторые неточности...

— Я уверена, что никаких неточностей не будет! — Каролина заглянула в холодильник. — Какой гигант! Интересно, что он будет в нем держать. Тут поместилось бы продуктов на армейский батальон.

— Я такого же мнения, если мне позволено это заметить, мисс Бикон... Но мистер Алекс любит кардинальные решения... Он приказал мне купить лучший холодильник, какой найду. Разумеется, были еще большие холодильники, но я опасался, что ни один из них не удастся транспортировать сюда вниз... Так что остановился на этом. Кроме того, квартал этот нахо-

дится несколько на отшибе, — Хиггинс развел руками и скорбно опустил голову, будто оправдываясь, — и потому я опасаясь, что обед может оказаться не таким, каким он мог бы быть, останься мы в старой квартире... Хотя, конечно, здесь тоже есть свои плюсы. Здесь, например, очень тихо...

Однако по его тону Каролина поняла, что царящую вокруг тишину Хиггинс не относит к самым важным и обязательным достоинствам какого-либо жилья.

Несмотря на все опасения Хиггинса, обед удался на славу, и когда, наконец, они вчетвером расположились на террасе, укрытой густым плющом и Алекс вышел на минуту в свой кабинет, миссис Розмари Паркер вздохнула.

— Нам надо переехать в такой район, Бен. Мальчики подрастают, и я просто не знаю, чем буду заниматься, когда они вылетят из родного гнезда. Здесь у меня, по крайней мере, были бы огород и соседи. В центре можно прожить двадцать лет под одной крышей с тысячью других людей и даже не знать их имен. А здесь, в предместье, все друг друга знают, все симпатичны и доброжелательны... Я родилась и выросла в таком предместье...

— Ба! — Паркер вытянулся в кресле. — Во-первых: подумай, как далеко мне отсюда ездить в Скотленд-Ярд и сколько времени уходило бы на дорогу. Во-вторых: не все здесь так симпатичны и доброжелательны, как это может показаться на первый взгляд. Эти тихие домики и красивые виллы скрывают не одну тайну, узнав которую, можно поседеть...

Алекс вернулся на веранду и уселся напротив лампы, стоящей на столе.

Паркер приподнялся в кресле и прикоснулся пальцем к картонной папке Алекса:

— Здесь отчет о событиях, которые разыгрались вон в том доме, — он поднял руку и указал пальцем на два освещенных окна на первом этаже тонушей в вечерней тьме виллы на противоположной стороне улицы. — Месяц назад мы с Джо стояли в столовой, где как раз и находятся эти два светящихся окна, и не понимали совершенно ничего, а в соседней комнате... Но не хочу упреждать события.

— Вот именно! — Миссис Паркер обратилась к Алексу: — Начинай уже скорее читать, Джо! Я умираю от любопытства, а этот мой законопослушный полицейский не хотел даже и слова сказать за весь этот месяц!

— Хорошо! — Джо открыл папку. В ту же минуту большая ночная бабочка ударилась о лампу, завертелась вокруг нее и исчезла во тьме. — Красивое театральное начало! — улыбнулся Алекс. — Правда, это не была бабочка «Мертвая голова», а всего лишь «Сфинкс» — тоже красивая ночная бабочка и почти такая же большая... Они любят эти окрестности...

— Ну, читай уже! — сказала Каролина. — Я тоже женщина и потому имею право проявлять любопытство...

Джо кивнул.

— Да, действительно, Бен и я были там, но уже после совершения преступления. Но я позволил себе на основе довольно точной реконструкции разделить это произведение на две части: действие одной из них происходит перед преступлением, а во второй мы принимаем участие. Мне это казалось необходимым, потому что именно реконструкция первой части и наше знакомство с событиями, которые предшествовали преступлению, затруднили его раскрытие и выявление убийцы...

— Затруднили? — Паркер пожал плечами. — Да ведь убийца был найден в течение двух часов!

— Но еще чуть-чуть, и он никогда не был бы найден, а хуже всего то, что вместо него был бы арестован и осужден совершенно невиновный человек... Ну, ладно — начнем!

Джо открыл папку и подвинул ближе к свету первую страницу машинописной рукописи.

Часть вторая

Глава первая,

в которой мужчины думают, что женщины спят...

В этот вечер Джо Алекс писал, как обычно, без большого удовольствия, но и без отвращения. Листы в регулярных отрезках времени ложились на стол в аккуратную стопочку. Джо никогда не садился писать, не имея полностью готовой фабулы повести, включая подробно, во всех деталях, разработанный план каждой главы. Поэтому он писал сейчас, не очень глубоко задумываясь о том, что пишет. Это было так, будто одна половина мозга сочиняет гладкие, ясные предложения, ведя героев через диалоги и описания к неизбежной поимке убийцы, в то время как другая половина занята чем-то совсем иным. В данную минуту она была заполнена образом мисс Каролины Бикон, спящей или, быть может, только засыпающей над книгой где-то в другом конце Лондона. Он взглянул на лист, который только что вынул из машинки. Страница сто девяносто восемь...

Джо протер уставшие глаза, и даже не взглянув на прерванную главу, направился в ванную. Десять минут спустя он уже засыпал, погасив свет. Ему еще раз вспомнилась Каролина. Он даже протянул руку к стоящему на столике у постели телефону. Ему хотелось сказать ей что-нибудь приятное и пожелать спокойной ночи. Но не позвонил. Джо очень устал, работая весь день от самого рассвета. Перед глазами пробегали шеренги маленьких черных буковок, одна за другой, словно легионы назойливых насекомых, казалось, даже звучал их едва слышный шелест, когда они проносились мимо, складываясь в предложения, порой банальные, порой бессмысленные, иногда содержательные, соединенные мостиками тире и отгороженные восклицательными знаками. Постепенно буквы исчезли и остались лишь насекомые: муравьи, кузнечики и маленькие блошки, прыгающие со строки на строку. Потом, наконец, наступил мягкий хаос сна, контуры размылись, муравьи превратились в мотыльков, мелькающих птичек и ночных бабочек... Они махали крыльями все медленнее и окружали его все расширяющимися кругами, пока, наконец, он не уснул. Последним его видением была темная, мохнатая ночная бабочка, медленно кружащая в оранжевом полумраке с легким шорохом, и может, именно поэтому его не очень удивил телефонный звонок, который разбудил его на рассвете. Но это произойдет еще через несколько часов. А сейчас, когда Алекс засыпал, не только перед его глазами появилась большая мохнатая ночная бабочка. В далеком предместье среди садов в окрестностях Ричмонд-парка летало множество ночных бабочек, и там же находилась небольшая группа людей, которые ими интересовались...

— Бабочка «Мертвая голова»! — закричал во тьме сэр Гордон Бедфорд. — Давай циан, Сирил, быстро!

Его большая, тяжелая ладонь одним ловким осторожным движением накрыла поверхность матового светящегося экрана небольшим стеклянным сосудом с расширяющимся горлышком. Огромная пойманная бабочка отчаянно затрепетала крыльями и начала метаться в стеклянной ловушке в поисках пути спасения.

Из мрака мгновенно вынырнула ладонь Сирила Бедфорда. Она была такой же большой и тяжелой, как рука его брата. Циан на ватном тампоне был ловко вложен в горлышко сосуда, бабочка еще раз судорожно дернула крыльями, а потом медленно сложила их и упала на дно сосуда. Она еще раз дернулась, потом ее согнутые лапки выпрямились, и теперь она застыла неподвижно. Гордон Бедфорд осторожно вынул ватный тампон. Ночная бабочка выпала в углубление его широкой ладони. В чуть приглушенном свете яркого фонаря, расположенного по другую сторону экрана для привлечения ночных бабочек и десятков других насекомых, покрывающих полотно и беспорядочно ползающих по нему, эта бабочка была похожа на маленькую убитую птичку, лежащую на спине.

Оба брата склонились над ней. Даже в полумраке они были очень похожи друг на друга: оба огромные, массивные, с маленькими головками, посаженными на короткие, широкие шеи. Но одеты они были по-разному: Сирил — в одну лишь белую рубашку с короткими рукавами и шорты, а Гордон Бедфорд — в толстый свитер с высоким, завернутым воротником, плотно и высоко облегающим шею, а его голову покрывала шерстяная вязанная шотландская шапочка.

— Нам неслыханно повезло, Сирил. Это уже третья за сегодняшний вечер. До сих пор такого еще никогда не было в этой стране... — быстрыми, ловкими пальцами он втокнул бабочку в пробирку, одну из многих, лежащих на складном столике, стоящем рядом с экраном. — «Атропос»... — он выпрямился и вытер пот со лба. Толстый свитер явно давал себя знать. Ночь была душной, и в воздухе уже висела гроза, хотя небо над их головами было еще чистым и покрытым звездами. Он поднял пробирку к экрану и еще раз посмотрел на бабочку. — Атропос — имя очень несимпатичной мифологической девушки, которая вызывала страх даже у Платона. Она перерезала нить человеческой жизни. Нам невероятно повезло, Сирил. Подумай только: все три бабочки прилетели сюда, в этот сад, с берегов Средиземного моря.

Сирил Бедфорд не отвечал. Он молча подошел к экрану и начал рассматривать длинное узкое насекомое с огромными, нервно дергающимися усиками, которое ярким кругами бегало по полотну, как бы стремясь пробиться сквозь него к яркому, слепящему свету. Сирил сгреб с полотна всех насекомых, и экран сразу засветился ярче.

Гордон подошел к нему и взглянул на часы.

— Половина второго... Пора заканчивать. Я хочу, чтобы ты еще сходил сейчас к Рютту и сказал ему, что прошу перенести окончательную сверку текста с семи часов на шесть. Ну и скажи ему, конечно, что ты тоже придешь и принесешь полный комплект иллюстраций.

Сирил кивнул:

— Ладно... — Он взглянул на дом. — Наши жены уже спят. У Джудит свет погас пару минут назад. Зато Роберт еще работает...

— Это хорошо... — Гордон пробежал взглядом по темным окнам второго этажа. Лишь в одном из них горела лампа за неплотно задвинутыми шторами. — Я думаю, он будет готов вовремя. Сильвия тоже спит. Я не заметил у нее света после одиннадцати... — Потом добавил, как бы разговаривая сам с собой: — Просто удивительно, как быстро женщины засыпают. Думаю, что это одна из причин, по которым они сыграли столь малую роль в развитии нашего вида.

— Что? — Сирил тряхнул головой, как человек, который, интенсивно размышляя о важной проблеме, вынужден перенести внимание на другую, совершенно его не интересующую. — Почему?

— Я думаю, что всему развитию мирового прогресса мы обязаны людям, которые не могли ночью уснуть и лежали, глядя в потолок,

даже если потолком был верхний полуовал пещеры, когда еще не было домов. Мужчины могут размышлять о чем-то, чего еще нет, но что они хотели бы создать. Женщины — нет. Они психологически детерминированы материнской функцией ухода за младенцами. Это оставляет их все еще близкими родственниками других животных. Они руководствуются инстинктом. Поэтому в вопросах, связанных с мыслительными процессами, я предпочел бы иметь дело с самым глупым мужчиной, чем с самой умной женщиной. А если говорить о сне, известны случаи, когда женщина, совершив самое отвратительное преступление, тут же преспокойно засыпала, в то время как мужчина в такой же ситуации обычно лежит, охваченный угрызениями совести, или — если ее у него нет — лихорадочно занимается предвидением ближайшего будущего. В женщинах есть что-то пугающее, Сирил, чего нет у самок рыб, птиц и даже высших млекопитающих. Цивилизация отделила от нас женщин, а наивысшие достижения человеческого мысли, совершенные исключительно мужчинами, отдалили их от нас еще больше... — Он снова взглянул в сторону темных окон. — Хорошие и плохие, красивые и некрасивые, добродетельные и преступные — все они способны спокойно спать, независимо от драматизма ситуации, которую сами же и создают, потому что добро или зло, благородный поступок или коварное преступление — все это для них лишь некие реквизиты наподобие хорошо или плохо подобранного цвета платья или шали...

Однако Гордон Бедфорд ошибался.

Ни Джудит Бедфорд, жена его брата, ни Сильвия Бедфорд, его собственная жена, не спали в эту минуту, хотя свет в их комнатах уже давно был потушен.

Джудит Бедфорд лежала в своей постели на спине и широко открытыми глазами неподвижно смотрела в потолок. Ее худые, заложенные за голову руки, были совершенно неподвижны, зато узкие, остро очерченные губы едва заметно двигались, будто она вела с кем-то невидимым оживленную беседу, а выражение ее глаз говорило о том, что своего невидимого собеседника она ненавидит. В бледном свете звезд Джудит была похожа на мертвую монахиню с аскетическими чертами лица, узким орлиным носом и гладко зачесанными седеющими волосами. Ее высокий лоб избородила сеть поперечных морщинок, преждевременно начертанных на нем жизнью. И в эту минуту лицо Джудит Бедфорд казалось лицом человека, охваченного отчаянием. Но внимательный наблюдатель сразу бы понял, что на дне этого отчаяния кроется ненависть к чему-то или к кому-то, с кем она вела свой безмолвный диалог.

Сильвия Бедфорд тоже не спала. Она тоже лежала в своей постели на спине и широко открытыми глазами глядела в потолок. Руки у нее тоже были заложены за голову. И хотя она находилась в комнате, меблированной совсем иначе, чем спальня Джудит, и хотя Сильвия была красивой, молодой и высокой, а Джудит некрасивой, невысокой и преждевременно постаревшей, однако обе они — совершенно не зная и даже не подозревая об этом, — были очень похожи друг на друга в эту минуту. Губы Сильвии точно так же беззвучно шевелились, а в ее глазах было столько же ненависти и отчаяния, как и в глазах ее невестки.

— Да... — прошептала Сильвия. — Только так... — Она вдруг резко села на кровати и, не зажигая свет, на ощупь потянулась за халатом. Сунула ноги в мягкие шлепанцы и встала. Направляясь к двери, она накинула на плечи халат. Сильвия положила руку на дверную ручку, потрянула головой, и ее темные длинные волосы, легко рассыпавшись, упали на плечи. С минуту она стояла так неподвижно, потом решительно, но бесшумно приоткрыла дверь и выглянула из комнаты.

В доме была и третья женщина. Она стояла сейчас возле своей кровати в маленькой, расположенной рядом с кухней комнатке и смотрела на темный сад. Она тоже не зажигала свет. Не хотела, чтобы кто-то знал, что она еще не спит. Фонарь за экраном находился в нескольких десятках метров от нее, по ту сторону большой клумбы, и поэтому женщине были едва видны силуэты обоих мужчин, передвигающихся, как призраки, в ореоле рассеянного света. Женщина еще некоторое время смотрела на них, потом вздохнула и тихонько улеглась в постель. Она была молода, красива и прекрасно сложена. Несколько минут она лежала с широко открытыми глазами, стараясь не думать о том, что ей надо будет делать завтра утром на кухне. Кухарка уехала к заболевшему сыну, и Агнес Уайт, которая служила горничной в доме Бедфордов, пришлось подменить ее на время наступающего уикенда. Но одновременно она думала о своем женихе, который был далеко, и об одном мужчине, который был близко. Она еще раз вздохнула и закрыла глаза. Что-то, наконец, должно было случиться, и притом очень скоро. Нелегко быть молодой, красивой девушкой и жить так долго в одиночестве на таком безлюдье... Агнес сжала губы. Ближайшее будущее принесет развязку. Она открыла глаза и, глядя в темноту, начала размышлять. Ей надо, в конце концов, решиться. Иначе... Нет, другого выхода не было. Она знала: то, о чем она думает все последние дни, должно произойти независимо от того, каким тяжелым казалось ей это решение. Лежа, она вытерла две большие слезы. Она была очень несчастна, но полна решимости. Недаром в ее жилах текла кровь десятков поколений шотландских горцев. Агнес вдруг остро ощутила, как она соскучилась по маленькой деревушке, где родилась и жила первые семнадцать лет своей жизни. Три года назад она уехала оттуда. Агнес снова закрыла глаза и, чтобы уснуть, начала считать воображаемых овец. Но эти овцы паслись на скалистом, так хорошо знакомом ей склоне, покрытом островками травы, и сон все никак не приходил...

— О, мой добрый, милостивый Господь, — прошептала она, — я, наверно, самая худшая из всех девушек. Но Ты один поймешь меня. Потому что люди, кажется, меня не понимают...

Глава вторая

...и будут там лишь пустота и тишина...

Роберт Рютт сидел за столом, стоящим посреди комнаты, и, покусывая авторучку, внимательно читал лежащую перед ним стопку машинописных листов, время от времени заглядывая в блокнот справа. Он не услышал, как за его спиной приоткрылась дверь. Он вообще ничего не услышал, потому что петли двери были очень хорошо смазаны и она открылась совершенно бесшумно. Сквозь образовавшуюся щель в комнату проскользнула обнаженная женская рука и начала медленно двигаться в сторону выключателя. Наконец пальцы нащупали выключатель, и свет в комнате внезапно погас.

Рютт резко вскочил с места.

— Кто здесь? — спросил он, невольно понижая голос.

— Т-с-с... Тише... Это я...

— Сильвия! — В его голосе прозвучало такое изумление, что она застыла неподвижно. — Как ты могла!? Кто-то мог тебя увидеть! Он... он может войти сюда в любую минуту!

— Он в саду... — прошептала Сильвия Бедфорд.

Рютт услышал ее тихие шаги, приближающиеся к нему. Его глаза уже

начали привыкать к темноте. Он уже различал ее силуэт в светлом халате на фоне темной стены.

— Ты сейчас не можешь здесь оставаться...

— Перестань! — сказала Сильвия резко, слегка повышая голос. — Никто не видел меня входящей и никто не увидит выходящей. Сейчас уйду. Но сначала нам надо поговорить.

— О Господи! — Роберт подошел к ней и положил руку на ее плечо. И хотя это прикосновение не было грубым, но и ласки в нем тоже не чувствовалось. — Неужели мы не можем найти другой возможности поговорить? Я тебя умоляю...

Она сбросила его руку со своего плеча. В темноте он не видел ее лица, но прекрасно представлял себе, как оно сейчас выглядит. Мужчина отступил на шаг.

— А вообще-то, я бы даже хотела, чтобы кто-нибудь сейчас вошел сюда и вся эта комедия, наконец, окончилась! Что-то ведь должно случиться, если он найдет меня тут с тобой!

— Ради бога, тише! — повторил Роберт. — Миссис Джудит спит за стеной.

— Ну и пусть себе спит! Она потушила свет еще час назад. И вообще, мне нет никакого дела до миссис Джудит! — Однако, несмотря на это заявление, Сильвия оглянулась в направлении стены, за которой находилась комната Джудит Бедфорд, и стала говорить тише. — Не волнуйся. Она наверняка спит как убитая... Весь день работала.

Рютт глянул в сторону открытого окна. Далеко внизу сияло белое пятно света от лампы за экраном. Он различил две фигуры, склонившиеся над небольшим столиком возле экрана, и вздохнул с облегчением. Не спуская глаз с этих двух фигур и освещающей их лампы, он сказал:

— Я должен за сегодняшнюю ночь закончить правку его рукописи. Мне осталось еще восемьдесят страниц. Если уверена, что она спит, говори быстро, что случилось. Надеюсь, он ничего не заподозрил?

— Да ничего не заподозрил! — пожалала она плечами. — Он вообще считает меня настолько вне всяких подозрений, что ни в чем бы не усомнился, даже если б увидел нас тут собственными глазами. Ну ты же его знаешь... А Джудит спит.

Но она ошибалась, потому что в эту минуту Джудит Бедфорд не только не спала, но даже не лежала в постели. Услышав шепот в соседней комнате, женщина мгновенно вскочила с кровати и босиком бросилась к камину. Она наклонилась и сунула в него голову. В эту минуту она выглядела, как ведьма из страшной сказки — в прозрачном балахоне и со сверкающими во тьме глазами. Сдерживая дыхание, Джудит слушала.

— Не сердись, — сказала Сильвия. — Я должна была прийти.

Она тихо подошла и забросила ему руки на шею, почти силой отворачивая его лицо от окна. Рютт неуверенно обнял ее, стараясь по-прежнему следить за садом.

— Я больше не могу так... — Сильвия положила голову на плечо Рютта. — Это должно закончиться! Должно, понимаешь!.. Я уже ни дня больше не могу ему улыбаться, не могу выносить, когда он целует меня, желая спокойной ночи и доброго утра. Я не могу думать об этой поездке с ним в Америку. Мне кажется, я могла бы его просто хладнокровно убить! — Она посмотрела в глаза Рютту. — Да, могла бы убить и убью его, если ты что-нибудь не придумаешь! — Произнося последние слова, Сильвия невольно заговорила громче.

— Тише! — Рютт прижал ее к себе, как бы обнимая, но даже она, вероятно, ощутила, что мужчина сделал это лишь для того, чтобы заставить ее молчать, и резко отстранилась.

— Ну ты же видишь, что они ловят там этих проклятых бабочек, — сказала она со злостью.

— Но твоя невестка... Если услышит хоть одно слово — тут же ему донесет! Она тебя ненавидит... — Он умолк и быстро прижал палец к ее губам, предвидя ответ. — Пойми, — закончил он не очень уверенно, — я ведь всем ему обязан. Не могу вынести мысли, что он о нас знает... Что мы здесь... под его крышей...

— Под его крышей?! — Она смотрела на него в темноте, и Роберт внезапно ощутил надежду, смешанную с острой болью унижения. А может, она в эту минуту отдала себе отчет в том, что любит человека, который является всего лишь секретарем знаменитого профессора и не хочет быть никем другим до конца своей жизни, а свой роман с его женой считает величайшей, хотя, может, и самой приятной ошибкой в жизни. Но Сильвия явно хотела остаться слепой. Как подавляющее большинство женщин, обладающих сильным характером, она не видела очевиднейших истин, если не хотела их замечать. — Какое мне дело до его крыши?! А если ты, как и я, не можешь больше это выносить — давай убежим! — Она снова приблизилась к нему и взяла его за плечи. — Слышишь? Убежим прямо сегодня... или завтра утром, потому что я больше так не выдержу! О, если бы он умер! Я была бы самой счастливой женщиной в мире!

— Тише! — машинально предостерег он ее снова, но тут, словно молния, блеснула в его голове мысль о том, что если бы действительно профессор Гордон Бредфорд каким-то чудом скончался этой ночью, то тогда и он, Роберт Рютт, был бы самым счастливым человеком на свете. Или если бы она умерла? При одной мысли о том, что случится, если эта безумная женщина, в конце концов, проговорится о том, что их связывает, его окатил холодный пот.

— Послушай, — мягко сказала Сильвия, прерывая ход его мыслей, — я вышла за него, потому что он был очень богат и добр ко мне. Я тогда очень от всего устала и думала, что ничего уже не хочу, кроме покоя, а потому легко через все это пройду. Но теперь уже не хочу ни доброты, ни денег этого старого ревматика. Я хочу тебя. И ты будешь моим, явно и открыто перед всем миром, так, как женщина и должна иметь мужчину.

Роберт подумал, что скорее мужчина должен говорить такие слова женщине, которая ему желанна, но смог сказать только:

— Ради бога — тише!

— Вот именно! — тряхнула головой Сильвия. — Мне надоели ложь, шепот и тайные свидания! Если ты меня любишь так, как говоришь, да если даже ты лишь наполовину любишь меня так, как говоришь, то давай убежим, или...или... Послушай, мы должны что-то сделать! Все это не может так продолжаться! Роберт! — Она взяла его голову в ладони и вынудила смотреть ей в глаза. — Ты меня слышишь? Скажи что-нибудь...

— Я тебя слышу, — прошептал Рютт. — Но что мы можем сделать? Пойми, если уеду сейчас с тобой, я потеряю работу. Я ведь его секретарь и живу на деньги, которые он мне платит. Содержу на это жалованье мать и младшую сестру. Я не говорил тебе об этом, — добавил он быстро, — потому что мы никогда не говорили о моих делах. Но это правда. Я отвечаю за их судьбу. Но и ты... ты ведь тоже все потеряешь, если перестанешь быть его женой. Сейчас тебе все кажется простым, но что будет потом? Я ведь не сумею дать тебе и одной сотой того, что он. Я люблю тебя, но не настолько безумен, чтобы загнать нас обоих в безвыходное положение. Наша любовь растаяла бы среди нужды и упреков совести. Нам надо спокойно все обдумать. Когда ты вернешься из Штатов, мы что-нибудь придумаем...

Он умолк и скосил глаза на сад за окном. Огонек по-прежнему горел. Две огромные тени двигались у экрана. Роберт быстро отвел глаза от окна и посмотрел на Сильвию. Аргумент о матери и сестре пришел ему в голову в последнюю минуту. Он с облегчением вздохнул. Надо держаться этой версии.

— Хорошо... — сказала Сильвия после краткого раздумья. — Может, ты и прав. Надо, конечно, спокойно все обдумать, но...

— Послушай, — Рютт снова глянул в окно, — они могут оттуда заметить, что погас свет. Ведь профессор... я хотел сказать — твой муж, знает, что я сейчас работаю над текстом и должен отнести его ему, как только закончу. Скоро уже два часа ночи, и они сейчас прекратят ловлю бабочек. Профессор никогда долго не задерживается на свежем воздухе... ты ведь сама знаешь... Я сейчас спущусь к ним и спрошу что-нибудь... ну, что попало... чтобы оправдать, почему тут выключился свет. А мы с тобой поговорим утром или, еще лучше, после того как вернешься из Америки. Нам нужно некоторое время. Дай и мне подумать... А сейчас я пойду...

Он сделал движение, будто хотел уйти, но задержался. Сильвия стояла неподвижно, вглядываясь в темноту. Потом шагнула вперед, обняла его и, прижавшись головой к его груди, сказала почти с отчаянием:

— О Боже, Боже, Боже... как же я, глупая, страшно тебя люблю. А ведь должна презирать тебя, жалкий трус... Но не могу... не могу... не могу...

— Кто-то идет со стороны дома... — сказал сэр Гордон Бредфорд и, прикрыв глаза ладонью, повернулся спиной к экрану, стараясь распознать, кто это приближается к ним, обходя клумбу.

— Я не помешал? — Рютт остановился в нескольких шагах от братьев.

— Вы никогда мне не мешаете, Роберт, — улыбнулся Гордон. — Что случилось? Какие-то трудности с вычиткой текста?

— О, нет, господин профессор. Несколько мелких правок по пунктуации, и то они, вероятно, возникли в результате моих ошибок при перепечатке текста. Я пришел, чтобы спросить: принести ли вам рукопись сразу же после окончания правки, чтобы вы могли просмотреть ее еще до отъезда?

— Да, конечно. Я как раз только что просил моего брата передать вам, что рукопись должна быть готова не к семи утра, как мы договаривались раньше, а к шести. Мы просмотрим все иллюстрации и разместим их по тексту. Надо будет наклеить их на отдельные листы и цветным фломастером указать, какой странице соответствует каждая иллюстрация. Это займет у нас примерно часа два, и потом вы сразу отправитесь в издательство. Я договорился с ними о том, что текст книги со всеми иллюстрациями будет у них до полудня. Таким образом, это дело будет у нас уже сделано. — Он подошел к своему секретарю и, приглядевшись к его лицу в свете фонарика, скептически сказал: — Боюсь только, не упадете ли вы от усталости? Но, к сожалению, я не умею работать днем...

— Я прекрасно себя чувствую, господин профессор, — горячо возразил Рютт. — А вернувшись от издателя, немедленно, если позволите, просмотрю текст вашего доклада.

— Я собирался сделать это в самолете, — сэр Гордон секунду подумал. — Лучше всего будет, если сейчас вернетесь к себе, закончите корректуру и пару часов поспите. У вас есть будильник?

— Конечно, господин профессор...

— Вот и отлично, — Гордон подошел к экрану и пригляделся к двум бабочкам, которые сели на освещенную поверхность, потом обернулся к обоим стоящим молча мужчинам. — Ну что ж, пошли отсюда. Наверно, у тебя есть еще кусок работы с результатами, — обратился он к Сири-

лу. — А кроме того, не следует искушать удачу... А вы знаете, Роберт, что у нас была сегодня необыкновенно удачная охота! Перед вашим приходом мы поймали четвертую бабочку «Мертвая голова» за эту ночь! Это просто невероятно, не правда ли?!

— Четыре бабочки? — переспросил искренне удивленный Рютт. — Это подтверждает вашу теорию об их стадном инстинкте и массовых перелетах!

— Ну конечно! Мне кажется, что сегодня мы ловили их как раз на трассе перелета! Очень интересно, какие результаты покажут наблюдения немцев и французов. Они тоже с середины мая исследуют предположительные трассы их перелетов. Да, но еще есть проблема этого удивительного поколения, которое они произвели на свет здесь и в Скандинавии. У меня, разумеется, есть одна концепция, почему это произошло, но... — он умолк и потер плечо. — Пойдемте скорей отсюда. Боюсь, уже поздно... А ночь для меня убийственна, Роберт... Кроме того, мы же завтра вечером летим в Нью-Йорк. Вы тут сверните этот экран, — он снова потер плечо. — Мне кажется или на самом деле стало холодать?

— А ты не замечаешь, что в воздухе висит гроза? — спросил Сирил Бедфорд, осторожно собирая со стола пробирки и укладывая их в кожаную сумку. — Все ревматики чувствуют приближение грозы, разве не так?

Рютт очистил экран от насекомых, вытащил из земли два колышка и педантично стал сворачивать ткань. Потом подошел к складному столику и сложил его.

— Подать ли вам на ночь лекарство?

— Да нет! Пока еще не болит сильно... А дома тепло, и никто не устраивал там сквозняков. Пошли! Все взяли?

— Все, — Сирил кивнул и пошел первым, захватив по дороге фонарь и подняв его над головой, освещал им дорогу.

Они обошли клумбу, и когда остановились у двери дома, Гордон посмотрел на часы.

— Скоро два. Заканчивайте вычитку и корректуру, Роберт, и поспите немного. Впрочем, меня за вас совесть особо не мучит, потому что вы отоспитесь за все прошлые ночи после моего отъезда. Мы вернемся лишь через десять дней... Только помните: я хочу видеть вас обоих внизу ровно в шесть. Тебя, Сирил, со всеми снимками, а вас, Роберт, с корректурой...

Они вошли в дом. Сирил погасил лампу и на ощупь стал искать выключатель. Роберт закрыл входную дверь. Вспыхнул свет. Рютт поставил свернутый экран возле стояка для зонтов, потом повернулся и запер входную дверь на тяжелый, старый засов, который скользнул легко и бесшумно, потому что, вероятно, был хорошо смазан.

— Ну ладно, — сказал Сирил Бедфорд и, передав брату сумку с пробирками, широко зевнул. — Пойду в фотолабораторию, чтобы проверить, не надо ли что-нибудь подретушировать на снимках. И тоже потом немного вздремну...

— Спокойной ночи, господин профессор, — сказал Рютт и двинулся к лестнице, ведущей вверх. Сирил пошел следом за ним.

— Спокойной ночи... — сэр Гордон приостановился, взявшись за ручку двери. — Не забудьте: в шесть... Потом у меня будет еще масса дел до полудня, а после полудня хотел бы еще немного поспать перед дорогой... Правда, я, к счастью, хорошо сплю в самолетах, и вероятнее всего, проснусь уже в Нью-Йорке...

Он нажал на дверную ручку и, слыша приглушенные голоса на лестнице, вошел в свой кабинет.

Тщательно заперев дверь, он остановился и, сдвинув брови, осмотрелся. Затем медленно подошел к другому столу — лабораторному, который

тянулся по всей длине одной из стен. Положил на него сумку с пробирками, рядом с ней шапку и вытер платком вспотевший лоб. Вокруг него, от двери и до окна, на всех стенках висели ряды застекленных коллекционных ящичков, в которых покоились ночные бабочки, большие и маленькие, со сложенными и разложенными крыльями, в разных стадиях развития; на листьях лежали яйца, в маленьких пробирках виднелись гусеницы, личинки и взрослые особи. Некоторые были большими, как те, что пойманы сегодня ночью, другие — совсем маленькими. Гордон оглядел всю комнату, скользнув по своему музею невидящим взглядом, а потом этот взгляд вернулся к столу, посреди которого, опираясь на стену, стоял маленький шкафчик, снабженный красной надписью «Осторожно — яд!». Он вынул из сумки баночку с цианом, поставил ее в шкафчик и автоматически повернул ключик в замке шкафчика. Затем подошел к подручной полке с книгами, стоящей рядом с рабочим столом. Он отодвинул одну из полок, которая искусно маскировала укрытую за ней кофеварку. Сэр Гордон насыпал в нее кофе из маленькой баночки и включил в сеть. Потом, стоя неподвижно, смотрел на небольшой столик, на котором стояла пишущая машинка. Услышав тихое урчание кофеварки, он подошел к лабораторному столу, открыл один из ящичков и вынул из него коробочку, в которой лежали маленькие прозрачные капсулы. Одну из них он вынул, а коробочку закрыл, положил обратно в ящик и задвинул его. Потом, держа в руках вынутую капсулу, снова открыл дверцы шкафчика с надписью «Осторожно — яд!» и снова вынул из него баночку, которую перед этим поставил туда. Из бокового ящика достал резиновые перчатки, надел их, открутил крышку баночки и аккуратно высыпал порошок в капсулу маленькой деревянной ложечкой. Закрыв капсулу, выпрямился и положил ее на стол. Затем снова закрыл шкафчик с ядами, внимательно осмотрел капсулу и, вложив ее в одну из маленьких коробочек, лежащих в углу стола, сунул эту коробочку в боковой карман брюк.

Кофеварка тихо и мелодично засвистела. Сэр Гордон снял перчатки, быстро подошел к ней и налил себе чашку кофе. Он поставил ее на столик, рядом с пишущей машинкой. Глядя на маленькое облачко пара, выходящее над чашкой, тихо сказал сам себе:

— Ну вот... Кажется, это все...

Медленно подошел к столу, который хоть и был завален книгами и бумагами, создавал, тем не менее, впечатление строгого и постоянно поддерживаемого порядка. Такой порядок не является результатом уборки, — он существует всегда, когда человек, работающий за таким столом, ощущает внутреннюю необходимость окружить себя предметами, всегда стоящими на одних и тех же, заранее определенных местах, чтобы иметь возможность без труда взять их оттуда, где они должны находиться.

Сэр Гордон протянул руку и поднес к глазам небольшую фотографию в простой рамке, стоящую на столе. На фотографии была запечатлена его жена — Сильвия, красивая, в белом платье и улыбающаяся, она стояла на тропинке, окруженная цветами. С минуту он смотрел на снимок, потом медленно опустил руку и поставил фотографию на прежнее место. Потом подошел к окну и отодвинул штору. За окном еще не светало, но ночь уже не была такой густой и темной, как четверть часа назад.

— Двадцать первое июня... — прошептал сэр Гордон. — Самый длинный день года...

Он взглянул на часы. Четверть третьего. Задвинув штору и вернувшись к столику, на котором стояла пишущая машинка, автоматически выпил кофе, отставил в сторону чашку и вложил в машинку лист бумаги. Некоторое время сидел неподвижно, вглядываясь в чистый лист. Потом вынул из кармана коробочку с капсулой, повертел в пальцах и спрятал обратно в карман.

— Человек не должен бояться того, что должен сделать, — глухо произнес он, так, будто эти слова были отражением мыслей, таящих намного большее значение.

С внезапной решимостью он выровнял бумагу на валике и начал писать:

«Я больше так не могу. Я встал на пути любви двух людей, которых ценю и уважаю. Если бы я не ушел, то стал бы причиной трагедии, которая будет продолжаться всю их жизнь. А поскольку их счастье представляется мне гораздо более важным, чем моя жизнь, то, размышляя о них и о себе, нашел единственный выход, который видится мне возможным. К сожалению, я не смог бы жить без этой единственной в моей жизни женщины, которую я полюбил. Любимая, не сердись на меня. Не обижайся на меня за этот шаг. Пойми, что здесь я постоянно страдал бы, глядя на вас. А там... там будет лишь пустота и тишина...»

Часть третья

Глава третья

...Он умер. Это случается с каждым...

Немецкий истребитель сделал широкий круг и появился сверху справа, со стороны солнца, которое слепило Алекса... «Истребитель, справа, сверху», — сказал он в микрофон. «Понял, истребитель, справа, сверху», — ответили два спокойных голоса, один из которых принадлежал бортовому стрелку Бенжамину Паркеру. В ту же секунду маленькая черная тень на мгновение перекрыла солнце, и сквозь рокот двигателей Джо услышал долгую, нескончаемую очередь пулеметов противника. Он нажал на штурвал, и нос тяжелой машины наклонился вниз к невидимой за облаками земле. Пулеметная очередь не смолкала. «Еще полсекунды, — думал Алекс, — еще четверть... Сейчас это кончится, а потом пройдет время, и он начнет атаку с другой стороны...» И сразу же грозный сигнал в мозгу: «Почему молчат наши пулеметы?» Но вражеская очередь не смолкала и не заканчивалась... Джо еще сильнее налег на штурвал. Бомбардировщик накренился на крыло и вошел в белую почти липкую вату облаков... «Теперь я от него ушел», — с облегчением подумал Джо. Но острый пронзительный треск пулеметной очереди не стихал. «Каким чудом он висит надо мной?» — успел подумать Джо и проснулся.

Он резко поднялся на постели.

Телефон звонил непрерывно.

Алекс тихо выругался и потянулся к трубке.

— Алло, это Алекс, кто говорит?

— ...

— Я так и знал, что это ты... Кому бы еще могло прийти в голову будить человека ночью, да еще таким способом,

— ...

— Что? Уже день? Ну тогда — добрый день!

— ...

— Я надеюсь, что кого-то убили, иначе, полагаю, ты дал бы мне попользоваться моими гражданскими правами...

— ...

— Да. Я понимаю. Но ты можешь, в конце концов, сказать, что случилось?

— ...

Алекс тихо присвистнул и свободной рукой протер глаза.

— ...

— Да, конечно, я его даже знаю. То есть — знал. Профессор, выдающийся экономист, который писал книги о ночных бабочках?..

— ...

— Да, конечно, приеду! Буду через пятнадцать минут. В смысле — выведу через пятнадцать минут.

— ...

Джо положил трубку и выскочил из постели.

Через полчаса он уже медленно вел машину по широкой загородной аллее, по обе стороны которой за высокими ограждениями утопали в старых садах виллы, почти все без исключения несущие на себе отпечаток моды, царившей в эпоху второй половины правления королевы Виктории. Хотя архитектурный стиль того периода всегда казался Алексу выражением величайшего упадка человеческого духа в этой области искусства, он, тем не менее, очень внимательно и подробно запечатлевал в своей памяти очередные дома с парными номерами в этой аллее.

Начинался теплый летний день. Могучий ряд старых лип, стоящих, вытянувшись, как гренадеры, вдоль тротуаров, бросал глубокую тень на сады и дома.

— Пятьдесят... пятьдесят два... пятьдесят четыре...

У тротуара напротив дома, означенного номером пятьдесят четыре, Джо увидел два больших черных автомобиля. Он хорошо знал их, но на всякий случай глянул на регистрационные номера. Один из автомобилей принадлежал заместителю начальника Департамента уголовного розыска Скотленд-Ярда. Джо мягко нажал на педаль тормоза и припарковался за этими двумя черными автомобилями.

Дом под номером пятьдесят четыре был расположен несколько дальше от улицы, чем соседние виллы. С того места, где Джо оставил свою машину, можно было увидеть лишь крышу дома, поскольку густой дикорастущий виноград заслонял весь дом, оплетая снизу доверху железную решетку с золотистыми остриями верхушек вертикальных прутьев. Целые каскады виноградных лоз опадали вниз на плиты дорожки и оплетали калитку, превращая вход в сад в вылет глубокого зеленого тоннеля.

Алекс вышел из машины и, с интересом оглядываясь вокруг, направился к калитке.

Стало быть, здесь жил и умер Гордон Бредфорд.

Джо покачал головой. Казалось бы, столь состоятельный человек мог выбрать для себя более оптимистическое окружение, чем этот мрачноватый, тяжеловесный дом, стоящий в далеком предместье. Но ведь это мог быть дом его детства. По всей видимости, он стоит здесь как минимум восемьдесят лет. А может, тут жили родители Бедфорда? Он даже мог родиться в этом доме. В те времена люди рождались не в клиниках, а дома. Это даже было хорошим тоном в державе старой королевы, где хорошее воспитание и скромные манеры были высшим, если не единственным мерилom ценности человека.

Позволяя мыслям путешествовать в точно не установленных областях гипотетического прошлого и почти подсознательно думая о том, родился сэр Гордон Бедфорд на первом этаже дома или на втором, Алекс подошел к калитке и протянул руку к круглому белому эмалированному щитку, посреди которого торчала черная пуговица звонка...

Спальни, конечно, расположены на втором этаже, стало быть, если Бедфорд родился в этом доме, то произошло это, вероятно, в одной из них...

Джо встряхнулся. Он все еще чувствовал себя не проснувшимся окончательно.

Но не успел он прикоснуться к звонку, как калитка распахнулась, и дорогу преградил полицейский в мундире.

— Вы кого-то хотели видеть, сэр?

— Меня зовут Алекс, — сказал Джо, — и четверть часа тому назад мистер Паркер просил прибыть по этому адресу.

— Так точно, сэр. Мне приказано впустить вас. Прошу, проходите. Эта тропинка приведет прямо к входной двери.

Он взял под козырек и вежливо улыбнулся, делая шаг назад, чтобы дать возможность входящему свободно пройти.

— Спасибо, констебль, — Джо многозначительно подмигнул и не торопясь вошел.

Он услышал позади глухой, тяжелый лязг. Калитка захлопнулась. Ступая по узкой, выложенной каменными плитами дорожке, которая тянулась параллельно усыпанному галькой подъездному пути для автомобилей, он ощущал на своей спине взгляд полицейского. Наверно, читал какую-нибудь мою повесть, а может, даже все? Вечером вернется домой и скажет жене, снимая свой шлем и вешая его на стояк в прихожей: «Представь себе, сегодня я видел этого самого Джо Алекса!» Жена всплеснет руками и вытрет их о фартук, который надела, чтобы приготовить мужу обед. «Это которого Алекса?!» — «Ну того, что книжки пишет...» — «Да что ты говоришь?! И где же ты его видел?» В ответ на это полицейский приложит палец к губам: «Т-с-с-с! Об этом никому нельзя говорить. Я был на службе, когда погиб знаменитый сэр Гордон Бедфорд ...» Жена встряхнет головой: «Гордон Бедфорд? Никогда не слышала. А кто он такой?» — «Как — ты не знаешь? Ну, это тот великий экономист, который пописывал книжки о ночных бабочках...»

Нет, этого полицейский не скажет. Полицейские не разбираются ни в экономике, ни в ночных бабочках. Если полицейский давно несет службу в этом квартале, он, конечно, мог что-то знать о человеке с такой фамилией, но уж наверняка не знал никаких подробностей. О подробностях люди узнают из вечерних газет.

Джо обернулся. Только сейчас он осознал, что перед воротами не было толпы зевак и ни одного автомобиля, кроме полицейских. Это означало, что пресса не поставлена в известность, а прислуга даже не успела вынести это известие из дома в ближайшие, пробуждающиеся к утренней жизни лавки и магазины.

Входная дверь находилась в боковой стене дома. Приближаясь к ней, Алекс увидел в глубине большой, великолепно ухоженный сад. Он с удивлением заметил большие красные георгины на огромной, расположенной в центре сада клумбе.

Дверь открылась, и на пороге появился высокий толстощекий молодой человек в несколько излишне безукоризненно скроенном костюме и идеально завязанном, но слишком ярком галстуке.

— Доброе утро, мистер Алекс! — блеснул он красивыми белыми зубами и слегка поклонился, с уважением пожимая протянутую ему руку. — Какое интересное дело, боже ты мой, — весело сказал он. — С первой минуты, как только мы сюда приехали, телефон звонит и звонит! Одни министры! Шефу даже некогда было еще тут осмотреться. Непрерывно стоит у телефона и повторяет: «Да, сэр, так точно, сэр!»

Джо улыбнулся.

— В таком случае, я застану вашего шефа в прекрасном расположении духа, — сказал он, входя в дом и осматриваясь в узком, обшитом темным

деревом холле. — Я знаю, что ничто не доставляет ему большего удовольствия, чем беседы с высокопоставленными чиновниками. Это наивысшая и наиболее желанная награда за пот и труд его полицейского бытия...

— Я не уверен, сэр, — Джонс покивал головой с идеально причесанными темными волосами. — Он в такой ярости, что к нему трудно подойти. Хорошо, что вы приехали...

Из холла в глубину дома вела двойная дверь. Узкая лестница, покрытая толстым ковром, полукругом тянулась наверх. В противоположном углу холла виднелись каменные ступени, ведущие вниз, вероятно, в подвал.

— А каковы первые впечатления моего друга Бена Паркера, сержант? — спросил Алекс, оглядываясь по сторонам. Закончив осмотр и задав этот вопрос, Джо с явной симпатией взглянул на сержанта Джонса. Ему нравился этот парень, на первый взгляд похожий на щеголя из лондонских окраин. Однако, как обычно, первый взгляд ошибочный, потому что Джонс был прекрасным сотрудником Паркера и мог самоотверженно, часто без еды и сна, находиться рядом со своим шефом, всегда с добродушной улыбкой на лице, всегда безукоризненный и наполненный неизменной любовью к своей профессии. К Алексу сержант Джонс испытывал чувство, подобное суеверному восхищению, какое дикари испытывают по отношению к чародеям, обладающим, по их мнению, властью над всеми проблемами жизни и смерти на земле и на небесах. Впрочем, способы, какими Джо Алекс разрешал стоящие перед следствием проблемы, должны были казаться удивительными и необыкновенными каждому молодому выпускнику полицейской академии.

— Не знаю, сэр, — Джонс развел руками. — Пока что мы запустили всю обычную машину расследования: фотографов, дактилоскопистов, медэксперта... Они там сейчас сидят и занимаются своим делом. На первый взгляд кажется, что это самоубийство. Но шеф недоволен. Думаю, поэтому он сразу позвонил вам...

В эту минуту дверь распахнулась, и Алекс увидел выходящего из нее Бенжамина Паркера, заместителя начальника Департамента уголовного розыска Скотленд-Ярда. Возникший сквозняк громко захлопнул входную дверь.

— О! — воскликнул Паркер. — Ты уже здесь... — и по его улыбке Джо сразу понял, что заместителю начальника Департамента уголовного розыска совсем тут не весело.

Паркер обратился к сержанту:

— Джонс, они там уже заканчивают. Когда будут готовы отпечатки пальцев, заключение медэксперта и снимки, сразу давай мне все это, независимо от того, будем мы кого-то в этот момент допрашивать или нет. Вызовешь меня.

— Так точно, шеф.

— Пошли, — сказал Паркер Алексу и взял его под руку. — Сейчас мои люди закончат свои обычные дела в комнате, где наступила смерть, и мы с тобой сможем туда войти. А пока пойдем в столовую...

Не выпуская руки друга, он повернул к двери, из которой минуту назад вышел, и легонько подтолкнул Алекса в ее направлении.

Они вошли в большую мрачную комнату, посреди которой стоял, а точнее, тянулся огромный стол, окруженный стульями. На двух стенах висели портреты, вероятно, супружеских пар конца восемнадцатого и начала девятнадцатого века. Третью стену занимал великолепный буфет в стиле неоклассицизма, настолько напоминающий работы Томаса Чиппендейла, что Алекс застыл на пороге, а потом подошел и, осмотрев буфет ближе, с одобрением покивал головой.

— Что ты там увидел? — спросил Паркер с внезапной бдительностью.

— О, ничего особенного... то есть, ничего такого, что было бы связано с твоей профессиональной деятельностью. Но мне кажется, что это одна из красивейших работ Чиппендейла.

— То есть как? — удивился Паркер. — Ведь мебель Чиппендейла выглядит совсем иначе.

— Это правда... — Алекс обошел буфет вокруг, критически разглядывая стоящую за остекленными дверцами серебряную посуду. Ему не нравилось слишком хорошо вычищенное серебро. — Это правда, и, я думаю, ты — единственный в Лондоне полицейский, который хоть немного разбирается в мебели... ну, не совсем, конечно. Дело в том, что на старости лет Томас Чиппендейл занимался столярными работами именно в таком стиле. Если можно его творения назвать столярными работами. Но, наверное, он сам их так называл. Он был очень скромным человеком, хотя и обессмертил свое имя. И я почти убежден, что это его работа...

— Ладно... — Паркер потер лоб ладонью. — Я тебя умоляю, Джо, не втягивай меня сейчас в idiotские рассуждения о стилях мебели!

— Да? — Джо Алекс вздохнул. — Ты хочешь сказать, что единственный вид столярных изделий, который тебя сейчас интересует, — это гроб?

Он подошел к столу, сел, вынул желтую пачку своих любимых сигарет «Gold Flake» и достал одну. Не закуривая, он ждал, пока Паркер усядется на один из стульев рядом. Только теперь, внимательно присмотревшись к нему, Джо понял, как сильно потрясен происшедшим его друг.

Несколько минут они молчали. Из-за двери, расположенной возле буфета, доносился шелест шагов и время от времени вполголоса переговаривались люди.

— Он там... — сказал Паркер. — Мы, конечно, можем войти туда и сейчас, но, может, лучше подождем, пока техническая группа закончит свою работу. Я велел собрать все отпечатки пальцев и следы во всей комнате и сделать полный комплект снимков... — он пожал плечами, — даже таких, которые мне самому кажутся совершенно ненужными. Вообще, стараюсь действовать как можно точнее, соблюдая все правила, чтобы никто не мог меня потом упрекнуть даже в наименьшем упущении, — он рассмеялся сухим, невеселым смехом.

— А что, собственно, случилось? — спокойно спросил Джо. — Ты разбудил меня нечеловеческим образом в нечеловеческое время. Я приехал на место преступления и пока даже не увидел покойника. Также не заметил в доме ни одной живой души, за исключением твоих заслуженных специалистов. Покойный жил тут один?

— Да нет, ты что! Дом полон людей: жена, брат, невестка, секретарь, горничная — все они были тут с ним, когда он погиб... Но все спали и никто ничего не слышал.

— Он застрелился?

— Нет... — Паркер отрицательно покачал головой. — KCN в кофе.

— Как ты сказал? — поднял брови Алекс. — Я не силен в токсикологии. Можешь мне подробнее объяснить, что такое KCN?

— Цианид калия, или цианистый калий...

— Ага, спасибо. Он был один в комнате, когда пил этот кофе?

— Похоже на то.

— И в котором часу?

— Примерно между половиной третьего и четырьмя утра, как утверждает доктор Беркли. Но он говорит, что когда покойник будет на его столе, сможет точнее назвать время смерти.

— Ну так как другие могли что-нибудь слышать?

Алекс закурил и глубоко затянулся.

— Не знаю как, не знаю почему. Ничего не знаю. Я только что разговаривал со всеми ними. Они ведут себя сдержанно, как и пристало нашим английским братьям и сестрам, но все они мне не нравятся. Все до единого. Я велел им разойтись по комнатам, и все они сейчас, как бы это выразиться, под своего рода наблюдением Стивенса, который прогуливается вон там по коридору... — Паркер показал пальцем на потолок. — Джонс стоит внизу в холле. Это единственный выход из дома.

— А ты не принимаешь во внимание действительную возможность самоубийства?

— О, разумеется. Перед покойным даже лежало письмо самоубийцы.

— Ну тогда... — Джо сел и зевнул. — А не могли бы мы выдвинуть единственную в этом случае приличную гипотезу, то есть, сказать себе, что сэр Гордон Бедфорд, несмотря на то, что был владельцем изумительного по красоте буфета, пожелал распрощаться с этим миром? Если так поступим, то я вернусь домой и снова лягу в постель. И можешь не сомневаться, немедленно усну. — Он глянул на часы. — Семь утра! Господи, какая рань... А ты, хотя никогда и не спишь вообще, мог бы вернуться в Скотленд-Ярд и после сообщения всем заинтересованным высокопоставленным лицам этого известия заняться будничной канцелярской работой. А, Бен? У тебя ведь есть прощальное письмо и, как я понимаю, нет ни одного подозреваемого, иначе ты давно бы мне сказал об этом, и самое главное — нет ни одной зацепки. Разве не так? Я только вот не понимаю: почему ты сейчас выглядишь так, будто сам его убил?

— Если б я его убил, то, по крайней мере, знал бы точно, что тут произошло. А пока настолько ничего не понимаю, будто перед моим прибытием сюда через этот дом протопало стадо слонов. Кстати, ты, я полагаю, знаешь, кем был сэр Гордон Бедфорд?

— Знаю. Очень богатый джентльмен в среднем... ну, скажем, в позднем среднем возрасте с разнообразными интересами и любовью к изучению ночных бабочек. Был даже почетным профессором Оксфордского университета, не правда ли? Он умер. Это случается с каждым. Наверно, ему надоела жизнь, и он оставил прощальное письмо, в котором объяснил мотивы своего шага. Это тоже случается со многими.

— Да. Только есть одно «но», — Паркер иронично улыбнулся. — Да, письмо он оставил. Но не одно прощальное письмо, а целых два. И каждое из них содержит совсем иной мотив этого, как ты называешь, шага. А это, насколько мне известно, не очень часто встречается, не так ли?

— Ну наконец-то! — Джо встал. Вся сонливость мгновенно исчезла, будто кто-то вылил ему на голову кувшин ледяной воды. — Я знал, что ты что-то прячешь в рукаве, старый, хитрый плут. Ага! Теперь отчетливо все себе представляю: приезжаете, ты находишь прощальное письмо самоубийцы, вздыхаешь с облегчением, а потом куда-то заглядываешь и... находишь другое письмо! Как говорят в школе: с той же силой, но в противоположном направлении. А потом начинают звонить разные высокопоставленные лица, для которых того факта, что ты являешься заместителем начальника Департамента уголовного розыска, вполне достаточно, чтобы спустя две минуты после начала расследования требовать от тебя результатов: имя убийцы, его мотивы, а также полного разоблачения гнусного отравителя и подписанного им в присутствии двух свидетелей признания в своей вине. Ах, ты мой бедный! Но теперь не волнуйся — я с тобой!

Джо рассмеялся и потушил сигарету. Потом стал серьезным.

— Это примерно так выглядело, Бен?

Паркер забарабанил пальцами по столу.

— Твоя наблюдательность и фантазия делают тебе честь — предположения близки к истине.

Джо кивнул.

— Расскажи мне, что знаешь, и беремся за работу. — Он снова взглянул на часы. — Правда, сейчас такая рань... Но, как говорится, кто рано встает, тому... — он умолк.

— А я ни о чем другом и не мечтаю, — сказал Паркер. — Но, к сожалению, ты мне слова не даешь сказать. Так вот, слушай...

Глава четвертая

В самом центре коллекции, между двумя огромными ночными бабочками...

Паркер глубоко вздохнул.

— Должен тебе сказать, что в течение последних двадцати минут звонили мне сюда: сначала мой шеф, потом шеф моего шефа, потом один министр, потом снова мой шеф под давлением какого-то могущественного финансиста, и наконец, еще один министр. Все по сути с одним требованием: скорейших результатов расследования. В конце концов, я сам позвонил шефу, умоляя, чтобы он всем, включая репортеров, заблокировал связь со мной. Честно говоря, у меня было не больше десяти минут времени, чтобы обменяться несколькими словами с жителями дома и осмотреться в комнате, где обнаружено тело. Этого было достаточно, чтобы позвонить тебе. Но сперва о Бедфорде... — Паркер на несколько секунд умолк, а потом заговорил быстро, будто отдавая себе отчет в том, что время неумолимо бежит, а где-то в огромных кабинетах ждут у телефонов важные особы, которые совершенно не разбираются в методах ведения полицейского расследования, но готовы к немедленной и самой суровой критике, если что-то пойдет не так, как им хочется. — Бедфорд не был ни мультимиллионером, ни биржевым магнатом, смерть которого могла бы отразиться на курсе акций. Он, конечно, был очень богат и еще недавно вел бизнес в нескольких областях, но в последнее время вышел из него, и насколько мне известно, посвятил все свое время жене, с которой познакомился несколько лет назад и на которой женился спустя несколько недель после первого знакомства, а также ночным бабочкам, которых любил с детских лет и которые всегда оставались главным увлечением его жизни. Ну, ты уже знаешь, что он даже получил почетную степень доктора наук за свои труды, посвященные жизни ночных бабочек. В качестве исследователя жизни этих насекомых он, разумеется, был известен лишь небольшому кругу специалистов, и я понятия не имею, откуда ты, например, можешь о нем знать... — Но Джо не ответил, а лишь усмехнулся, и Паркер продолжал: — В Сити и в правительственных кругах Бедфорд был больше известен как финансовый эксперт. Говорят, у него были просто гениальные способности предвидения последствий подписанных контрактов и путей развития международной торговли. Он даже был постоянным советником нашего правительства при подготовке к подписанию международных договоров. Он знал много тайн, и через его руки проходило множество секретных проектов, касающихся таможенных тарифов, цен, международного оборота финансов и сотни других областей, о которых ни ты, ни я ничего не знаем. Его честность и добросовестность вошли в поговорку. Надо помнить о том, что люди, занимающиеся международной торговлей, всегда подвергаются опасности предложения взяток и

разного рода подкупа. Во многих странах принятие такого рода «комиссионных» не считается преступлением, а всего лишь доходом, получаемым вследствие занимаемой должности. У нас тоже кое-где можно встретить такое отношение. Так вот, Бедфорда как раз и ценили больше всего за его непреклонное отношение к попыткам подкупа и к любым полулегальным отношениям. А поскольку он обладал твердым характером, то неумолимо преследовал все проявления такого рода, как только нападал на их след, и немедленно заявлял об этом открыто, невзирая на положение и статус подозреваемого в злоупотреблениях. Вследствие этого не одна репутация была загублена раз и навсегда. У него было много врагов, его боялись, хотя и называли «Катоном¹ финансов». Самоубийство такого человека, а точнее, выяснение, самоубийство ли это, и если да, то по какой причине, — естественно, очень волнует высокопоставленных лиц. Поэтому они и насаждают на меня, чтобы я сообщил им результаты предварительного расследования. Разумеется, я сразу же проинформировал кого надо о том, что хочу пригласить тебя в помощь. К счастью, они немедленно согласились. Ибо доверяют не только твоим способностям, но и твоему умению хранить тайны. А как первое, так и второе может нам сегодня очень пригодиться, потому что, должен сказать прямо, если мы быстро чего-то не сделаем, то, как мне кажется, можем оказаться перед лицом того, что бульварная пресса называет «неразрешимой задачей». Если отпечатки пальцев не помогут и если никто не расколется, я не знаю, что тут можно сделать. Впрочем, если бы не эти два письма... — Тут его перебил стук в дверь.

Джонс просунул краснощекое лицо в приоткрытую дверь:

— Наши люди уже закончили, шеф. Через десять минут приедет машина за покойником. Оставить его пока в кабинете в том же положении, в каком нашли?

— Да! — Паркер встал. — Мы хотим еще раз осмотреть это место, и думаю, тело покойного может нам пригодиться. Пусть люди из морга подождут. Я сам скажу им, когда можно будет забрать тело.

— Так точно, шеф!

Джонс исчез. Паркер двинулся в сторону двери, но задержался еще на минуту, чтобы закончить свой рассказ Алексу:

— В шесть утра, ну, может, на несколько минут позже, секретарь покойного Роберт Рютт позвонил живущему поблизости врачу, доктору Гарднеру, и с тревогой сообщил ему, что обнаружил сэра Гордона Бедфорда сидящим за столом в своем кабинете и не подающим признаков жизни. Врач прибыл спустя десять минут и немедленно констатировал смерть. Письмо, лежащее на столе перед покойным, характерный запах остатков кофе в чашке и такой же запах из уст покойного дали доктору основания предположить, что сэр Гордон покончил жизнь самоубийством при помощи калиевой соли синильной кислоты, то есть того KCN, о котором ты спрашивал, или попросту говоря, цианистого калия. Запас этого вещества, впрочем, находился тут же под рукой в кабинете, поскольку сэр Гордон употреблял его для того, чтобы убивать насекомых.

— Понятно, — сказал Алекс. — Ну что ж... Пойдем взглянем...

— Минуточку. У врача, к счастью, хватило ума самому ничего не трогать и другим не позволить — он остался у тела покойного и немедленно позвонил в ближайшее отделение полиции, а они, в свою очередь, тут же

¹ Марк Порций Катон (лат. *Marcus Porcius Cato*, 234—149 до н. э.) — древнеримский политик и писатель, известный как новатор римской литературы и консервативный борец против пороков и роскоши.

сообщили нам. Бедфорд был известен всей здешней округе; он родился в этом доме, здесь прошло его детство...

Алекс улыбнулся своим мыслям, но тут же снова стал серьезным.

— Что смешного? — с подозрением спросил Паркер.

— Нет-нет, ничего. Не обращай внимания. Пошли...

И двинулся первым. Паркер догнал его возле двери и открыл ее.

Поскольку единственное большое окно кабинета было заслонено што-рой, а комнату освещала лишь стоящая на столе небольшая лампа, Джо с минуту стоял, напрягая зрение, чтобы осмотреться в полумраке.

Паркер пересек кабинет и включил висящую под потолком шестиламповую люстру.

Сэр Гордон Бедфорд сидел за столом, а точнее, лежал на нем верхней половиной тела. С того места, где стояли Паркер и Джо, нельзя было увидеть лица покойного.

Джо осмотрелся.

Полка с книгами, письменный стол, другой стол, поблескивающий стеклянными пробирками и никелем аккуратно расставленных приборов... Небольшой столик, а на нем пишущая машинка и рядом маленький стульчик... А вокруг, по всем стенам комнаты от окна до двери тянулись два ряда больших стеклянных коллекционных ящиков, заполненных неподвижными бабочками, насаженными на булавки и выложенными на фоне темного бархата, которым была обита внутренность ящиков. Эти бабочки напомнили Джо эскадрильи самолетов на ночном небе. Не двигаясь с места, он спросил:

— Дом был заперт изнутри?

— Да.

— И на всех окнах решетки? Я заметил их снаружи по дороге сюда.

— Да, на всех. Ну, тебе знаком этот стиль: резные, изогнутые, ажурные и на первый взгляд тонкие, но на самом деле весьма солидные и прочные. Люди тех времен заботились о своей безопасности... Они хотели спать спокойно.

— И действительно, — тихо сказал Алекс, — уснули они все уже на веки вечные, аминь!

Он подошел к окну и раздвинул шторы. Снаружи был сад, полный георгин. Джо смотрел на цветы, ощущая за своей спиной присутствие неподвижной фигуры у стола и слыша ровное, спокойное дыхание Паркера.

— А входная дверь?

— Оснащена автоматическим замком и засовом. Даже калитка в этом доме всегда заперта на ключ. Сэр Гордон категорически требовал от всех домочадцев, чтобы в те дни, когда он находится здесь, у каждого был свой ключ к автоматическому замку и чтобы каждый, выходя, запирает за собой дверь на этот замок. Он хранил здесь секретные документы, которые приносил для ознакомления на уикенды, и поэтому хотел иметь абсолютную гарантию, что никто чужой не сможет легко проникнуть в дом. Наш специалист первым делом исследовал все замки и решетки. Все в полном порядке. Никаких следов взлома. Входная дверь была заперта изнутри на засов. Так что можно смело заявить, что если это не самоубийство, то...

— ...то убийцей является кто-то из домочадцев, не так ли? — Алекс отвернулся от окна. — А кто находился в доме в минувшую ночь?

— Следующие лица:

жена покойного, Сильвия Бедфорд,

его брат, Сирил Бедфорд,

его секретарь, Роберт Рютт,

его невестка, жена Сирила, Джудит Бедфорд,

горничная Агнес Уайт.

— А что, кухарки у них нет?

— Есть, но она уехала к больному сыну.

— Понятно. Секундочку... Кажется, ты сказал: «в те дни, когда он находился здесь...». Стало быть, Бедфорд не жил в этом доме?

— Нет. У него была квартира в Сити, а здесь он лишь проводил некоторые уикенды и периоды, когда хотел спокойно поработать над изучением жизни своих любимых бабочек. Постоянно в этом доме находились лишь его брат с женой и прислугой.

— Та-а-ак... — Джо взглянул на стол.

— Теперь перейдем к письмам, — Паркер подошел к столу.

Джо двинулся за ним и остановился напротив покойного.

Гордон Бедфорд был почти великаном. Его мощные плечи закрывали почти всю поверхность стола, а пальцы свисающей вниз правой руки, под которой на полу виднелись осколки маленькой кофейной чашки с золотым ободком, похожи были больше на пальцы боксера, чем ученого. Когда Паркер с некоторым усилием приподнял голову и плечи покойного, Алекс содрогнулся. На лице сэра Гордона застыла таинственная и жуткая гримаса, та самая, которую Гиппократ тысячи лет назад назвал насмешливой улыбкой смерти.

Яд, по всей видимости, подействовал мгновенно.

Паркер осторожно выпрямил мертвое тело, оперев его плечами на спинку кресла. На секунду Алексу показалось, что мертвый хозяин этого дома сейчас расхохочется. Но искривленные неподвижные губы не шевельнулись.

Паркер указал пальцем на письмо, лежащее на столе.

— Это я обнаружил сразу, — сказал он. — Все здесь уже сфотографировано, зафиксировано и со всего сняты отпечатки пальцев, так что любую вещь можно брать в руки. Возьми этот листок и прочти.

Алекс взял и прочел:

«...для иной души, не столь чистой и не столь восприимчивой к искушениям этого мира. Умоляю тебя. В моей жизни есть проблемы, которые долго копились, пока не стали причиной моего нынешнего шага. Быть может, они никогда не станут явными. В этой области немного доходит до ушей незаинтересованных. Впрочем, нет никакого смысла углубляться в подробности. Люди, которых я мог бы назвать, и которые могли бы с легкостью подтвердить, что все содержащееся в этом письме является правдой, никогда этого не сделают, и никто не заставит их выдать себя. Никто никогда не докажет никакой их вины. А истинная правда такова: я родился в семье порядочных и честных людей, мои родители и их родители были людьми безупречными, да и сам я начал свою жизнь как человек честный, каковым и намеревался остаться до самого ее конца. Однако, к сожалению, я поддался искушению. И уже тогда хотел покончить с собой. Я знал, что не смогу лгать так легко, как другие. Но мне не хватило мужества. А потом, когда понял, что ничего не смоет с меня совершенного преступления, я начал увязать все глубже. Моя прекрасная репутация помогала мне в этом. Всем казалось, что я последний из людей, кого можно заподозрить в нечестности и взяточничестве. Тем не менее, я был обманщиком и взяточником, и проделывал все это с такой непонятной мне самому страстью, будто верил, что одно грязное пятно смывает другое. А может, я думал, что таким образом научусь быть циником? Что в конце концов забуду, чем на самом деле являются все мои достижения? Но я не забыл. Решение, которое сегодня должен превратить в действие, назревало во мне давно. Оно не является для меня ничем новым, хотя для многих моих знакомых и коллег по работе будет, наверно, большой неосжи-

данностью. Нет, нет, я вовсе не «Катон финансов». Я даже не обычный честный человек. Я множество раз предавал свою страну и свое честное имя ради барышей. И ничего уже не могу вернуть назад. Но признаваясь в этой ужасной правде за минуту до смерти, я верю, что, быть может, Господь всемогущий простит хотя бы малую часть моей огромной вины, а люди, которые доверили мне так много и которых я так жестоко обманул, поверят, что я не был совсем уж плохим. Я сам себе вынес приговор. Пусть моя судьба станет предостережением для всех тех, кто считает, что деньги являются целью и двигателем всего в этом сложнейшем из миров. Чистую совесть нельзя купить ни за какие деньги. До свидания, моя дорогая Сильвия! Ты была светлым лучом в моей жизни. Ты была чистой, верной и честной, в сто раз достойнее меня. Я пишу «до свидания», ибо верю, что мы еще когда-нибудь встретимся там, куда уже не доходит эхо человеческих слабостей, а длительное покаяние, наконец, искупает все грехи. Да будет так! И это единственное, что меня утешает: желание увидеть тебя в том, лучшем мире. Пусть твоя большая душа и безукоризненная честность найдут хоть немного сочувствия ко мне. На веки вечные твой Гордон».

Алекс сложил письмо и осторожно положил его на край стола.

— Ну и что ты об этом думаешь? — спросил Паркер и, взяв письмо, вложил его в большой белый конверт, вынутый из бокового кармана пиджака.

— Настолько слащаво и банально, что могло бы даже быть правдивым, — сказал Джо. — «Чистую совесть нельзя купить ни за какие деньги...» Все это правильно, но очень плохо написано... — Он осматривался вокруг, и всюду взгляд его наткнулся на бабочек с раскрытыми крыльями, больших и маленьких, тусклых и неожиданно разноцветных, насаженных на булавки, мертвых и неподвижных, как... Джо перенес взгляд на стол. — Тело сейчас находится точно в том же положении, в каком было обнаружено?

— Да. Если даже и есть какие-то минимальные изменения положения тела, то у нас имеются снимки, и мы можем внести поправки...

Джо обошел стол и посмотрел вниз, вдоль вытянутой руки покойного. Под ней лежала разбитая чашка со следами остатков кофе. По другую сторону тела лежало разбитое блюдечко.

— А что ты об этом думаешь? — спросил Алекс, указывая на блюдечко, затем присел и понюхал фрагмент разбитой чашки.

— Ну что?.. — Паркер пожал плечами. — Он явно держал в руках чашку на блюдечке, как это многие делают. Когда выпил — смерть наступила мгновенно. В этот момент чашку он, вероятно, держал в правой руке, а блюдечко в левой...

— Да, ты прав... — Алекс покивал головой. — Стало быть, чашка упала, когда он выронил ее из стынувшей руки, а блюдечко соскользнуло у него с колен... Вот тут есть след от кофе... — Он указал на брюки покойного. — Так... — Джо еще раз обошел кресло и снова посмотрел вниз. — Это должно было произойти так... Любопытно...

— А мне куда больше любопытно, почему тебя не интересует второе письмо самоубийцы?

— Нет, как же! Очень даже интересует! — Джо поднял брови. — Но еще больше меня интересует, что здесь произошло. Это первое письмо было напечатано на пишущей машинке, и даже подпись стоит машинописная. Это вот та машинка?

— Да, — Паркер кивнул, подошел к маленькому столику и легонько ударил по клавише плоской открытой пишущей машинки. — Это порта-

тивный «Андервуд», купленный полгода назад и всегда достигаемый для всех домочадцев. Оба письма написаны на этой машинке. Второе я нашел вот тут... — Паркер подошел к столу и поднял лежащую там раскрытую книгу. Под ней находился сложенный вдвойне лист бумаги. Паркер молча протянул его Алексу.

«Я больше так не могу. Я встал на пути любви двух людей, которых ценю и уважаю. Если бы я не ушел, то стал бы виновником их длящейся всю жизнь трагедии. А поскольку их счастье представляется мне гораздо более важным, чем моя жизнь, размышляя о них и о себе, нашел единственное решение, которое представляется мне возможным. К сожалению, я не смог бы жить без этой единственной женщины в моей жизни, которую так полюбил. Любимая, не сердись! Не обижайся на меня за этот шаг. Пойми, что я здесь страдал бы непрерывно, глядя на вас. А там... там будут лишь тишина и пустота... Страшно подумать, что я уже никогда больше не буду держать тебя в своих объятиях, Сильвия, моя единственная. Но в борьбе с роком еще никто не побеждал. Так, видимо, и должно быть. Спокойной ночи. Храни тебя Господь. Вспоминай обо мне иногда. Это все, о чем могу тебя попросить. Я любил тебя так, как никто никогда никого. Спокойной ночи — навсегда...»

Закончив читать, Джо передал письмо Паркеру, а тот вложил его в конверт в котором уже находилось первое письмо.

— Да. Очень забавно.

— Меня это забавляет несколько меньше... — сказал Паркер. — Ну, ты хоть что-нибудь из этого понял?

— В лучшем случае, сэр Гордон Бедфорд кажется человеком, который, желая совершить самоубийство, пытался найти себе наиболее эффектный повод для этого. Пока что он открыл нам два из таких поводов: угрызения совести и обманутая любовь. Жаль только, что он предложил нам оба этих повода одновременно. Кроме того, меня интересует, как можно писать такие, что ни говори, экзальтированные письма на пишущей машинке?.. А ведь он умел пользоваться пером... — Джо подошел к столу и еще раз поднял раскрытую книгу, из-под которой Паркер минуту назад вынул второе письмо. Посередине книги, в углублении, созданном выпуклостью страниц, лежала авторучка. — Я полагаю, с нее сняли отпечатки пальцев?

— Конечно.

Джо положил авторучку на стол и взглянул на книгу.

— Это его рукопись в переплете, — громко объявил он то, что и так с первого взгляда было ясно. — Похоже на то, что как раз ее редактировал, потому что всюду видны поправки ручкой. — Он умолк и пробежал глазами по рукописи, беззвучно шевеля губами. Потом вполголоса прочел: — «В окрестностях Западного Лондона перелеты *Atropos L.* начинаются в период...» — Джо поднял голову и взглянул на Паркера, который глядел на него, стоя неподвижно и скрестив руки на груди. — Интересно, да? Я думаю, что такой специалист, как сэр Гордон, прекрасно знал, в какой период начинаются перелеты *Atropos L.* в окрестностях западного Лондона.

— Ради Бога, о чем ты говоришь? — Паркер подошел и заглянул Алексу через плечо.

— О том, что я удивлен, почему сэр Гордон прервал именно в этом месте. Как видишь, это последняя поправка в рукописи. Все указывает на то, что он дочитал текст именно до сих пор и хотел вписать это предложение, но что-то помешало ему, и он его не закончил...

— Ну-у... — Паркер взял в руки авторучку. — Может, просто, не успел сделать этого перед смертью?

— Вот-вот. Но мне представляется несколько неправдоподобным, чтобы он остановился, не закончив предложение, отложил авторучку и совершил самоубийство. Как ты думаешь?

Заместитель начальника криминального отдела, не отвечая, вынул свой блокнот и быстро написал в нем лишь одно слово: «Убийство!!!» Поставив последний восклицательный знак, он поднял авторучку, осмотрел стальное перо и сравнил обе записи.

— Да, это те же чернила, светло-зеленые.

Будто не слыша его слов, Алекс закрыл рукопись и прочел надпись на наклейке, находящейся на середине верхней стороны плотного переплета:

Гордон Бедфорд.

СТРАНСТВИЯ ATROPOS L.

(Попытка определения характерных черт явления на основе исследований, проведенных в 1956—1961 гг.)

Джо положил рукопись на стол, точно на то место, откуда ее взяли, посмотрел на покойного, который сидел теперь со слегка отклоненной головой, глядя в пространство неподвижными, сощуренными в страшной усмешке глазами.

— Бабочки и кредиты... — Алекс внимательно вглядывался в лицо покойника. — Он похож на такого, каким и был: спокойный, сдержанный, культурный англичанин, человек порядочный, честный и солидный. Этот выдающийся подбородок свидетельствует об убеждении, что жизнь — это не крутая, полная ям и выбоин дорога, а скорее — ровное шоссе, по которому можно прекрасно ехать при условии соблюдения правил дорожного движения... Он почитывал Шекспира, брезговал ложью, употреблял хороший одеколон, любил монархию и верил, что человек должен добросовестно трудиться, каждый на той должности, на какую его поставили судьба и право рождения... В душе он презирал слабых и неуверенных, не знал страха, уважал прямую открытую игру. Он родился с опозданием на несколько десятков лет. Вероятно, был большим педантом... — Джо еще раз бегло окинул взглядом высокий, прорезанный двумя параллельными морщинами лоб покойного, под которым теперь уже навечно обрели покой упорядоченные и разложенные по полочкам сведения о шестиногих ночных крылатых созданиях и о платежном финансовом потенциале экзотических стран. — Интересно, почему на нем такой толстый свитер? Ночь была очень теплой и даже собиралась гроза...

— Кажется, у него был ревматизм, — ответил Паркер. — Там, на полочке рядом с баром, лежат обезболивающие таблетки.

— Да-да... — Джо вернул взгляд на стол. — А в этой рамке, вероятно, изображение его возлюбленной Сильвии, ради которой, если верить одному из писем, он покинул эту земную юдоль, полную слез... Интересно, как она выглядит. — Он взял в руки маленькую рамку с помещенным в нее небольшим снимком формата шесть на девять. Несколько секунд разглядывал фотографию, после чего покивал головой. — Если это миссис Сильвия Бедфорд, то она, как мне кажется, обладает стройной, грациозной фигурой, но, к сожалению, здесь трудно увидеть черты ее лица. Впрочем, посмотри сам.

Джо протянул Паркеру рамку. Паркер без особого интереса глянул на нее, потом посмотрел еще раз и наконец придвинул рамку к самым глазам.

— А это еще что такое? — пробормотал он.

— Вот именно... — Джо взглянул на покойного. — Надеюсь, сэр Гордон не был фетишистом. В Меланезии живут некоторые примитивные пле-

мена, у которых существует обычай рисовать портреты умерших на своем теле, чтобы продлить их жизнь. Но я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь, отправляясь в последнее путешествие, забирал с собой голову любимой... Интересно, этот недостающий фрагмент где-нибудь тут находится? Комнату хорошо обыскали?

— Думаю — да, — кивнул Паркер и почесал затылок. — Конечно, такая маленькая вещь, как человеческая голова, вырезанная из фотографии, могла остаться незамеченной моими ребятами, особенно если она пряталась где-то среди бумаг, но все же...

Джо наклонился и посмотрел в корзину для мусора.

— Туда заглядывал?

— Да, — кивнул Паркер. — Мы нашли там лишь одну бабочку, по-видимому, уже ему ненужную... Впрочем, ее детально сфотографировали, и если на ней окажутся какие-либо отпечатки пальцев, я тут же их получу... Я велел все разложить так, как лежало до нашего прибытия...

Алекс сунул руку в корзину и выпрямился, держа в пальцах большую бабочку. Она была мертвой и проткнутой большой иглой.

— Очень легкая, — тихо сказал Алекс. — Она явно погибла давно и успела уже совершенно высохнуть...

Паркер подошел, и они вместе рассматривали мертвое насекомое.

— Гадость... — скривился заместитель начальника криминального отдела. — Не понимаю, как благоразумный человек может...

Он умолк, потому что Алекс уже не смотрел на бабочку. Его взгляд быстро перемещался от ящика к ящику и вдруг застыл.

— А это что такое? — прошептал Джо и, по-прежнему держа бабочку в пальцах, быстро подошел к застекленному ящику, висящему на стене за спиной покойного.

Ящик был почти пуст. На темном бархатном фоне выделялись две огромные ночные бабочки, желтоватые, с толстыми мохнатыми брюшками, покрытыми поперечными коричневыми полосками, а в длину — голубой линией. Посредине туловища у них находился узор в виде человеческого черепа.

Обе бабочки были абсолютно идентичны с той, которую держал в пальцах Алекс. Над бабочками в ящике была размещена надпись:

ACHERONTIAE — ATROPOS L.

«МЕРТВЫЕ ГОЛОВЫ»

(пойманы в Лондоне 1—7 июня 1959 г.)

Но оба склонившиеся над ящиком мужчины смотрели не на огромных бабочек. Застывшим изумленным взором они всматривались в третий объект, размещенный точно посередине, между двумя насекомыми.

Это была женская голова, вырезанная из небольшой фотографии и наколотая на булавку...

Глава пятая

У нас уже есть данные...

Первым пошевелился Паркер. Он подошел к ящику так близко, что почти коснулся лбом стекла, отделяющего его содержимое от остальной комнаты.

— Чтoб мне на этом месте провалиться... — сказал он приглушенным голосом. — Чтoб мне превратиться в бабочку, и пусть меня насадят на шпильку, если это не та голова, которой недостает на нашей фотографии!

— Несомненно... — Алекс еще с полминуты разглядывал вырезанную из фото голову, потом снял со стены ящик и вытянул в руках перед собой. — Атропос... — пробормотал он. — Как же их звали?.. Атропос, Клото, Лахесис... Три сестры...

— Какие сестры? — Паркер повернулся на каблуках и посмотрел на друга.

— Атропос — это была как раз та, которая перерезала ножницами нить человеческой жизни...

— Точно? Ты в этом уверен?

— Совершенно... — Джо едва заметно улыбнулся. — Мифология, в отличие от полицейского расследования, имеет тот плюс, что все в ней неизменно и никакие неожиданности невозможны... — Он подошел к письменному столу и поочередно вытянул два боковых ящика, плоских и пустых, если не считать нескольких карандашей и резинки. — Наш покойник, как видно, не пользовался ящиками стола...

— Вероятно, потому, что привозил с собой на уикенды все, что было ему нужно для работы. — Паркер пожал плечами. — В ящиках совсем ничего нет...

Джо подошел к другому — лабораторному столу — и начал разглядывать лежащие на нем предметы. Потом открыл шкафчик с надписью «Осторожно — яд!», заглянул туда, отодвинул герметически закрытую банку с белым порошком, затем снова осмотрел стол, вытянул один из боковых ящиков, закрыл его, вытянул второй, снова осмотрелся и подошел к кофеварке, укрытой в полке с книгами. Вероятно, после тщательно проведенного полицейского осмотра полка была немного отодвинута. Джо заглянул туда, раздвинул маленькие, чистые чашечки, аккуратно поставленные в один ряд, и, пошарив рукой в глубине за кофеваркой, выпрямился. Все это время Паркер внимательно следил за его действиями, стоя посреди комнаты.

— Больше тайников здесь нет... — сказал Джо. Он еще раз подошел к столу и осмотрел сумку с пробирками, вынул каждую пробирку и посмотрел на свет. Потом заглянул вглубь сумки и выпрямился.

— В чем дело? — нахмурил брови Паркер.

— Минуточку... — Джо подошел к лежащим на столе инструментам, перебрал их, взял длинные прямые ножницы, внимательно осмотрел и положил на место.

— Что ты ищешь?

— О... — Алекс сделал неопределенный жест. — Когда я сказал, что Атропос перерезала ножницами нити человеческих жизней, мне пришлось в голову, что тот, кто вырезал эту голову из фотографии, тоже должен был сделать это при помощи ножниц... Но где эти ножницы? Потому что те большие, которые лежат на столе, совершенно не годятся для этой цели... Видишь ли, здесь из этого снимка голову вырезали маленькими загнутыми ножницами, которыми женщины пользуются при уходе за ногтями или для очень точных работ с шитьем и вышиванием. Край бумаги искривлен одним движением при вырезании...

Паркер подошел к столу, и они вместе внимательно еще раз рассмотрели снимок.

— Да, — пробормотал он. — Представь себе, что и я сразу подумал об этом, но позже, когда ты обнаружил эту голову в ящике, я обо всем забыл. Может, они спрятаны между книгами?

Джо покачал головой.

— Тот, кто вырезал эту голову, мог либо оставить ножнички где-то на видном месте, либо их спрятал... — Джо взял со стола увеличительное

стекло и подошел к застекленному ящику. — Здесь есть немного пыли и отчетливо видны отпечатки пальцев. Тот, кто интересовался этим ящиком, не очень заботился о том, чтобы скрыть этот факт... Но возможно, он действовал в резиновых перчатках... Раз уж мы об этом заговорили — одна пара таких перчаток лежит в ящике этого большого, лабораторного стола... Когда ты получишь результаты дактилоскопии и доклад судмедэксперта?

— Примерно через полчаса, надеюсь. Я велел им очень и очень торопиться, а мои люди знают, что если я такими словами их прошу, значит есть для этого серьезные основания.

— М-даа... — вздохнул Джо. — Это интересное дело. И наверно, впервые должен признаться тебе, Бен, что меня будут очень интересовать все возможные отпечатки пальцев в этой комнате...

— Как это? Ведь мы еще никого не допросили!

— Именно поэтому.

— Не понимаю... — признаваясь в этом, Паркер был абсолютно искренен. — Неужели ты хочешь сказать, будто уже что-то знаешь?

— Ничего подобного! Пока что у меня в голове полный хаос. Но фактов — масса. А когда так много фактов, серое вещество нашего мозга получает огромное поле для фантазии. Самые худшие преступления — это те, где убийца не особенно напрягается, чтобы запутать следы...

— Так ты считаешь, что это убийство?

— Не знаю, — развел руками Джо. — У нас ведь пока еще нет комплекта данных, даже официальных... Но думаю, что да. То есть, я на девяносто девять процентов уверен, что это так.

— Благодаря двум письмам самоубийцы, конечно?

— Да нет, что ты! В конце концов, самоубийца в самом деле мог написать два разных прощальных письма. В одном из них он хотел скрыть истинную причину и дать фальшивую. А потом, под влиянием эмоций (потому что сам факт подготовки к совершению самоубийства уже большой стресс для человека, правда?), он мог забыть о том, заранее приготовленном письме и выложить всю правду... Нет-нет, письма меня совершенно не убеждают. А вот в том случае, если сэр Гордон был на самом деле убит, они приобретают огромный вес для расследования.

— Какой же?

— Если б я только знал! Послушай — это уже все? То есть, я хочу сказать — вы не нашли ничего больше?

— Нашли. В правом кармане брюк покойного находилась небольшая коробочка, одна из тех, которые лежат в правом ящике стола. А в коробочке капсула, содержащая цианистый калий.

Паркер подошел к покойному и осторожно вынул из его кармана коробочку. Алекс глянул на нее и отвернулся от стола.

— Ну, значит, мы готовы, — тихо сказал он. Потом склонился над столом и, отодвинув в сторону рукопись в переплете, взял в руки маленький черный блокнот. — Ты это уже читал?

— Еще не успел... — Паркер подошел, и они вместе склонились над блокнотом, на обложке которого золотыми буквами было вытиснено: IN MEMORIAM.

«...19.06 — проверить заказ авиабилета... Р. пусть звонит С. о том, что мы приедем на уикенд...»

20.06 — Конечно, банка, попросить его, чтобы всыпал обратно. То же и с кофе. Потом быть с ней мягким.

21.06 — Сжечь! Помнить о разложенной работе... Велеть ему написать несколько слов. Сжечь!!!»

— Гм-м... — Паркер покачал головой. — Интересные заметки... Как-то не похоже ни на экономические, ни на энтомологические записи...

— Да уж... — Джо снова взял увеличительное стекло и подошел к застекленному ящику. — Красивая девушка... Темные волосы, большие, слегка раскосые глаза, серьезный взгляд... Красивое лицо, но без тени улыбки. Интересно, склонны ли к правдивости эти губы? Физиогномика — весьма обманчивая наука... Эти губы выражают чувственность и слегка великоваты... В них больше жизненной энергии, чем того, вероятно, требовал образ жизни этой дамы... — Джо повернулся к покойному. — Если этот снимок сделан недавно, миссис Бедфорд должна быть значительно моложе своего мужа.

— Она моложе на тридцать лет. — Паркер вынул из бокового кармана пиджака свой блокнот и заглянул в него. — Да, на тридцать. Даже точнее — на тридцать один. Ей — двадцать семь, а ему было пятьдесят восемь...

— Из этой простой арифметической разницы Шекспир ухитрился бы сочинить трагедию, в которой было бы в пять раз больше трупов, чем у нас в этой комнате. Но, конечно, мы можем фатально ошибаться, хотя одно из писем подбрасывает нам именно этот мотив смерти сэра Гордона, а не какой-либо другой. Женская головка между двумя черепами тоже имеет свое значение, если именно на него намекает нам автор этой шуточки.

— Со стыдом должен признаться, что меня эта шуточка совсем не смешит... — Паркер подошел к двери, приоткрыл ее и высунул голову. В возникшей щели Джо увидел сержанта Джонса, беседующего с высокой молодой девушкой, одетой в черное платье, белый передничек и чепец с белыми кружевами на голове. Это явно была горничная.

— Джонс!

— Да, шеф?

Толстощекий сержант вытянулся.

— Если это не займет у вас слишком много времени и не помешает в приятном утреннем времяпрепровождении, — сказал заместитель начальника криминального отдела, — то будьте так добры немедленно отправить на автомобиле в лабораторию этот коллекционный ящик для проверки отпечатков пальцев на его поверхности и на этой головке, которая там внутри приколоты булавкой...

Джонс глянул и тихо присвистнул.

— Так точно, шеф!

— Пошли... — Паркер взял Джо под руку и бросил через плечо Джонсу: — Когда будут готовы отпечатки, сразу позови меня!

— Ясно, шеф!

Но прежде чем они отправились в столовую, Джо еще раз взглянул на стол в кабинете, задержался и медленно перечислил:

— Микроскоп... чистые предметные стекла в коробочке... булавки в жестяной открытой коробке... стеклянный сосуд с ватой, накрытый прозрачной крышкой... пинцеты разных калибров, стоящие в маленьком стоячке... эта сумка... в одном ящике эти коробочки, в другом — резиновые перчатки, нужные, видимо, как средство защиты при отравлении несчастных бабочек цианом на вате...

Джонс снова приоткрыл дверь и просунул в щель голову:

— Можно ли его уже забрать, шеф? — он указал глазами на неподвижную фигуру за столом.

— Да, — кивнул головой Паркер и вместе с Алексом направился в столовую. — И что ты обо всем этом думаешь? — спросил он. Видно было, что он совершенно растерян.

— Что я думаю? — Джо пожал плечами. — Я думаю, что... Ну, не знаю.. Пока нет оснований слишком много думать в настоящую минуту. Подождем...

— Так-то оно так, — угрюмо согласился Паркер и сел, придвинув ногой стул. — Но процесс мышления в ходе расследования относится к моим профессиональным обязанностям.

— У убийцы тоже есть что-то вроде профессиональных обязанностей. Прежде всего, он должен сделать все, чтобы не позволить поймать себя. И тут, если, конечно, твой контроль дверей и решеток был эффективным, мы пока знаем лишь следующее: сэр Гордон Бедфорд был убит одним из пяти людей, находящихся в эту минуту здесь, под охраной твоих великолепных сотрудников. Тот факт, что я еще ни одного из этих людей не видел, ничего не меняет.

— Я тоже так думаю, хотя менее уверен, чем ты. Но пять человек — это не один, и чтобы выделить из них этого одного...

Они умолкли. Из кабинета донеслись звуки тяжелых шагов медленно передвигающихся людей и голос сержанта Джонса:

— Сюда, парни...

Алекс встал и подошел к двери, ведущей в холл. Он слегка приоткрыл ее. Входная дверь в дом была широко распахнута. Четверо людей, сгибаясь под тяжестью носилок с телом, шли по направлению к выходу.

— Господи Иисусе! — сказал один из несущих. — Ну и тяжелый!

И с этими прощальными словами в свой адрес сэр Гордон Бедфорд в последний раз пересек порог дома, в котором некогда явился в этот мир.

Одновременно послышался вой полицейской сирены, сначала слабый, потом нарастающий, и когда ее звук достиг высшего предела, она умолкла перед воротами дома.

Джо повернулся на пятках.

— Это, кажется, кто-то к тебе, — сказал он Паркеру, который уже торопливо шел к выходу.

Алекс сел за стол, закрыл глаза и на ощупь вынул из кармана пачку любимых сигарет «Gold Flake». Не открывая глаз, сжал сигарету губами и зажег спичку. На несколько секунд перестал думать о смерти сэра Бедфорда, стараясь вслепую поднести огонь точно к кончику сигареты.

Скрипнула дверь. Джо быстро открыл глаза, зажег сигарету и увидел Паркера с большим конвертом в руках.

— У нас уже есть данные дактилоскопии, — Паркер сел за стол и поспешно вскрыл конверт. В нем находился лишь один лист бумаги. — Вот послушай: «Описание отпечатков, обнаруженных на предметах и мебели в комнате покойного сэра Гордона Бедфорда:

1. На внутренней и внешней поверхности ручки двери, ведущей в холл, находятся отпечатки пальцев, идентифицированные как принадлежащие миссис Джудит Бедфорд и мистеру Роберту Рютту, у которых контрольные отпечатки были взяты предварительно. Отпечаток большого пальца мистера Рютта в одном месте находится поверх отпечатка указательного пальца левой руки миссис Джудит Бедфорд, и это указывает на то, что мистер Рютт прикасался к двери позже, чем миссис Джудит. Кроме этого, на двери нет никаких других отпечатков, и это свидетельствует о том, что все имеющиеся ранее отпечатки были тщательно стерты.

2. На ручке окна в исследуемом помещении нет никаких отпечатков — вероятно, ручка также была тщательно вытерта.

3. Ручка двери, ведущей в столовую: многочисленные, наложенные отпечатки, оставленные, вероятно, в промежутке от нескольких до двадцати часов ранее, чем отпечатки на дверной ручке в холл, поскольку они

покрыты тонким слоем пыли, которая не появилась бы там раньше указанного срока (как это следует из предварительного осмотра помещения).

4. Кофеварка — никаких отпечатков, аппарат также был тщательно вытерт.

5. Чашки и блюдца, стоящие рядом с кофеваркой, — отпечатки пальцев мисс Агнес Уайт, горничной.

6. Ложечки — те же отпечатки мисс Уайт.

7. Дверца шкафчика, содержащего яд, и банка с ядом — никаких отпечатков — тщательно вытерты.

8. Сахарница, стоящая на полке вместе с кофеваркой, — отпечатки пальцев сэра Гордона Бедфорда и предшествующие отпечатки пальцев мисс Уайт, горничной.

9. Пишущая машинка — явственные отпечатки пальцев сэра Гордона Бедфорда на многих клавишах; оставлены недавно.

10. Чашка, разбитая у ног покойного: отпечатки пальцев горничной Агнес Уайт и более поздние — сэра Гордона Бедфорда.

11. Разбитое блюдечко — то же. Отпечатки пальцев Агнес Уайт, позже сэра Гордона Бедфорда.

12. Рамка фотографии, стоящей на столе: отчетливые отпечатки пальцев покойного сэра Гордона Бедфорда, миссис Джудит Бедфорд и мисс Агнес Уайт.

13. Авторучка, поверхность стола, открытая рукопись, лампа на столе — несут на себе исключительно отпечатки пальцев покойного сэра Гордона Бедфорда.

14. ПИСЬМА:

а) на письме № 1, говорящем о финансовых махинациях, имеются отпечатки пальцев сэра Гордона Бедфорда. ПРИМЕЧАНИЕ: отпечатки сделаны как бы вялой, безжизненной рукой — они слишком явственны в некоторых местах и слишком слабы в других (возможно, нанесены после смерти Г. Бедфорда);

б) на письме № 2, найденном под рукописью, нет никаких отпечатков пальцев. ПРИМЕЧАНИЕ: по отпечатанному на бумаге буквам видно, что по ним провели тряпкой, и это означает, что письмо было тщательно вытерто. Представляется вероятным, что это примечание может относиться также и к первому письму, но оно написано с применением очень старой машинописной ленты, — отсюда минимальное количество краски, что не позволяет с достаточной точностью определить, имело ли место вытирание письма №1.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ: Оба письма написаны на одной и той же пишущей машинке, но применялись разные печатные ленты. Письмо №2 написано с применением новой ленты, а письмо №1 — старой, стершейся. Конечно, это может быть одна и та же лента, иначе сношенная в разных местах, хотя это представляется маловероятным, потому что степень изношенности резко отлична, а пишущая машинка «Underwood» автоматически изменяет ход ленты таким образом, что когда каретка движется в одну сторону, используется верхний край ленты, а когда в обратную — нижний. Данное примечание я прилагаю на тот случай, если это может оказаться важным в расследовании, хотя, конечно, это не относится к чисто дактилоскопическим исследованиям... Привет, Бен, и держись! (Подпись)». — Паркер поднял голову. — Это все... — Он вынул из кармана конверт, в котором находились оба «прощальных» письма, достал их и положил перед собой на столе. — Да, он прав. Одно письмо напечатано со слабой, еле красящей лентой, а другое — с совершенно новой.

— Надо это проверить, — Алекс встал. — Прекрасно работает ваша лаборатория... Но как же я мог этого не заметить?.. — Он двинулся к

двери. — Я еще явно не проснулся. — Джо остановился и сказал идущему за ним другу: — Послушай, Бен, а можно получить в этом доме чашечку крепкого кофе?

— Кофе? Думаю — да. Правда, в полицейских инструкциях ничего не написано насчет поения и кормления сотрудников полиции в домах, где совершенно преступление, но...

— Но, что ни говори, а мы действуем здесь в интересах хозяина, или точнее, в честь его памяти... — Джо потер рукой лоб. — Как видишь, я начинаю нести чушь... Попроси кофе, но самое главное — пусть его принесет та симпатичная девушка, с которой недавно разговаривал в холле твой неопенимый сержант Джонс. Это, наверно, мисс Агнес Уайт, отпечатки пальцев которой обнаружил наш дактилоскопист на предметах домашнего употребления.

— Да, это она, — кивнул Паркер. Он подошел к двери, ведущей в холл и, открыв ее, сказал: — А, очень хорошо, мисс, что вы здесь... Надеюсь, в этом доме можно получить две чашки крепкого кофе, правда?

Джо усмехнулся, услышав смущенные слова девушки:

— Да, сэр... Конечно, сэр!

Быстрые легкие шаги, что-то белое мелькнуло в щели приоткрытой двери и исчезло... Паркер, не отпуская ручки двери, сказал еще кому-то, невидимому в холле:

— Когда я приказал вам охранять вход в дом, Джонс, то не имел в виду столь детального выполнения моего приказа. Вы не обязаны держать за руку никого из домочадцев, даже если это симпатичная, милая барышня в белом чепчике... Существуют другие способы не допустить того, чтобы они покидали дом...

— Так точно, шеф... — в голосе Джонса не прозвучало ни малейшего смущения. — Но с другой стороны, шеф, Агнес рассказала мне массу интересных вещей об этих... — он понизил голос, и Джо увидел его в дверях, поскольку сержант наклонился поближе к Паркеру и сказал почти шепотом: — Об этих Бедфордах. Тут в последнее время много чего произошло до нашего приезда...

— Гм... — Паркер кашлянул. — В таком случае, Джонс, держите ее за руку и дальше, а потом поговорим. Присмотрите только, как она готовится нам кофе, а то тут недавно один из домочадцев выпил чашечку, в которой оказалось многовато цианистого калия...

— О, не беспокойтесь, шеф, — сержант скромно опустил глаза. — Агнес нам такого не сделает. Мы с ней, если можно так выразиться, подружились. И даже решили сходить вместе в кино, когда она и я будем свободны от работы.

— Желаю успеха! — сухо сказал Паркер. — А также, чтобы вас пустили на фильм с пометкой «Детям до 16-ти вход воспрещен», — он подмигнул. — Так что там говорит эта малышка?

— Что сэра Гордона Бедфорда наверняка убили. Она утверждает, что это вовсе не был человек, склонный к самоубийству... Она говорит, что все в этом доме сварили бы его живьем в ложке воды, если бы не боялись. И говорит, что, наверно, кто-то из них наконец не выдержал...

— Гм... — Паркер кивнул. — Ладно, мы еще об этом поговорим. А пока — смотрите в оба за этими, — он указал пальцем в потолок. — Никто не имеет права выйти из этого дома без моего личного разрешения, не забываяте!

— Конечно, шеф...

Джонс еще раз блеснул зубами и исчез, тихонько закрыв за собой дверь.

Алекс открыл дверь в кабинет, вошел туда и подошел к пишущей машинке. Он быстро провел пальцем по печатной ленте и взглянул на ее обратную сторону.

— Твои эксперты совершенно правы... — Он вставил в машинку чистый лист бумаги и напечатал: ЭТО СОВЕРШЕННО НОВАЯ ЛЕНТА. НА НЕЙ НАПИСАНО БУКВАЛЬНО НЕСКОЛЬКО ДЕСЯТКОВ СЛОВ...

Джо встал и вручную прокрутил ленту назад. На гладкой черной поверхности светлели буквы: «Я больше так не могу. Я встал на пути любви двух людей...»

Алекс провернул ленту до конца письма. Затем следовал текст, только что напечатанный им самим.

— Поскольку оба письма напечатаны на одной и той же машинке, а на этой ленте виден отпечаток только одного, мы должны прийти к простому выводу, что то письмо напечатано раньше. И раз на пишущей машинке есть масса отпечатков пальцев сэра Гордона, причем сделанных совсем недавно, следует принять тот факт, что он сам написал это письмо самоубийцы... то есть.. короче говоря — ушел с дороги своей жены и какого-то другого человека, которого уважал...

— Так выходит, — покивал головой Паркер. — На чашке, которую он держал в руках, и на разбитом блюдецке есть лишь его отпечатки, если не считать более ранних отпечатков пальцев горничной, которая, по-видимому, моет и ставит чашки возле кофеварки. Так же обстоит дело с авторучкой, рукописью и так далее. Жаль только, что нет отпечатков его пальцев на ручке двери, ведущей в холл, хотя он вошел сюда именно через эту дверь... Но самое худшее то, что его отпечатков нет на кофеварке, хотя он должен был сам себе приготовить кофе, которым отравился. Ну и плюс еще это второе письмо...

— И еще тот факт, что на этой рамке, — ввернул Алекс, — есть также отпечаток пальца миссис Джудит Бедфорд... Думаю, сейчас самое время выпить кофе и поговорить с этими людьми. Мне тут пришло в голову... — он умолк.

— Что? — спросил Паркер.

Но Джо лишь тряхнул своими светлыми, короткими волосами.

— Не будем играть в пророков, — тихо сказал он. — Во всяком случае, мне кажется, что в этом деле есть пара моментов, с которыми у нас могут возникнуть небольшие проблемы и огорчения... Но может, кто-нибудь сам признается? — он улыбнулся. — Будем на это надеяться. — Джо посмотрел на часы. — Я здесь уже полчаса и не делаю ничего другого, кроме как обнаруживаю вместе с тобой все новые, совершенно не связанные между собой фрагменты. Пока что все это так хаотично, что трудно даже запомнить, что к чему относится... Господи, целых полчаса! Сейчас, наверно, позвонит кто-нибудь из твоих начальников. Вероятно, им кажется, что полчаса — это масса времени, которое ты напрасно потратил, вместо того чтобы ловить преступника...

Раздался стук в дверь.

— Кофе уже готов, шеф, — сказал сержант Джонс, указывая пальцем за свою спину. — Куда его подать?

— В столовую, — Паркер быстро подошел к двери, соединяющей кабинет со столовой, но Джо опередил его и вошел первым.

— Доброе утро, — сказал он в ответ на проворный книксен, которым приветствовала его появление горничная, стоящая на пороге двери в холл. — Будьте добры, мисс, поставьте это все там на столе, — он указал на поднос, который она держала в руках. — О, и бутерброды есть! Я совсем забыл о еде, а ведь сегодня еще не завтракал...

Паркер вошел следом, внимательно наблюдая за движениями горничной, которая поставила поднос на стол, сняла с него тарелку с бутербродами, две чашки и кувшинчик, который дымился, распространяя приятный запах свежезаваренного кофе.

Горничная взяла поднос, снова молча сделала книксен и, слегка покраснев, направилась к двери.

— Минуточку... — Джо подошел к столу и поднял салфетку, которой были накрыты бутерброды. — М-м-м... как же все тут великолепно!

— Может, что-нибудь еще подать? — тихо спросила девушка, покраснев еще больше.

О, нет. Этого нам вполне достаточно... Но не могли бы вы, мисс, задержаться на минуту? Мы хотели бы выяснить у вас некоторые детали...

— Да, сэр. Конечно, сэр.

Джо сел и налил себе кофе.

— Ну бери же, скорей! — сказал он Паркеру, который медленно приближался к столу. — А вы, мисс, почему не садитесь? Мы ведь не гости семейства Бедфорд, правда? — Джо встал и отодвинул для нее стул. После легкого колебания девушка подошла и села на краешек стула, опустив глаза и сжимая руками поднос, который осторожно поставила на стол перед собой. — Мисс Агнес Уайт, не так ли? — спросил Джо и взял бутерброд.

— Да, сэр...

— Так вот, мисс Уайт, как вы прекрасно знаете, здесь ночью произошел ужасный трагический случай, и мы хотели бы услышать ваши ответы на несколько вопросов. Вы хорошо помните, что делали вчера на протяжении всего дня?

— Думаю, да, сэр... — сказала Агнес Уайт, и Джо, который, поднося ко рту бутерброд, смотрел на нее очень внимательно, заметил, что румянец на глазах сходит с ее лица.

Девушка побледнела.

— Я вас слушаю, сэр, — тихо сказала она.

Глава шестая

Наблюдения мисс Агнес Уайт

Джо сделал еще один глоток кофе.

— Превосходный! — сказал он с одобрением. — Вы сами его заваривали, мисс?

— Да, сэр... Конечно, сэр.. — она впервые подняла глаза. Они выражали легкое удивление в сочетании с любопытством. Но было в них и кое-что еще: быть может, страх, а может, какое-то другое чувство, которое Алекс пока не мог определить.

— Я спрашиваю лишь потому, что не могу понять, почему сэр Гордон, имея в доме человека, который так хорошо умеет заваривать кофе, заваривал его себе сам при помощи кофеварки.

— О, это вовсе не так сложно для понимания. Сэр Гордон всегда работал по ночам, и тогда обычно он находился один в кабинете. Ему было неудобно после полуночи будить меня или кухарку, потому что мы ведь работаем с рассвета, и тогда он установил у себя в кабинете эту кофеварку. Он пил очень много кофе, сэр. У него было низкое давление, и даже доктора советовали ему, чтобы он так делал. Он однажды сам так сказал, сэр, когда миссис Джудит спросила его за обедом, как он может пить ежедневно столько кофе. Я сама это слышала, потому что как раз подавала им за столом...

Она упрямо тряхнула головой. Было видно, что вспоминает все это в точности. У нее были действительно красивые, подлинно золотые волосы, свернутые в узел на затылке. Они прекрасно обрамляли ее хорошенькое личико с большими спокойными голубыми глазами.

«Да-да, они такими кажутся, — подумал Алекс, — но действительно ли у нее спокойно на душе?»

— Итак, сэр Гордон Бедфорд был, как говорится, человеком склонным к дурным привычкам, не так ли?

— О, нет, сэр, я бы так не сказала! — Она энергично закрутила головой в знак несогласия.

Это ее движение было очень грациозным. Джо взглянул на нее с симпатией. Она было по-своему прелестна. Высокая, сильная, красивая и настолько психически здоровая, насколько здоровыми могут быть лишь девушки, выросшие в горных деревушках.

— Вы родом из Шотландии, верно? Где-то из окрестностей Шерна?

— Да, сэр. А как вы узнали?

— Акцент, — улыбнулся ей Джо. Она ответила легкой улыбкой и покраснела. Потом как бы облачко пробежало по ее лицу, и она снова стала серьезной. Заметив некоторое недовольство на лице Паркера, Джо быстро сказал: — Однако, мы говорили о сэре Гордоне Бедфорде. Итак, вы утверждаете, что у него не было вредных привычек, верно?

— Кроме кофе, пожалуй, нет, сэр. Он не пил, не курил, даже не любил, когда кто-то другой пил или курил в его присутствии. Мистер Сирил всегда должен был выходить со своей трубкой в сад, если сэр Бедфорд был тут, или шел в свою спальню, чтобы дым не мешал брату. Сэр Гордон не переносил даже пива в доме.... Он говорил, что алкоголь — это величайшее бедствие человечества, так же, как и табак...

Джо невольно остановил свою руку, которую уже сунул в карман за своей неразлучной пачкой «Gold Flake».

— А как вы думаете — он был прав?

— Думаю, что да, сэр. Хотя мне даже нравится, когда мужчина иногда немного выпьет и закурит трубку. Мой папа, так он вообще трубки изо рта не вынимал, а когда умер, мама эту трубку тайком ему в гроб положила, потому что, как она сказала, не представляет себе его на том свете без трубки... И выпить он тоже любил... Но при этом папа был очень порядочным человеком. Никто к нему никогда ничего не имел, и он ни к кому тоже... — Она умолкла, а потом продолжила: — Но сэр Гордон думал иначе... Ну он уже умер, бедный, не надо его осуждать... — она машинально перекрестилась.

— Вы, вероятно, католичка, мисс?

— Да, сэр, как и все в наших краях.

— Кухарки в доме нет? — неожиданно спросил Джо.

— Нет, сэр. Ее сын в армии и заболел. Он служит в авиации и отравился чем-то, кажется, какими-то испарениями бензина... Она поехала к нему позавчера, но вчера звонила, что ему уже лучше и что завтра она вернется...

— Значит, в течение этих двух дней вы, мисс, сами занимались приготовлением пищи и хозяйством, не так ли?

— Вроде да... — девушка задумалась. — У меня вся вторая половина дня в субботу была свободна, только после ужина мне надо было помыть посуду, приготовить спальни ко сну и немного убраться. А вот вчера я весь день работала, но тоже не одна.

— А кто же занимался приготовлением ужина и кто его подавал в субботу, раз кухарка уехала, а вы были свободны?

— Видите ли, сэр, дело в том, что сэр Гордон, он вообще был, я бы сказала, слегка старомодным... то есть... я, конечно, очень извиняюсь, сэр....

— Ничего, ничего... — Алекс пошрительно покивал головой. — Говорите так, как вам кажется правильным, и не думайте сейчас о вежливости по отношению к вашим работодателям.

На этот раз девушка едва заметно улыбнулась, как бы с благодарностью, и чуть склонила голову.

— Ну, то есть, я хотела сказать, сэр... Понимаете, сэр Гордон считал, что женщины, которые не умеют хорошо готовить и самостоятельно не могут обслуживать мужчин, являются как бы не вполне женщинами. Он любил, когда миссис Сильвия спускалась к нам на кухню и готовила обед вместе с кухаркой. А когда бывало иногда, что у нас обеих выходной, — тогда миссис Сильвия и миссис Джудит сами готовили и подавали к столу. И это нравилось сэру Гордону больше всего — он говорил, что нет ничего вкуснее того, что ему приготовила собственная жена... — Она умолкла, потом, подумав, добавила: — И я думаю, сэр, что тут он был немножко прав, потому что женщина, даже если у нее такой богатый муж, как сэр Гордон, все равно должна сама заботиться о нем.

— А миссис Сильвия любила это делать?

— Не знаю, сэр. Я всего лишь горничная, и миссис Бедфорд не говорила со мной о таких вещах... Но я бы не сказала, что она это особо любила. Она вообще не любила готовить, хотя умела совсем даже неплохо... Это только миссис Джудит говорит, что миссис Сильвия якобы даже куска хлеба маслом намазать не умеет...

— Значит, они любили уикенды в кругу семьи и проводили время, как прекрасная, любящая семья?

— Не знаю, сэр, все ли любили. Во всяком случае, сэр Гордон точно любил такое времяпрепровождение, а ему, сами понимаете, никто перечить не мог. Так что, в конце концов, так на так выходит: любили или не любили, а делали, как сэр Гордон желал. И нечему тут удивляться, потому что в конце концов — он тут был хозяин, а все остальные от него зависели.

— Да-да... — Джо покивал головой с пониманием, будто сам в жизни не делал ничего другого, кроме как проводил уикенды с семьей Бедфордов. — А жены братьев, наверно, не очень любили друг друга, да? Как вы думаете?

Горничная уже было открыла рот, но тут же спохватилась и снова закрыла его. Она посмотрела на сидящих перед ней мужчин с выражением легкого упрека на лице. Потом неуверенно покачала головой.

— Покорнейше прошу простить меня, джентльмены, но я ведь тут работаю, и если позволите заметить, мне не следует высказываться ни об этих людях, ни о том, что здесь в доме происходит и кто тут о чем думает и что говорит о других...

— И это правильно, — очень серьезно поддакнул Джо. — Я считаю, что вы совершенно правы. Не следует выносить грязь из дома, в котором работаешь. Однако нам всем следует помнить о том, что человек, который был вашим работодателем, мисс Агнес, был, вероятнее всего, убит несколько часов назад. И это главное, что имеет значение в данную минуту. Мы же не торговки, которые пришли посплетничать, мы находимся здесь для того, чтобы отыскать убийцу и отдать его в руки правосудия. Именно поэтому нам необходима вся информация, которую мы только можем получить. Я уверен, что вы и сами прекрасно это понимаете, не так ли?

Но Агнес, казалось, не слышала его последних слов.

— Убит... — прошептала она. Девушка посмотрела на дверь кабинета, и в ее глазах внезапно появился страх. — Я сразу же так и подумала,

но потом, когда эти полицейские, что пришли первыми, сказали, что они нашли прощальное письмо, я подумала, что, может, и правда... Но сейчас, когда вы сказали про то, что я сразу подумала...

— А почему вы сразу подумали, что сэр Гордон был убит?

После этого вопроса наступила абсолютная тишина, которую нарушил Паркер, чиркнув спичкой о коробок. Девушка не шевельнулась. Казалось, она собирается с мыслями.

— Не знаю, — сказала она, наконец, беспомощно. — Когда вы так спросили, то должна сказать, что правда не знаю. Но он... он, пожалуй, принадлежал к людям, о которых известно, что они не отнимут у себя жизнь... А все остальные тут... они его все ненавидели, и поэтому мне так сразу подумалось... — Девушка умолкла и закрыла рот рукой. — Что я говорю, дура? — Она со страхом посмотрела на Алекса, но Джо, как будто не слыша ее последних слов, внезапно сменил тему.

— Я спрашивал у вас, кто приготовил в субботу ужин, и еще хотел спросить, кто убирал в воскресенье во второй половине дня?

— Я, сэр...

— Вы были в кабинете сэра Гордона?

— Да, сэр.

— И что вы там делали?

— Принесла вымытые чашки и блюдечки и поставила их в тайник, где стоит кофеварка.

— Который это был час, примерно?

— Ну, может, пять, может, полшестого, сэр...

— А позже вы уже туда не входили?

Девушка кивнула головой.

— Я вошла туда еще после ужина, сэр...

— Да? В котором часу?

— Наверно, было уже одиннадцать, а может, даже чуть позже...

— А что вы там делали в столь поздний час?

— Я вошла, потому что после ужина сэр Гордон вместе с мистером Сирилом, ну, то есть, со своим братом, пошли ловить бабочек в саду. А я закончила мыть посуду и хотела уже идти ложиться. Но мне надо было отнести в кабинет еще две чашки и посмотреть, достаточно ли сахара в сахарнице, потому что я знала, что сэр Гордон будет работать всю ночь...

— А откуда вы об этом знали? Сэр Гордон сказал это вам?

— Да... То есть нет... Во время ужина, когда я была в столовой, он сказал мистеру Роберту, то есть, мистеру Рютту, своему секретарю, что просит его прийти к нему в семь утра, а также пригласил на это же время мистера Сирила со снимками... И что сейчас он пойдет ловить бабочек, а потом еще немного поработает...

— Минуточку... — Алекс поднял руку, чтобы остановить горничную и не потерять того, что он хотел у нее спросить. — О каких снимках шла речь?

— Я точно не знаю, сэр... Но у мистера Сирила там наверху, возле его спальни, есть фотолаборатория, и он всегда делает снимки для сэра Гордона... Одни бабочки... Ужасные снимки, сэр, потому что они сделаны вблизи, и у них такие головы, как у лошадей, только страшные очень... Жутко смотреть... И наверно, мистер Сирил и мистер Роберт должны были приготовить все для сэра Гордона, потому что ведь сэр Гордон вместе с миссис Сильвией должен был сегодня вечером лететь в Америку, чтобы прочесть там доклад...

— Понимаю. Но вернемся к вчерашнему вечеру. Итак, вы поняли, что сэр Гордон будет работать ночью, и отнесли чашки в бар с кофе-

варкой, а также посмотрели, достаточно ли сахара. И что? Сахара было достаточно?

Девушка улыбнулась, но тут же стала серьезной. Ее явно позабавило, что полиция хочет узнать, достаточно ли было сахара. Все это Джо легко прочел на ее лице, прежде чем она ответила. Но то, что она сказала, было для него неожиданностью.

— Да, сэр, сахара было достаточно, и я огляделась, не надо ли еще чего. Из моего окна в подвале хорошо видно то место, где господа ловили бабочек на этот экран вчера, и потому знала, что сэр Гордон сейчас не вернется. А он, должна вам сказать, сэр, — насколько любил чистый и свежий воздух, настолько же не любил, даже просто не переносил, когда при нем открывали окна... У него ужасный ишиас... и я раз видела, как его скрутило... Он тогда ходил на костылях... В кровати он лежать не мог, а каждый шаг причинял ему боль... Он говорил, что малейший сквозняк может сразу свалить его... Поэтому требовал, чтобы проветривали лишь тогда, когда его нет в комнате.

Алекс наморщил брови.

— Минуточку, — сказал он быстро, бросив на Паркера короткий взгляд, который Агнес Уайт наверняка не заметила. — Итак, вы вошли в кабинет, поставили чашки в бар возле кофеварки и что потом сделали?

— Я подошла к окну, открыла штору и отворила окно настежь. Проветривала так комнату минут пять, потом закрыла окно и, кажется, вышла... Да, сразу вышла...

— А вы всегда носите при себе тряпку, чтобы вытирать пыль?

— Иногда, сэр. Это зависит от того, что я делаю и который час.

— А тогда в кабинете при вас была тряпочка?

— Нет, сэр. Я была только в платье без передника. Знала, что никого уже не встречу, потому что обе дамы и мистер Рютт наверху, а сэр Гордон и мистер Сирил в саду. И еще помню, что у меня не было тряпочки, потому что я несла чашки. Впрочем, она мне там и не нужна была.

— Понимаю. А чем же тогда вы вытерли ручку окна после проветривания?

— Я не понимаю, сэр...

— Я спрашиваю... — медленно сказал Алекс, не сводя с девушки глаз, — чем вы вытерли ручку, которой открывается и закрывается окно в кабинете сэра Гордона? Вы ведь вытерли ее, мисс Агнес, не так ли?

Агнес Уайт удивленно посмотрела на него и отрицательно покачала головой.

— Нет, сэр. Я точно ее не вытирала... А для чего ее вытирать? Она же не была грязной. Кроме того, у нас не вытирают ручки тряпками, а чистят порошком.

— Вы могли сделать это машинально...

— Но ведь у меня не было с собой ничего, чем могла бы ее вытереть. Нет, сэр, я ее точно не вытирала...

— А может... — быстро спросил Джо, — вы работаете в резиновых перчатках, чтобы беречь руки?

— Только когда имею дело с кислотой и щелочью, сэр... У нас есть кухонный робот, куда их надо всыпать. Но их не было у меня на руках уже недели две... Может, они и практичные, но когда их надеваешь, пропадает чувствительность в пальцах и хуже работать...

— Значит, вы могли бы под присягой показать, что, закрыв вчера вечером окно, вы не вытирали его? — В голосе Джо было такое напряжение, что Агнес Уайт посмотрела на него испуганно.

— Да, сэр. Пожалуй, могла бы. Даже точно — могла.

Джо встал, подошел к окну, вернулся, потом посмотрел на горничную и улыбнулся.

— А упоминал ли сэр Гордон когда-либо в вашем присутствии о том, что в шкафчике на столе он хранит цианистый калий?

— О, да, сэр. Нас всех предупредили, и прежде всего кухарку и меня. Еще два года назад, когда он привез этот цианистый калий, специально спустился к нам и предупредил, что хотя банка будет закрыта в шкафчике на ключ, всегда может случиться так, что кто-то из нас может на нее наткнуться. Он сказал, что даже малейшее прикосновение к банке может оставить на пальцах тончайший осадок, который вызовет мгновенную смерть, если он попадет в еду, или даже если человек такой рукой просто прикоснется к губам. Когда он уезжал, всегда запирали кабинет на ключ. А когда был здесь, всегда держал эту банку в шкафчике, закрытом на ключ...

— И ни у кого не было ключа ни от этого шкафчика, ни от кабинета?

— Нет, сэр. Все остальные запасные ключи находятся в доме, но они спрятаны где-то у миссис Джудит.

— Понятно. А теперь хотел бы вернуться к вопросу об отношениях дам. Итак, вы считаете, что миссис Джудит Бедфорд не любит свою невестку?

— Я этого не сказала, сэр. Но если быть честной, я, между нами говоря, скажу так: миссис Джудит пожалуй, никого не любит, кроме мистера Сирила. Потому что она очень несчастна. А может, ей кажется, что она несчастна? Ну чего, спрашивается, можно еще требовать от жизни, когда ты уже не очень молода и не очень красива, а муж у тебя намного младше и к тому же такой красивый мужчина, как мистер Сирил?..

Алекс, который, слушая горничную, делал вид, что разглядывает старинный буфет, на самом деле очень внимательно наблюдал за ней и сразу заметил, что девушка снова покраснела. Теперь она сидела выпрямившись, и ее золотые волосы, прямой нос и высокая, хорошо развитая грудь делали ее похожей на статую молодой богини из того самого сурового, архаического периода греческого искусства. Она действительно была красива в эту минуту.

— Скажите, мисс Агнес, а мистер Сирил Бедфорд — он человек настолько же состоятельный, как и его брат? — спросил он.

— Пожалуй, нет, сэр. Я, правда, вроде и ничего об этом не должна знать, но ведь всегда что-то знаешь, когда живешь с людьми на таком безлюдье. Мистер Сирил, я думаю, сам сможет вам рассказать все точно, но мне кажется, у него было только то, что давал ему брат...

— Так, может, миссис Джудит не любит миссис Сильвию потому, что сама является женой бедного брата, а та — женой богатого? Так ведь тоже бывает...

— Не знаю, сэр...

— А как протекала жизнь в промежутках между посещениями сэра Гордона и миссис Сильвии?

— Очень скучно, сэр, — сказала Агнес искренне. — И я думаю, что не только для меня. Мистер Сирил и миссис Джудит — они оба почти не выходят из дома, ну, то есть, даже реже, чем я или кухарка. Мистер Сирил всегда либо сидит возле этих георгин в саду, потому что он большой любитель садоводства и вырастил у нас тут один такой ранний сорт этих цветов... Они видны даже отсюда... вон там в окно... а я ему немного при этом помогала... — ее лицо снова покрылось легким румянцем, — потому что я деревенская девушка и люблю копаться в земле... А иногда мистер Сирил сидел в фотолаборатории, ну и там проявлял и увеличивал разные фотки... А миссис Джудит, она занималась домом, хозяйством и часто ходила за

покупками вместе с кухаркой. Ни единого раза, пока я тут живу — а это уже три года, — они вдвоем никуда даже не выехали... А мистер Сирил, как мне кажется, даже в центр города никогда не выезжал и не ходил. Даже портной к нему сюда приезжал, когда нужен был... Ну, разве что иногда мистер Сирил ходил к парикмахеру, тут неподалеку, или на прогулку по окрестностям... и все...

— И что — они не принимали никаких гостей?

— Никаких, сэр...

— Гмм... Итак, позавчера у вас был выходной, не так ли?

— Да, сэр...

— И где вы были? В кино?

— Да, сэр.

Джо быстро поднял глаза. Он заметил, что Паркер тоже с интересом посмотрел на девушку. Видно, и его ухо, обладающее опытом, приобретенным на основании тысяч допросов, уловило фальшивую нотку в тоне, которым были произнесены последние слова горничной.

— И на каком фильме?

— На... на... — Агнес Уайт сжала губы. Она явно не умела лгать или не ожидала этого вопроса, и он ввел ее в замешательство. Она опустила голову.

— Что с вами? — спросил Алекс, вставая.

— Нет-нет, ничего... Все в порядке...

Джо подошел к ней, взял за подбородок и приподнял к свету ее голову. По щекам девушки катились слезы.

— Вы не были в кино, правда? — мягко спросил Джо.

— Не была, — шепнула Агнес так тихо, что Джо скорее понял по движениям губ, чем услышал ее слова.

— А где вы были?

Она молча тряхнула головой, закрыла глаза руками и начала тихонько всхлипывать.

Джо бросил на Паркера заинтригованный и несколько беспомощный взгляд.

— Успокойтесь, пожалуйста, — сказал Паркер. — Мы ведь не хотим сделать вам ничего плохого. Мы лишь хотим узнать, что делали обитатели этого дома в течение последних суток... А вы ведь тоже обитатель этого дома...

Агнес Уайт перестала плакать, но ее губы по-прежнему дрожали, когда она ответила:

— Но я... я не могу вам сказать, где я была...

Теперь умолкли все трое: девушка со светлыми волосами в костюме горничной, заплаканная и расстроенная, и двое мужчин, стоящих по обе стороны ее стула, выбитых на несколько секунд из колеи непредвиденным результатом допроса.

Вдруг Джо Алекс склонился к ней и негромко спросил:

— Скажите мне искренне, мисс Агнес... Вы были у врача?

Если бы Джо сказал, что покойный сэр Гордон Бедфорд через минуту войдет в эту комнату живой и здоровый, это, наверно, не произвело бы на девушку такого впечатления, как его последние слова.

Значит... значит, вы знали? Откуда вы могли узнать? — Она смотрела на него, широко открыв рот и мгновенно превратившись в маленькую деревенскую девочку, оказавшуюся перед лицом чего-то, чего она не в состоянии понять.

— Просто я так подумал... — совершенно неожиданно для самого Алекса погладил ее по голове. — Вот посмотрите: стоящий перед вами мистер Паркер мог бы быть вашим отцом, а я уже был солдатом на фронте,

когда вы еще пешком под стол ходили... Вы можете быть с нами искренни... Вы опасались, что у вас может быть ребенок?

Девушка молча кивнула головой.

— И ваши опасения оказались необоснованными?..

Агнес снова кивнула.

— Ну так замечательно! — Джо вздохнул с облегчением. — И что вы намерены теперь делать? Уедете отсюда?

— Да! — сказала Агнес с внезапной энергией. — Я вернусь домой...

— У вас там кто-то есть?

— Да... — слезы снова появились в ее глазах. — Жених... Он... Он автомеханик. Мы оба с ним собираем деньги на маленькую мастерскую, он — там, а я — здесь. Мы пообещали друг другу, что, когда накопим сколько надо, сразу поженимся... — Она посмотрела в окно. — А теперь я уж и не знаю, что будет. Я его целый год не видела... Как раз собиралась через две недели поехать домой в отпуск...

— Ну, значит, поедете раньше, — улыбнулся ей Джо. — Как-то будет. Все образуется. Нехорошо, когда молодая девушка слишком долго живет одна в большом городе...

— Ох, да, сэр, совсем нехорошо... — сказала Агнес Уайт, и на ее лице появился испуг. — Но вы ведь никому не скажете, что я...

— Мы связаны тайной следствия, — торжественно сказал Паркер. — И нашей обязанностью является также тщательно охранять тайны каждого гражданина, равно как и его имущество...

— Это хорошо, — девушка глубоко вздохнула, вытерла слезы, поправила чепчик и встала, выжидающе глянув на Алекса, который едва заметно улыбался.

Несмотря на то, что Джо так много знал о женщинах, они всегда изумляли его. Эта девушка вовсе не испытывала того отчаяния, какое хотела показать. Она была молода, здорова и одинока. И не такие еще истории происходили в глухих горных деревушках Шотландии. На самом деле, у нее не было никаких серьезных причин, чтобы тревожиться. Она вернется к своему жениху, выйдет за него замуж, и они будут счастливо жить до конца своих дней... Да, если, конечно, Агнес Уайт знает об убийстве сэра Гордона Бедфорда лишь то, что она им поведала.

— И еще одно, — сказал Джо, по-прежнему улыбаясь. — Наверно, в последнее время вам плохо спится, не правда ли? А скажите, в минувшую ночь вы тоже уснули поздно? Разные мысли, вероятно, не давали вам уснуть, а?

— Да, я тут все время не высыпаюсь, сэр... А вчера, кажется, уснула где-то в половине третьего...

— Да? А вы уже спали, когда сэр Гордон и его брат возвращались с охоты на бабочек?

— Я уже лежала в постели, и свет у меня не горел, но слышала, как они запирали входную дверь, а потом вполголоса разговаривали в холле. Кажется, мистер Роберт тоже был с ними. А потом мистер Сирил с мистером Робертом пошли наверх, а сэр Гордон — в свой кабинет. Его кабинет как раз над моей комнатой, и я слышала, как он ходил несколько минут, а потом сел и начал печатать на машинке... А потом я, кажется, уснула...

— Ясно... — Джо потер лоб. — А потом вы, кажется, уснули... — Он посмотрел на нее. — Ну что ж, мы сердечно благодарим вас. И если можно, попросим еще пару чашек кофе. Мы тоже мало спали этой ночью, а нас еще ждет масса работы...

— Конечно, сэр... Я сейчас принесу, сэр, — Агнес сделала книксен. И хотя у нее были слегка покрасневшие глаза, никто бы не догадался, что пять минут назад она пережила столь драматические минуты.

— И прошу помнить об одном, — добавил Паркер. — Мы ничего не помним из того, что знаем о вас, мисс, а вы не расскажете никому из домохозяек ничего из того, о чем мы тут говорили. Да?

— О да, сэр!

— В таком случае, — Алекс подошел к девушке и понизил голос, но говорил четко, и Агнес невольно наклонила голову, кивая при каждом его слове, — скажите нам пожалуйста, как складывались отношения ваших работодателей. У нас есть основания предполагать, что миссис Сильвию Бедфорд могло что-то связывать с другим мужчиной, и уж во всяком случае, мы можем подозревать, что она весьма горячо заинтересована в ком-то другом, а не в своем муже. Вам что-нибудь известно об этом?

— Знаю ли я... — Агнес снова заколебалась. — Видите ли, сэр, если уж быть искренней, то скажу вам, что и я, и кухарка, мы не раз говорили между собой на кухне о том, что сэр Гордон плохо делает, что держит при такой молодой жене такого молодого и симпатичного секретаря, тем более что он ведь сам не так уж молод и не так симпатичен... Но хотя и видно было, что миссис Сильвия любит бывать в обществе мистера Роберта, то с другой стороны, опять же видно было, что мистер Роберт очень предан сэру Гордону. Но кухарка говорит, что пусть даже один мужчина другому всем обязан, он все равно соблазнит его женщину, как только подвернется подходящий случай... Но это не значит, Боже сохрани, чтобы мы так думали, это только так мы по-деревенски между собой обсуждали, вы ведь понимаете, правда?... А кроме этого... я даже не очень знаю, кто бы другой мог возле миссис Сильвии вертеться... Сэр Гордон был очень, ну очень суров и не вел такой жизни, как некоторые другие люди из его среды. Они никуда не ходили, ни на какие дансинги и ни в какие такие места, где люди пьют или танцуют. Сэр Гордон не любил ни пить, ни танцевать, а миссис Сильвия ведь не могла его заставить... Так что, если не мистер Роберт, то я даже не представляю, кто другой мог бы быть... — Она снова немного поколебалась. — Но мистер Роберт — да — он мог бы быть... — добавила она. — Когда я в таком смысле об этом думаю, то мне кажется, что, пожалуй, да. А чему тут, собственно, удивляться? Женщина молодая и красивая такая, а муж — он почти мог бы быть ее дедушкой... — Агнес Уайт неожиданно улыбнулась. — А если это так — то даже и лучше. Скорее утешится и меньше будет плакать на похоронах. У нас в деревне люди как-то проще на это смотрят, чем в городе... Но может, это потому, что мы там в горах больше делаем того, что хотим, чем вы тут внизу... И нам, пожалуй, лучше... Может, мы все то же самое делаем, только меньше все это скрываем...

Она еще раз сделала книксен, улыбнулась и исчезла за дверью.

Джо еще некоторое время смотрел ей вслед.

— Быть может, мисс Агнес Уайт девушка несколько легкомысленная, и у нее действительно, горский темперамент, но во всяком случае, мы можем искренне признать, что хотя в Шотландии немного по-настоящему красивых девушек, но если уж где родится одна, то у нее кроме красоты есть еще столько обаяния, сколько нет у десяти француженок вместе взятых.

— Да, да, конечно... — Паркер поддакнул движением головы, но было видно, что он почти не слышал хвалебных высказываний своего друга о красоте горских девушек. — Не говоря о ее личном обаянии, следует признать, что она сообщила нам несколько весьма ценных сведений...

Перевод с польского Роберта СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО при участии Владимира КУКУНИ по эксклюзивному праву, предоставленному автором.

Окончание следует.

НЭМАН

6/2018

ИЮНЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

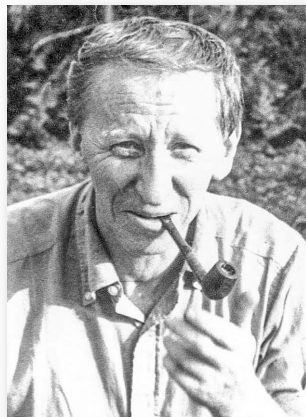
СОДЕРЖАНИЕ

Владимир САЛАМАХА. Если упадет один... Повесть.	
Перевод с белорусского О. Никольской	3
Микола МАЛЯВКА. Нам защищать самим живое слово. Стихи.	
Перевод с белорусского Г. Авласенко	57
Иван КАРЕНДА. Ой, Нёман! Мысли-догадки.	
Перевод с белорусского О. Пушкина	61
Анатолий АВРУТИН. Прощание с августом. Стихи.	74
Юлиана ПЕТРЕНКО. Табор уходит в небо. Рассказ.	79
И новый день наполнится теплом. Алесь ДУБРОВСКИЙ-СОРОЧЕНКОВ. Стихи.	
Перевод с белорусского Г. Пудова, А. Рыжова. Змитер АРТЮХ. Стихи.	
Перевод с белорусского Г. Пудова	84
Соприкосновение	
Микола МИКУЛИЧ. «Я учился, влюблялся, дружил...»	87
Феликс ЧЕЧИК. Возвратиться — никогда не поздно. Стихи.	89
«Всемирная литература» в «Нёмане»	
Джо АЛЕКС. В бесшумном полете гналась я за ним. Повесть. Окончание.	
Перевод с польского Р. Святополк-Мирского при участии В. Кукуни	93
Зинаида КРАСНЕВСКАЯ. Переводчики, которым хочется сказать «спасибо».	
Вера Маркова	130
Документы. Записки. Воспоминания	
<i>К 100-летию Петра Машерова</i>	
Эмануил ИОФФЕ. Пятнадцать лет во главе Республики	141
Личность	
Раиса СЛУЦКАЯ. В поисках истины	157
Время. Жизнь. Литература	
Изяслав КОТЛЯРОВ. Поэт непостижимой простоты	167
Культурный мир	
Вадим САЛЕЕВ. Современный белорусский театр на фоне национального смотра	176
Литературное обозрение	
<i>С точки зрения рецензента</i>	
Олег ЖДАН. Литературный диалог	186

Джо АЛЕКС

***В бесшумном полете
зналась я за ним****

Повесть

Глава седьмая

...прежде чем мы поговорим с этой семейкой...

— Вот именно, — согласился Джо. — Я думаю, что мы вообще собрали уже очень много информации и следует ее как-то рассортировать, прежде чем мы поговорим с этой семейкой.

Паркер вынул блокнот и карандаш.

— Запишем, — сказал он. — Я люблю, когда все на бумаге.

— Отлично. Итак, на месте преступления или, если угодно, несчастного случая, хотя я лично предпочитаю слово «преступление», мы обнаружили следующие факты, важные для расследования:

1. Два «прощальных» письма якобы самоубийцы —

а) письмо «а» лежало на столе перед покойным и содержало нечто вроде исповеди. В нем сэр Гордон утверждал, что погибает от собственной руки, поскольку в качестве финансового эксперта пренебрег своими обязанностями ради некой материальной выгоды... На этом письме имеются отпечатки пальцев сэра Гордона, но эксперт по дактилоскопии обращает внимание, что они выглядят неестественно. Кроме того, мы выяснили, что это письмо должно было быть написано прежде, чем в пишущую машинку, стоящую в кабинете, вложили свежую ленту, которая там сейчас находится;

б) письмо «б» также лежало на столе, но было прикрыто переплетенной рукописью, в которую сэр Гордон как раз вносил поправки. На нем нет никаких отпечатков пальцев, а эксперт утверждает, что они были стерты. Это письмо, как мы выяснили, было единственным документом, напечатанным на стоящей в кабинете пишущей машинке, после того как в нее была вложена свежая лента. Горничная Агнес Уайт слышала, когда сэр Гордон вернулся из сада, а потом слышала, как он печатал... Таким образом, можно предположить, что это он написал письмо «б»...

— Подожди... — Паркер покачал головой. — Если сэр Гордон написал письмо «б», в котором он прощается с жизнью из-за того, что его жена любит другого, а он не хочет калечить ее жизнь, то, в таком случае, вполне вероятно, что он все же совершил самоубийство, и тогда я не понимаю, зачем мы должны...

— О, нет... — Джо встал и подошел к другу. — Я сказал «можно предположить»... Но ведь мы не знаем, почему именно на этом письме нет отпечатков пальцев сэра Гордона, в то время как на другом, написанном гораздо раньше и с

* Окончание. Начало в № 5 за 2018 г.

применением другой, старой ленты, — они есть. Кроме того, мы не знаем, зачем кто-то стер его отпечатки пальцев с кофеварки, из которой он налил себе и выпил этот злосчастный кофе, а также с рукоятки двери, через которую он вошел из холла в кабинет. Ладно, Бен, — это может подождать. Но хуже того: почти все указывает на то, что сэр Гордон вовсе не собирался в эту минуту совершать самоубийство. Но идем дальше. Кроме этих двух писем мы обнаружили в кабинете:

2. цианистый калий в капсуле, помещенной в маленькую коробочку, которая находилась в боковом кармане брюк сэра Гордона;

3. бабочку в корзине для мусора, а на ее месте в застекленном ящике голову, вырезанную из фотографии на столе. Кроме того, недостает ножниц, которыми была проделана эта операция. Отпечатков пальцев на ней мы пока не знаем, но скоро узнаем, когда придет ответ вашего эксперта. Только вот...

— Только что? — Паркер поднял голову, склоненную над блокнотом. Его рука с карандашом застыла неподвижно.

— Я думаю о том, что здесь стерто слишком много отпечатков пальцев, чтобы они могли иметь большое значение... — пробормотал Джо. — Кажется мне, что это ложный путь...

— Но во всяком случае, я хотел бы знать, кому они принадлежат, — сказал Паркер. — Человек, который оставляет отпечатки своих пальцев, должен нам объяснить, откуда они там взялись. Помнится, ты сам говорил, что на этот раз для тебя очень важны дактилоскопические экспертизы...

— Да, — подтвердил Алекс. — Очень. Но несколько иначе. Сейчас меня больше всего интересуют те отпечатки, которые были стерты.

— Ладно. Идем дальше, — Паркер снова приготовился записывать.

— На чем мы остановились? Ага, на бабочке и фотографии. Дальше следует:

4. Чашка, содержащая цианистый калий, из которой сэр Гордон выпил кофе. На ней имеются отпечатки пальцев, принадлежащие только ему самому и горничной, а это указывает на то, что либо его отравила горничная, либо отравился он сам, либо...

— Либо?

— О, нет-нет, ничего. Поехали дальше:

5. На столе лежат переплетенная машинописная рукопись со свежими поправками, авторучка, которой неизвестно почему он не подписался ни под одним из «прощальных» писем, и блокнот с тиснением IN MEMORIAM, в котором покойный сделал несколько любопытных записей:

19. IV (то есть позавчера). «Проверить заказ авиабилетов» (вероятно, в Америку)... «Р. Пусть звонит С., что мы приезжаем на уикенд». (Это тоже нетрудно: личного секретаря зовут Роберт Рютт, и таким образом, обе буквы «Р» подходят, а брата зовут Сирил, и он живет здесь.

20. IV (то есть сегодня). «Сжечь и помнить о разложенной работе... Велеть ему написать несколько слов. Сжечь!!!» (Это уже интереснее. Может относиться к какой-то работе, о которой, впрочем, и идет речь.)

— Сегодняшняя дата? — Паркер покачал головой. — Это означает, что он сделал эту запись, вернувшись с охоты на бабочек...

— Не обязательно. Это могут быть просто дела, намеченные на сегодняшний день, но записанные ранее. Однако идем дальше:

6. Существует целый ряд предметов, на которых нет никаких отпечатков пальцев, хотя они там должны быть:

а) оконная ручка, хотя Агнес утверждает, что была здесь около полуночи, когда все уже разошлось, открывала окно и, конечно, оставила свои отпечатки пальцев;

б) кофеварка, на которой, по вполне понятным причинам, отпечатки должны быть, потому что ночью ею пользовался сэр Гордон, приготовив себе чашку кофе и выпив ее вместе с цианистым калием;

в) банка с цианистым калием в шкафчике;

г) ручка двери, ведущей в холл, на которой нет отпечатков пальцев сэра Гордона, но зато есть отпечатки пальцев двух других людей. Но, быть может, сэр Гордон возвращался с охоты на бабочек в резиновых перчатках и потом положил их в ящик стола? Это объясняло бы вопрос с ручкой. Миссис Джудит Бедфорд могла, например, войти через эту дверь после ужина, а мистер Роберт еще утром, идя в кабинет. А сэр Гордон не оставил следов, потому что был в резиновых перчатках...

— А Агнес Уайт? — спокойно спросил Паркер. — Ведь она была здесь перед совершением преступления?

— А и в самом деле... — Джо потер лоб. — Агнес Уайт, которая была здесь и не оставила никаких отпечатков ни на ручке двери, ни на ручке окна... Совсем как призрак, не правда ли?

— Может, мисс Агнес Уайт здесь вовсе не было? — Паркер вздохнул и покачал головой. — А может, как раз этот знаменитый «великий финансовый деятель», идеальный супруг и гроза бабочек, и был виновником ее опасений и визита к врачу. Возможно, она его и убила? Могла же она приготовить ему кофе и подать в той чашке, на которой как раз и есть его отпечатки?

— Ба! — Джо развел руками. — Все возможно! Даже то, что вовсе не сэр Гордон написал это письмо, хотя Агнес слышала его печатающим, а отпечатки его пальцев есть на клавишах. Кто-то мог отравить его, например, сразу после прихода, в два часа, а потом принести в кабинет машинку и пальцами покойного отстучать этот недлинный текст... Однако, вернемся к окну. Если Агнес оставила на нем отпечатки, а теперь их там нет, это означает лишь одно: кто-то открывал окно, а затем стер следы. Но если это сделал Гордон-самоубийца, то какова была причина этого? Может, он что-нибудь выбросил в окно? Может, ему через окно что-то подали? В конце концов, это как-то можно будет установить... — Джо подошел к окну и открыл его. Перед ним, за узорчатой линией решетки виднелась большая клумба, а дальше шпалеры живой изгороди. Ближе, прямо под домом, тянулась мягкая клумба шириной в несколько шагов, на которой росли прекрасные пурпурные георгины.

— Далеко отсюда не удалось бы ничего выбросить, — сказал Паркер, — решетка мешает.

— Да, — Джо выглянул в окно. — Давай выйдем и посмотрим, что видно на клумбе.

Они вышли из кабинета и, минуя сержанта Джонса, который сидел на ступеньках лестницы и сразу вскочил при их появлении, направились в сад.

Но даже ребенок обнаружил бы, что под окном сэра Гордона Бедфорда давно никто не ходил. На вскопанной мягкой земле не было никаких следов. Поручив двум дежурившим во дворе детективам в штатском тщательно осмотреть все пространство в радиусе броска из окна, Паркер направился обратно к дому. Они снова оказались в холле. Джо взглянул на небольшой свернутый экран и складной столик у стены. Он потрогал эти предметы и вслед за Паркером вошел в кабинет. Не успел он закрыть дверь, как в нее постучали.

— Ну, что там? — спросил Паркер.

— Звонок из центра, шеф... — Джонс быстро шмыгнул с прохода, когда Паркер выходил.

Джо стоял посреди комнаты со сморщенным лбом, тупо уставившись на ковер.

— Эти письма... — пробормотал он. — Эти проклятые письма...

— Есть медицинское заключение, — сказал Паркер, появляясь на пороге. — Доктор Беркли ручается, что сэр Гордон умер между 3.30 и 4.30 утра. Причина — цианистый калий. Смерть наступила мгновенно...

— О Господи... — вздохнул Джо. — В таком случае, это он написал письмо, в котором утверждает, что покидает эту земную юдоль, чтобы не мешать своей благородной супруге... И Агнес Уайт, вероятно, действительно слышала его печатающим на машинке, прежде чем уснула. В таком случае, одна из моих трех концепций перечеркнута, и остаются только две.

— Каких еще три концепции?

— По поводу писем:

1. сэр Гордон хотел покончить жизнь самоубийством и написал одно из писем, но кто-то его убил, прежде чем он успел убить себя сам, и подбросил ему второе письмо, не зная о первом;

2. сэр Гордон совершил самоубийство, а кто-то, увидев его мертвым и не видя письма, которое было спрятано, подбросил ему второе;

3. сэр Гордон не писал ни одного из этих писем и был убит, а оба письма были подброшены нам с пока неизвестной целью.

Это единственные три возможности, которые по логике вещей могут иметь место: либо он написал одно письмо, либо написал оба, либо не писал ни одного. Теперь эта третья возможность отпала, и остались лишь две первые.

Утверждая это, Джо Алекс не знал, что вопреки всем правилам простейшей логики могла существовать еще одна возможность.

Но в эту минуту он о ней еще не думал.

Глава восьмая

Испуганный молодой человек

Роберт Рютт вошел в столовую, остановился в дверях и слегка поклонился обоим мужчинам, сидящим за столом. Джо поднялся со стула и указал ему место напротив. Этот молодой человек был явно перепуган: подходя, он споткнулся и чуть не упал. Тихо пробормотав «Извините!», сел и, опустив глаза, молча ждал.

— Мистер Роберт Рютт, не так ли? — спросил Джо.

— Да, сэр.

— Вы были личным секретарем покойного сэра Гордона Бедфорда?

— Да, сэр.

— С какого времени?

— Когда я закончил учебу в институте, профессор нанял меня как личного секретаря. А поскольку я с отличием окончил курс специализации по энтомологии, я также являюсь его ассистентом... то есть, являлся. О Господи... — он умолк и опустил глаза. Его худые нервные пальцы сплетались и расплетались на поверхности стола, очевидно, неосознанно для него самого.

— Я понимаю, что для вас это должно было быть большим потрясением, — Джо понимающе покивал головой, — но то, что должно случиться, случилось, и теперь надо собраться с силами. Не стоит так нервничать. — Джо вынул пачку своих любимых сигарет. — Хотите закурить?

— Нет, нет, спасибо. Я вообще не курю, — Рютт тряхнул головой. — Это ужасная история, сэр... Для меня это такая неожиданность, джентльмены...

— Значит, ничего не указывало на то, что сэр Гордон может посягнуть на свою жизнь? Вы ведь должны были хорошо знать профессора, будучи его ассистентом и личным секретарем, не так ли?

— Да, конечно!.. То есть, я действительно хорошо знал сэра Гордона, но ничего не указывало на это... Абсолютно ничего! Ведь даже в два часа ночи, когда мы расставались, он еще разговаривал с мистером Сирилом и со мной о книге и о лекциях, которые собирался прочесть в Соединенных Штатах. Сегодня он должен был лететь в Нью-Йорк вместе с женой... Мы подготовили все для него, трудясь день и ночь. Сэр Гордон был человеком неисчерпаемой энергии... И он был полон жизни... Даже сегодня, как я уже говорил... он условился встретиться с нами в семь утра, но потом, в два часа ночи, когда мы расставались, поменял время встречи на шесть. Видимо, он хотел еще раз внимательно просмотреть вместе со мной рукопись книги, которую я сегодня должен был доставить в издательство согласно его обещанию. А мистер Сирил должен был обеспечить фотографические материалы. Мы должны были окончательно установить места, где именно в тексте будут размещены снимки. Кроме того, сэр Гордон заканчивал работу над своей лекцией. Он должен был прочесть в Соединенных Штатах лекцию о перелетах ночной бабочки *Atropos*, то есть бабочки «Мертвая голова». Он провел в последние годы на эту тему блестящие исследования... Не знаю, известно ли вам, что «Мертвая голова» живет, вообще-то, в Северной Африке и на европейских побережьях Средиземного моря. А к нам и в Скандинавию прилетает лишь в конце мая и в начале июня...

Он умолк, увидев слегка нетерпеливый жест Паркера, но Джо быстро сказал:

— Нет-нет, пожалуйста! Расскажите нам. Мы хотим сориентироваться в последних трудах сэра Гордона, и хотя мало знаем о бабочках, но постараемся кое-что понять...

— Ну так вот, джентльмены, именно сэр Гордон, благодаря его тщательным и точным исследованиям, к которым привлек также ученых с континента, установил точные трассы перелетов бабочек «Мертвая голова», а также их образ жизни и повадки в пути и потом на месте, после прибытия. Но самое главное — он выдвинул очень интересную, и если можно так сказать, очень «современную» теорию по поводу некоего феномена, присущего этому виду бабочек. Дело в том, что бабочка «Мертвая голова», прилетев сюда, на север, откладывает яйца и воспроизводит здесь целое поколение потомства, которое, однако, совершенно не способно к дальнейшему размножению и определенным образом непродуктивно для биологического вида, являясь как бы побочным тупиком развития; поколение это вырастает, увядает и умирает, не имея способности к продолжению рода. Сэр Гордон опытным путем рассчитал и показал, какие именно бабочки из этого вида прилетают на север, почему они это делают, и самое главное — чему следует приписать этот удивительный для природы феномен неустанного производства потомства, обреченного на бесплодную гибель. Выводы из его работы, хотя и сенсационные для специалистов, требуют, тем не менее, тщательного изучения. Здесь следует учитывать и генетику, и климат, и всю историю планеты за последние десятки тысяч лет. Выводы из работы сэра Гордона были еще очень важны не только поэтому — они явились весомым вкладом в анализ развития видов не только насекомых, но и в изучение проблем развития общественной животной жизни и вторичных генетических признаков... Сэр Гордон выявил, между прочим, определенные и

очень высокие коллективные способности Atropos во время перелетов и доказал, что между отдельными особями в пути существует определенная система общения, позволяющая им не только отыскивать нужное направление (потому что эта способность есть у всех живых существ, осуществляющих сезонные миграции), но и места, где они могут найти питание... Как известно, Atropos питаются картофелем и поэтому... — он умолк, а потом тихо добавил: — Простите, я, кажется, слишком тут разговорился...

— Ну вот, теперь мы более-менее понимаем, над чем трудился профессор... — улыбнулся Джо. — А я опасаясь, что без базовой подготовки в этом вопросе мы не продвинулись бы дальше. Однако, к сожалению, должны вернуться к нашему грустному делу и к нашим печальным обязанностям. Итак — вы абсолютно убеждены, что сэр Гордон до последней минуты не проявлял никакого желания совершить самоубийство? Он не был склонен, ну, скажем, к внезапным приступам депрессии? Разочарования? Он никогда не говорил с вами в пессимистических тонах о жизни, о людях или о своей работе? Ну, словом, вы понимаете, что я имею в виду...

— Да, сэр, я понимаю... — Рютт на секунду задумался. — Нет, сэр. Никогда. Напротив — сэр Гордон всегда производил на меня впечатление человека, который даже в моменты наивысшей усталости способен сохранять желание и волю к работе. Он был очень доволен своими последними достижениями и явно с подлинной радостью отдавал в печать свою книгу. Мне кажется, что отправляясь в Соединенные Штаты с лекцией, которая, по сути, была сокращенным вариантом его книги, он также чувствовал, что его там ждет большой и заслуженный успех... И хотя сэр Гордон в определенном смысле был специалистом в совершенно иной области — в экономике, — можно смело сказать, что те энтомологические исследования, которые он провел, уже в ближайшее время принесли бы ему мировую славу. Впрочем, он и так был одним из наиболее известных исследователей жизни ночных бабочек. Но энтомология — это такая наука, джентльмены, что многие выдающиеся ученые в этой области рекрутировались и рекрутируются из людей очень разных профессий. Наибольших достижений в знаниях о бабочках, пауках, пчелах и муравьях добились ученые, которые не были профессиональными зоологами...

— Да-да, понятно... А как, по-вашему: у сэра Гордона могла быть какая-нибудь причина для самоубийства?

— Причина, сэр?

— Да, то есть, не знаете ли вы о чем-нибудь, что могло бы подтолкнуть сэра Гордона к самоубийству, если бы он, скажем, совершенно неожиданно узнал об этом? — При этих словах Джо неподвижным взглядом всматривался в лицо молодого человека. Он заметил, что на лбу у Рютта появились маленькие капельки пота.

— Нет... Я не понимаю, сэр, о чем вы...

— Ну, может, будет проще, если скажу вам, что рядом с телом мы нашли письмо, в котором сэр Гордон утверждает, что он прощается с жизнью, чтобы дать возможность любимой им женщине жить с мужчиной, которого она, в свою очередь, любит... Прошу извинить меня за этот вопрос, но как человек, практически не расстающийся с Бедфордами, вы, быть может, имели возможность... которая позволила бы вам сказать, мог ли сэр Гордон написать такое письмо...

— Он... он это написал?... — прошептал Роберт Рютт и вдруг закрыл лицо руками. Но тут же выпрямился и опустил руки на колени. Джо заметил на его лице следы двух слезинок, которых молодой ученый не собирался скрывать. — Это ужасно, — прошептал он. — Нет, это невозможно... Он... он не относился к людям, которые могли бы уйти с чьего-то пути... Скорее

я подозреваю, что он мог бы убить такого человека и свою жену... Но.. но... — он развел руками и прошептал совсем тихо: — Нет, это ужасно...

— Я спрашивал вас, не заметили ли вы чего-то, что могло бы послужить оправданием такого письма?

— Кто? Я? — Рютт громко проглотил слюну. — Я? Нет, нет... — Потом вдруг повысил голос: — Нет, ну откуда я! Я всего лишь его секретарь. Если бы даже и что такое... я не смел бы даже видеть, но миссис Сильвия... Она вне всяких подозрений. Сэр Гордон окружал ее таким глубоким уважением... Нет-нет, точно нет.

— Ну хорошо, — вздохнул Алекс. — И вы напрасно так нервничаете. Вы ведь взрослый мужчина, а мы в данную минуту занимаемся расследованием, и нам нужна помощь, которую могут уделить люди, хорошо знающие и самого покойного, и отношения, которые царили в его окружении.

— Да, сэр, конечно, — прошептал Рютт и выпрямился на стуле, как школьник, которому сделали замечание. Но несмотря на видимые усилия, его глаза избегали встречи со взглядом Алекса, а пальцы сплетались и расплетались в неустанном, бессмысленном усилии.

— Возвращаясь к тому, что вы говорили ранее, — сказал Джо неприступно, — такие собрания в шесть часов утра, после того как работа продолжалась до двух или трех ночи, я думаю не относились к обычному образу жизни и работы сэра Гордона?

— Что? А, да... скорее к обычному... Он всегда работал по ночам, когда было много работы, а обычно ее было очень много, потому что он ставил перед собой все более сложные задачи. Я привык к этому, хотя сначала и ощущал недосыпание. С другой стороны, потом обычно наступали периоды, когда я не был ему нужен, и тогда мог отсыпаться сколько угодно. Сэр Гордон не относился к людям, которые не замечают своих сотрудников.

— Значит, это смещение утренней работы на час не удивило вас сегодня в два часа ночи?

— Нет. Я работал до трех, закончил корректуру, поставил будильник на без четверти шесть, а когда проснулся, принял душ и спустился вниз.

Он вздрогнул.

— И обнаружили сэра Гордона мертвым, да?

— Да, сэр.

— И который тогда был час?

— Ровно шесть, сэр, минута в минуту. Сэр Гордон очень любил пунктуальность, и мы все приспособивались к этому.

Алекс понимающе покивал головой. Он закурил, а потом, как бы между прочим, спросил:

— Вы упоминали, что сэр Гордон сначала условился с вами на семь утра, а затем перенес эту встречу на шесть. В каких обстоятельствах он договаривался с вами о встрече на семь?

— Я не понимаю, сэр?

— Ну, просто: когда он это вам сказал?

— Когда?.. Сейчас... А, за ужином. Мы все сидели за столом во время ужина, то есть: обе миссис Гордон, сэр Гордон, мистер Сирил и я. Вот тогда сэр Гордон и сказал: «Роберт, будьте готовы к тому, что ровно в семь утра я буду ждать вас в своем кабинете. Разумеется, я верю, что вы принесете готовую корректуру...» Я ответил, что, конечно, принесу, и немедленно после ужина сел за работу.

— И поэтому вы не ловили в тот вечер бабочек вместе с сэром Гордоном и его братом?

— Да, сэр, именно поэтому.

— А когда сэр Гордон поменял свое решение?

— Тогда, когда примерно без четверти два я пошел к ним в сад. Хотел спросить сэра Гордона, принести ему рукопись сразу после окончания корректуры или прийти с ней в семь. Но оказалось, что сэр Гордон собирается еще поработать над своим докладом, и поэтому договорился с нами на шесть, чтобы у него осталось больше времени на другие дела. После встречи я должен был отвезти рукопись книги издателю... Позже, когда мы вместе с мистером Сирилом поднимались по лестнице, он напомнил нам об этом еще раз. И это были последние слова, которые я от него услышал...

— При свидетеле?

— Не понимаю, сэр...

— Меня интересует, — терпеливо объяснил Алекс, — сказал ли сэр Гордон в присутствии какого-либо свидетеля о том, что ждет вас в шесть?

— Да, конечно. Мистер Сирил Бедфорд присутствовал при этом.

— И вы убеждены, что он помнит эти слова?

— Да. Ведь они и его тоже касались.

— Понимаю. И еще одно: мы обратили внимание на то, что в эту портативную пишущую машинку «Ундервуд» недавно поставили новую ленту. Не знаете ли вы, кто это сделал и когда?

— Знаю, сэр. Это я поставил новую ленту.

— Когда?

— В субботу утром. Я приехал раньше сэра Гордона и миссис Сильвии. В мои обязанности входила также подготовка рабочего места: пишущая машинка, карандаши, чернила, бумага, ну, все эти дела... Когда я приехал, то обнаружил, что лента уже изношена, и послал горничную за новой. Тут недалеко есть магазин с канцелярскими принадлежностями.

— А после замены вы или сэр Гордон писали на этой машинке?

— Я — нет. А сэр Гордон... пожалуй, тоже нет, хотя, конечно, я не могу за это ручаться. Он привез готовую машинопись своего доклада и работал только над стилистическими правками и возможным внесением новой информации. Он обычно вписывал это ручкой в машинопись. А у меня была машинопись его книги, и я работал над ее корректурой, проверяя соответствие данных и тому подобное. Никто из нас не пользовался машинкой...

— Понимаю. А как вы попали в кабинет сэра Гордона до его приезда? Насколько я помню, горничная сказала нам, что кабинет сэра Гордона обычно заперт на ключ во время его отсутствия.

— Да. Сэр Гордон дал мне ключ, когда я должен был ехать сюда. Горничная обязана убрать там до его приезда, а кроме того, как уже говорил, я должен приготовить кабинет к работе.

— Да-да, ясно... — Алекс покивал головой. — Сколько вам лет?

Рютт был так ошарашен неожиданностью этого вопроса, что в первую секунду не мог ответить.

— Я не понял, сэр?

— Но мой вопрос является одним из простейших вопросов в мире. Я спросил, сколько вам лет.

— Двадцать восемь, сэр.

— Так я и предполагал. А сэру Гордону было, кажется, пятьдесят восемь?

— Да, сэр. Но я не понимаю...

— Вы не понимаете очень и очень многих вещей, мистер Рютт. — Джо покачал головой. — А ведь вы с отличием окончили высшее учебное заведение. И казалось бы, что... Впрочем, не будем об этом. Пока что мы вас благодарим.

Рютт встал.

Джо тоже поднялся со стула.

— Ах да, еще одна мелочь, — он шлепнул себя по лбу, как человек, вспомнивший о чем-то. — Вы можете на минутку пройти в кабинет покойного? — Движением руки он указал молодому человеку на дверь, соединяющую столовую с кабинетом сэра Гордона. Джо пошел первым и открыл дверь. Рютт, идущий следом, остановился на пороге.

Паркер закрыл блокнот, в котором до сих пор делал какие-то записи, встал и тоже подошел к ним.

Джо приблизился к столу и, указывая на пробирки, вынутые из сумки, спросил Рютта:

— Скажите, — это те самые бабочки, которые профессор поймал вчера?

Рютт медленно подошел, бросая испуганные взгляды в направлении письменного стола, за которым сейчас никто уже не сидел, и склонился над пробирками.

— Наверно, да... — он по очереди осмотрел пробирки. — Да... Здесь четыре бабочки *Atropos*... А сэр Гордон говорил, что именно столько он поймал в эту ночь... Он сказал, что это исключительная удача, и пожалуй, был прав, потому что это редко случается в одном месте за одну ночь. Большого я не могу сказать, потому что не ловил с ними вчера... Мистер Сирил, наверно, лучше вам все расскажет... ведь он там присутствовал...

— Да, — кивнул Джо. — И еще последний маленький вопрос: не подходили ли вы в последнее время вот к этому окну?

— В каком смысле, сэр?

— Я спрашиваю, — терпеливо вздохнул Джо, — не приближались ли вы к этому окну сегодня утром, когда обнаружили здесь сэра Гордона? Вам ведь могло показаться, что он потерял сознание, и вы могли открыть окно, чтобы впустить сюда больше свежего воздуха? Я имею в виду такого рода действия.

— Нет, сэр, я не подходил к окну. Точно нет. Просто мне это не пришло в голову. Может, потому, что мы никогда не открывали окон в присутствии сэра Гордона... У него было воспаление суставов и ревматические изменения в костях, а поэтому сквозняк был для него просто убийственным. Во время приступов он так сильно страдал, что, боясь их, одевался намного теплее, чем это допускала температура, и строго следил, чтобы в доме не было сквозняков. У него сложился комплекс по этому поводу, если можно так выразиться...

— Ну что ж, спасибо вам еще раз. — Джо внимательно посмотрел на него. — Вы сообщили нам ряд ценных сведений. Надеюсь, что рассказали нам все, что знаете, отвечая на наши вопросы? Вы ведь знаете, что утаивание от лиц, ведущих расследование, каких-либо фактов, могущих способствовать установлению истины, является преступлением, не так ли?

— Да, сэр... — прошептал Рютт... — Я догадываюсь, что так должно быть... — он отвел в сторону взгляд, избегая встречи с настойчивым взглядом Алекса. — Я... я уже могу уйти?

— Да, конечно, конечно...

Джо еще некоторое время смотрел на закрытую дверь, за которой исчез Рютт, потом медленно повернулся к Паркеру.

— И что ты, Бен, думаешь об этом красивом молодом человеке?

— Думаю, что он действительно красив внешне. Это правда. — Паркер повернулся в сторону двери в столовую и открыл ее. — Но я также думаю, что он не сказал нам всего, что знает. Он что-то скрывает, Джо, и если бы не то, что я не хотел тебя прерывать, а также не то, что, полагаю, ты отпустил его лишь затем, чтобы он «дозрел» в одиночестве, я бы не дал ему так легко выкрутиться этими любезными «да, сэр, нет, сэр, не понимаю, сэр»... Но,

впрочем, он у нас под рукой, и думаю, что после того, как мы побеседуем с остальными домочадцами, стоит еще раз к нему вернуться.

— И я так же думаю. — Алекс вошел в столовую и сел за стол. — Что теперь, Бен?

Но прежде чем Паркер успел ответить, раздался стук в дверь, и сержант Джонс появился на пороге, держа в руке длинный, узкий запечатанный конверт, явно официальный.

— Пакет из Скотленд-Ярда, сэр... Водитель сказал, сэр, что вы ему сказали, сэр, чтобы он вам сразу сказал, как только придут результаты отпечатков пальцев на том ящике с бабочками и этой головке, вырезанной из фотографии. Так вот, они еще не пришли.

— Хорошо... — Паркер кивнул, взял конверт и подошел с ним к столу. Джонс бесшумно отступил на свой пост, тихонько закрыв за собой дверь.

— А тут что такое? — с любопытством наклонился Алекс через стол.

Паркер распечатал конверт.

— Когда я только сюда прибыл, сразу же передал в центр имена всех домочадцев и убитого. Хотел знать, есть ли в наших архивах что-нибудь интересное о ком-то из этих людей. Они ведь там собирают данные о сотнях тысяч людей, и всегда есть шанс, что это может помочь в... — он не закончил предложения, пробежал глазами лист бумаги, приколотый к другому, меньшему конверту, который находился внутри большого, и протянул этот лист Алексу.

Алекс прочел:

«По вашему запросу архив сообщает данные на:

1. Сэр Гордон Бедфорд — никаких конфликтов с законом и никакого контакта с каким-либо делом, которое рассматривалось судом или находилось в процессе расследования, никогда не имел.

2. Сильвия Бедфорд — также нет.

3. Джудит Бедфорд — также нет.

4. Агнес Уайт — также нет.

5. Роберт Рютт — также нет.

6. Сирил Бедфорд — приложены копии из его дела.

Прежде чем Алекс успел дочитать этот список до конца, Паркер распечатал меньший конверт. Он вынул из него несколько листов, густо покрытых машинописным текстом, и положил их перед собой.

— Слушай, — сказал он минуту спустя, — слушай внимательно, потому что это интересно...

— Ну и что там такого? — заглянул ему через плечо Алекс. — Может, им удастся кратко объяснить нам, что мистер Сирил Бедфорд убил своего брата, и тогда, наконец, я смогу спокойно вернуться в мою уютную, тихую, теплую квартиру и... уснуть... Этот кофе совсем не помог мне так, как я того хотел...

— Нет, ты только послушай... — Паркер отмахнулся рукой от слов Алекса. — Нет, правда, послушай! Я тебе быстро прочту.

Он начал вполголоса читать.

Джо откинулся на спинку стула, и хотя со стороны могло показаться, что он и в самом деле задремал, ни одно слово не ускользнуло из его напряженного внимания.

Глава девятая

Мистер Сирил Бедфорд

— «СИРИЛ БЕДФОРД, родился 27.10.1914 г. в Лондоне, сын Эдварда и Дианы из дома Барнет, рост 6 футов и 2 дюйма, вес около 220 фунтов, глаза голубые, волосы блонд светлые, особые приметы отсутствуют, капитан танковых войск в запасе, награжденный многочисленными медалями за отвагу во время последней войны...

АРЕСТОВАН 10 февраля 1951 года по подозрению в фальсификации подписи и попытки снять при помощи фальшивого чека наличные средства на сумму фунтов 1000 со счета своего брата сэра Гордона Бедфорда в лондонском центральном отделении Банка Беркли. Чек не подвергался сомнению, но учитывая высокую сумму, банковский служащий связался по телефону с владельцем счета, который решительно отрицал, что выставлял когда-либо такой чек на предъявителя... В ту минуту сэр Гордон Бедфорд еще не знал, что чек хотел обналичить его родной брат. СИРИЛ БЕДФОРД был немедленно арестован. В тот же день пополудни дополнительно было получено заявление от фирмы «Безег и Безег», которая занимается торговлей фотоаппаратами и фотооборудованием. Обвиняемый был коммивояжером этой фирмы и распространял ее товары. Проверка, проведенная в этот день, выявила недостачу товара на сумму 980 (девятьсот восемьдесят) фунтов, без внесения оплаты на счет фирмы. В тот же день вечером, во время предварительного допроса, обвиняемый признался в совершении как одного, так и другого преступления. Однако дело не было направлено в суд, поскольку утром следующего дня оба обвинения были отозваны, а задержанный отпущен на свободу, как того требует закон. ПРИМЕЧАНИЕ: Из конфиденциальных источников известно, что сэр Гордон Бедфорд, узнав, что чек подделал его собственный брат, немедленно отозвал заявление о подделке. Что касается фирмы «Безег и Безег», то согласно полученной информации, сэр Гордон воспользовался в данном случае своим влиянием и немедленно покрыл расходы, возникшие в результате недостачи в кассе этой фирмы...»

Паркер прервал чтение и посмотрел на Алекса:

— Я думаю, нетрудно было объяснить фирме «Безег и Безег», что она должна немедленно принять деньги и отозвать свое заявление. Сомневаюсь, найдется ли в Англии предприятие, которое рискнуло бы без крайней нужды вызвать недовольство одного из самых уважаемых коронных экспертов по импорту и экспорту... Однако, читаю дальше:

ИНФОРМАЦИЯ О БИОГРАФИИ И ХАРАКТЕРЕ СИРИЛА БЕДФОРДА

Сирил Бедфорд — человек необыкновенно смелый, что подчеркнуто несколько раз в армейских приказах о его награждении, — с детства проявлял бунтарские наклонности. В пятнадцатилетнем возрасте он убежал из дому, был пойман в одном из портов, когда пытался «зайцем» переправиться через океан, и возвращен в родительский дом. Позже он учился в Кембриджском университете, который и закончил, но уже там пользовался славой гуляки и любителя доступных женщин. Затем он играл на скачках и в карты. После смерти отца он в течение нескольких лет растратил свою половину наследства, которая составляла солидную сумму — около восьмидесяти тысяч фунтов стерлингов, а его долю наследства в виде части родного дома в окрестности Ричмонда выкупил у него старший брат Гордон. Закончив учебу и промотав наследство, Сирил Бедфорд попал не в лучшую компанию букмекеров и владельцев нелегальных игорных домов в квартале Сохо. Длительное время находился под наблюдением Скотленд-Ярда, однако не удалось обнаружить в его действиях каких-либо серьезных правонарушений, которые позволяли бы поставить его перед судом. За год до начала войны он познакомился с Джудит Спенсер, которая старше его на восемь лет, и женился на ней. Она имела определенную сумму денег в банке и земельное владение в графстве Сюррей. Как земельное владение, так и деньги жены, Сирил Бедфорд, согласно нашим сведениям, успел проиграть настолько точно до начала войны, что когда он был призван в армию, его жена не имела бы никаких средств на жизнь, если бы

не сэр Гордон Бедфорд, который поместил ее в родовом имени — доме Бедфордов в Ричмонде, и обеспечивал ее содержание. После окончания военных действий и демобилизации Сирил Бедфорд к жене не вернулся. Он перепробовал множество профессий. В определенный момент недоставало лишь мелочи, чтобы он был осужден за участие в производстве и распространении порнографических материалов вместе с неким Дэвидом Шинглем (неоднократно отмеченным в наших реестрах). Но и на этот раз не удалось собрать достаточного количества доказательств его вины. Впоследствии Сирил Бедфорд пытался зарабатывать самыми разными способами, пока, наконец, не устроился на работу в фирму «Безег и Безег». Подробности, относящиеся к окончанию его работы, указаны в начале этой папки. После освобождения от ареста Сирил Бедфорд вернулся к жене и стал жить вместе с ней в родном доме. Есть основания предполагать, что сэр Гордон Бедфорд, являясь человеком безукоризненной репутации, оказал на брата определенного рода давление, вероятно, сохраняя материалы, позволяющие в случае надобности возобновить процесс о фальсификации чека. Из конфиденциальных источников нам известно, будто он пригрозил брату тюрьмой, если тот не будет вести себя соответствующим образом, не накликая позор на древнее имя Бедфордов. Иначе трудно объяснить факт возвращения Сирила Бедфорда к жене и его уединенный образ жизни, который он начал вести с той поры...

ОЦЕНКА ХАРАКТЕРА, следующая из анализа вышеизложенной информации: очень развит и исключительно одарен, как утверждали в школе, а впоследствии и в университете. Блестящий ум. Обладает манерами и образом поведения подлинного джентльмена. К сожалению, дурные влияния всегда брали в нем верх над добрыми...»

Паркер вложил бумаги обратно в пакет.

— Ну, и это пока все. Есть там еще отпечатки пальцев и незначительные подробности биографии...

— Ваш архив заслуживает восхищения, — Джо выпрямился на стуле и зевнул. — Я много бы дал, чтобы прочесть когда-нибудь, что Скотленд-Ярд думает обо мне. «Согласно имеющимся у нас данным, мистер Джо Алекс является человеком самонадеянным, легкомысленным и странноватым...» А, Бен?

Паркер отрицательно покачал головой.

— Ты никогда не переступил границ закона... А если бы переступил, сведения о тебе собирались бы систематически или дополнялись бы от случая к случаю на протяжении всей твоей жизни... Мистер Сирил Бедфорд даже понятия не имеет, как много мы о нем знаем...

— Может, и не имеет... Но это ничего нам не дает... Разве только если основной целью твоего пребывания здесь является желание импонировать мистеру Сирилу Бедфорду количеством информации, которую ваши зашники вписали в книгу его жизни... Может, пригласим его прямо сейчас? Его биография меня впечатляет. Этот сэр Гордон со своими бабочками, торгово-экономическим талантом, безукоризненным авторитетом, нелюбовью к табаку и алкоголю как-то меньше мне по вкусу, чем его блудный братец... Но давай побеседуем с этим сорокасемилетним сорванцом. Может, он скажет нам что-нибудь интересное?

Паркер кивнул. Потом встал, подошел к двери и что-то шепнул невидимому Джонсу. Некоторое время он молча ждал, потом раздался стук, Джонс просунул в щель голову и сказал: «Мистер Сирил Бедфорд». А потом, впустив объявленное лицо в столовую, закрыл дверь. Паркер, как бы не замечая всего этого, вынул свой блокнот и начал переверачивать страницы.

Алекс поднялся с места:

— Будьте добры, присядьте и простите меня, что предлагаю это в вашем собственном доме, — непринужденно сказал он и сел сам, разглядывая новоприбывшего.

Даже если бы Джо не знал, что этот человек является братом сэра Гордона Бедфорда, он легко догадался бы об этом с первого взгляда.

Сирил Бедфорд был человеком огромного роста, а его плечи были, пожалуй, столь же широкими, как и у брата. И хотя Джо никогда не видел знаменитого исследователя бабочек живым, он готов присягнуть, что его движения не были даже наполовину такими легкими, как движения человека, который сейчас сел перед ним, достал трубку, спички и тампер для уплотнения табака в трубке. Когда их взгляды встретились, Алекс понял, почему Агнес Уайт назвала Сирила красивым мужчиной. Он и в самом деле был очень интересным. Джо еще с минуту молча приглядывался к нему, ощущая нечто вроде разочарования, и вдруг понял, что чувство это возникло потому, что он не обнаружил на его лице никаких черт слабости, которые предполагал увидеть по прочтении Паркером биографии этого человека. У физиономиста возникло бы, вероятно, много трудностей с объяснением того, почему Сирил Бедфорд не стал известным посюдо уважаемым гражданином, а вынужден вести гротескную жизнь в доме своего детства, рядом с женой, которую не любил, находясь на иждивении у брата, который, наверно, презирал его, если даже и испытывал к нему какие-то родственные чувства.

— Мы позволили себе пригласить вас сюда в связи с трагическим событием, жертвой которого пал ваш брат, сэр Гордон Бедфорд, — негромко сказал Джо. — Если вы не слишком потрясены, мы были бы очень благодарны вам за оказанную нам помощь... — Джо на секунду умолк, но сидящий напротив него мужчина не шевельнулся. Джо продолжал: — Если я сказал, что мы нуждаемся в помощи, то хочу сразу добавить, что обстоятельства смерти сэра Гордона ставят полицию перед весьма трудной задачей.

После этих слов Сирил Бедфорд вздрогнул.

Паркер перестал писать и поднял голову.

— Не будете ли вы так добры выразаться яснее? — произнес Сирил Бедфорд настолько спокойно, что на этот раз вздрогнул Алекс. — Я пока не могу в точности отдать себе отчет в том, чем кто-либо может в этом случае помочь. Ведь смерть — это событие необратимое.

— И преступление тоже, — кивнул головой Алекс. — Но я ведь не просил у вас помощи вашему трагически погибшему брату, так как это находится вне границ человеческих возможностей. Для меня важно, чтобы вы просто помогли нам, людям, которые пытаются служить закону и правосудию на этом свете. Дело в том, что ваш брат был убит.

Сидящий напротив Алекса мужчина прикрыл на несколько секунд глаза и снова открыл их.

— Вы в этом абсолютно уверены?

— Пожалуй, да...

Снова возникла пауза. Сирил Бедфорд закурил трубку, утрамбовал тампером тлеющий табак и начал медленно выпускать клубы дыма.

— Не могли бы вы рассказать нам, как прошли последние минуты, которые вы провели со своим братом? — Джо с наслаждением втянул в ноздри запах дыма из трубки. «Средний Капстан» — мысленно определил он сорт табака.

— Да, конечно... — Сирил кивнул и отложил трубку. — После ужина мы вместе пошли ловить бабочек. Ассистент моего брата, Роберт Рютт, был занят корректурой машинописи, которую утром должен был отнести издателю, а поскольку ночь была красивой и как раз в это время наступил

период усиленной миграции «Мертвых голов», мой брат непременно хотел провести несколько часов у экрана, специально приспособленного для их приманки. Таким образом, мы пошли вместе. Я занимался, как обычно, усыплением насекомых, а Гордон ловил их. Он умел очень ловко делать это. Вся проблема здесь в том, чтобы не повредить крылышки этих нежных созданий, когда они сильно трепещутся, пытаясь вырваться на свободу. Охота, действительно, удалась на славу. Гордон поймал целых четыре «Мертвые головы» и был в превосходном настроении, поскольку их концентрация в этих окрестностях именно в это время года полностью совпадала с его теоретическими расчетами. Мне трудно сказать, с какими именно расчетами, поскольку... — он на секунду умолк, и Алексу показалось, что легкая тень усмешки скользнула по кончикам его губ, — поскольку я сам терпеть не могу бабочек, а особенно «Мертвых голов». Но так или иначе, мы их ловили, пока время не приблизилось к двум ночи. Рютт спустился сверху, поскольку у него к брату был какой-то вопрос, и мы все вместе вернулись в дом. Роберт и я поднялись наверх, а Гордон остался внизу. Сегодня он должен был лететь в Америку и хотел еще поработать над своим докладом. С нами обоими он условился встретиться сначала в семь утра, но затем передвинул время на шесть, поскольку у него оставалось еще немного работы, связанной с книгой, а потом он хотел пару часов поспать и еще до отъезда закончить с Рюттом корректуру доклада.

— Понимаю. И что вы делали, отправившись наверх?

— Я пошел в фотолабораторию, чтобы проверить сохнувшие там снимки. Я находился там минут 12—15, когда туда пришел Гордон.

— Ах, так значит, ваш брат был наверху после того, как вы расстались у лестницы?

— Да... — Сирил поднял брови с выражением легкого удивления. — Конечно, был. Он посмотрел снимки, и мы еще с минуту говорили с ним о том, что он хочет взять с собой комплект снимков Atropos в Америку, а потом он вышел...

— Пошел он в свою спальню или вниз в кабинет?

— Полагаю, что скорее вниз. Он ведь не прерывал работы. Перед его уходом я сказал, что закончу около трех и, вероятно, вздремну. Поскольку мой будильник очень громкий, в отличие от будильника Рютта, я попросил брата, чтобы он разбудил меня в половине шестого. Хотелось спокойно поспать часа два, так как я знал, что день будет очень насыщенным, вплоть до самого вечера — до отъезда Гордона в аэропорт...

— А в котором, примерно, часу ваш брат был у вас в фотолаборатории?

— Я могу вам сказать это довольно точно, — спокойно ответил Сирил. — Когда мы разговаривали о бюджете, я взглянул на часы и помню, что тогда было ровно два часа двадцать пять минут...

— Большое спасибо. А что было потом?

— Я работал еще минут двадцать — разложил снимки, с которыми надо было спуститься в шесть, сосчитал их, проверил, все ли отпечатки вышли качественно, и сложил с другими — часть снимков у меня уже были приготовлены раньше... Потом пошел к себе в спальню, разделся, умылся и сразу уснул...

— И который тогда был час, приблизительно?

— Прежде чем потушить свет, я снова взглянул на часы, и кажется, тогда было без пяти три... или пять минут четвертого... Сейчас уже точно не могу вспомнить. Я ведь был уже совсем сонный и не знал, что это когда-нибудь может иметь какое-то значение... А разбудил меня Рютт... Разумеется, сам я не проснулся раньше, и Гордон тоже не пришел меня будить, потому что, как оказалось, был уже мертв.

Он говорил все это спокойным тоном, модулируя голос и не пытаясь создать впечатление человека, подавленного внезапной, невосполнимой утратой.

Алекс глубоко вздохнул и быстро произнес, как бы не задумываясь о том, что говорит:

— Прошу меня извинить, но вы не выглядите, как человек, потрясенный смертью родного брата.

Сирил Бедфорд вынул изо рта трубку, которую как раз туда вложил, и некоторое время смотрел на Алекса молча. Потом, наконец, сказал:

— Бывали минуты, когда я ненавидел его больше, чем кого бы то ни было на свете. Думаю, мы никогда не любили друг друга, даже когда я был ребенком, а он подростком.

— Спасибо за искренность. Хочу обратить ваше внимание на то, что мы примерно знаем причины, вследствие которых вы живете в этом доме и не выселяетесь из него. В архиве Скотленд-Ярда есть подробное описание некоего старого дела. Вы признаете, что являетесь человеком, для которого смерть сэра Гордона была бы крайне выгодной?

— А, так вы знаете о грехах моей молодости... — Сирил улыбнулся. — Да, смерть Гордона, безусловно, не самое печальное событие в моей жизни. Однако я буду вынужден разочаровать вас, если спросите, убил ли я своего брата. Нет, я не убивал его.

— А кто, по вашему мнению, мог его убить?

Сирил Бедфорд быстро поднял голову и некоторое время внимательно глядялся в глаза сидевших перед ним мужчин, затем потянулся к потухшей трубке и долго разжигал ее, явно размышляя над ответом.

— Не знаю, — сказал он, наконец, непринужденно, быть может, даже слишком непринужденно. — А если бы даже знал, то не сказал бы вам.

— Почему?

— Потому, что мой покойный брат, несмотря на свою пресловутую порядочность, честность и постоянство характера, по моему скромному убеждению, был лишен каких-либо человеческих черт. Он был кошмарным, нетерпимым ипохондриком и дураком, отравляющим жизнь всем вокруг. Кто бы его ни убил, если, конечно, это не самоубийство (а я сильно сомневаюсь, что это самоубийство, ибо тогда это было бы первым человеческим импульсом, который я бы у него увидел), так вот, кто бы его ни убил, тот оказал мне огромную услугу. Надеюсь вы не допускаете мысли о том, что следует доносить на своих доброжелателей? — Он умолк и внезапно стал серьезным. — Вы не считаете, что самоубийство Гордона также возможно?

— А какая, по-вашему, могла быть причина этого самоубийства?

Сирил Бедфорд снова умолк.

— Не знаю, — тихо сказал он наконец. — Я не вижу причины, по которой он мог бы лишиться себя жизни. Если говорить серьезно, то я ведь немного разбираюсь в людях и разговаривал с ним буквально перед самой его смертью. Он совершенно не производил впечатления человека, который собирается расстаться с жизнью... Нет... Это невозможно.

— Но одновременно вы не видите никого, кто хотел бы его убить?

— Нет. А вообще-то, если честно — то да. Каждый из нас, живущих здесь, мог бы иметь какую-то свою причину. Но в конце-то концов, человека не убивают из-за каких-то глупостей... Нет, не знаю... Единственный, кто действительно имел и желание, и мотив его убить, — это, пожалуй, я.

— Несомненно, у вас были и мотив, и возможность, — спокойно согласился Джо. — Но я совсем не уверен, что лишь у вас одного. И если мы по разным причинам догадываемся, что ваш брат вовсе не намеревался покончить с собой, то есть, по крайней мере, два человека, которые хотели бы

лишить его жизни... Впрочем, я могу ошибаться. Может, все было иначе. Признаюсь вам, у меня есть одна теория, которая пока основана лишь на абстрактном рассуждении. Мы даже бегло не опросили еще всех живущих здесь. Это вы выращиваете такие красивые георгины?

Бедфорд секунду выглядел удивленным этим вопросом, но тотчас взял себя в руки.

— Да. Они вам нравятся?

— Очень. Они удивили меня ввиду столь ранней поры года. Как доби-
ваетесь того, чтобы они цвели в это время?

— О, всего лишь немного находчивости и уйма свободного време-
ни... И это все. С растениями можно творить чудеса, если есть желание и
время.

— Мне кажется, георгины ведут свое происхождение из Мексики, не
так ли?

— Да, все сорта георгин родом из Мексики.

— Вот-вот. Кажется, только они и еще один сорт красной розы являют-
ся источником специфического натурального красителя, который когда-то
применялся для покраски шерсти и шелка. Как же он называется?.. Вы не
помните?..

— Признаться, меня больше интересуют их форма и цвет, и меньше —
химические особенности...

— Да-да, конечно, — Джо покивал головой. Краем глаза он заметил
удивленный взгляд Паркера. — Благодарю вас. — Он встал, и Сирил Бед-
форд тоже поднялся. — Любезно прошу вас теперь вернуться в свою ком-
нату. Ввиду идущего расследования мы будем вынуждены еще некоторое
время настаивать на том, чтобы вы все оставались на втором этаже дома до
той минуты, пока не отменим это распоряжение. Мне очень жаль, но поли-
цейские в холле и в саду получили приказ никого не выпускать без специ-
ального разрешения, а поскольку дом плотно окружен, я упоминаю об этом
лишь для того, чтобы никто не навлек на себя ненужных неприятностей.

Бедфорд, не говоря ни слова, вежливо склонил голову, направился к
двери, открыл ее и тихо закрыл за собой.

Как только он исчез, Паркер резко повернулся к Алексу.

— Что это за абсурд? Ты относишься ко всем этим людям так, будто
рассчитываешь на то, что убийца придет сам, признается во всем и еще
будет благодарить нас за то, что мы отправили его на виселицу! И что это
за бред с георгинами?

— Ответ на первый вопрос звучит, — Джо поднял вверх палец, — да,
я верю, что убийца вскоре как-то сам найдется. Следов тут уже столько, что
недостает лишь того самого пресловутого последнего звена... Ответ на второй
вопрос, — Джо поднял второй палец, — я наконец, вспомнил, как называется
этот краситель. Он есть только в красных георгинах и красных розах.

— И как же он называется?

— Цианид... — Джо покачал головой. — И подумать только, что при
моем полном безразличии к химии именно это я должен был знать!

Глава десятая

Отпечатки пальцев на стекле и на фотографии принадлежат...

— Итак, если не ошибаюсь, нам осталось еще побеседовать с обеими
миссис Бедфорд. С которой начнем?

Но судьба выручила Паркера и дала ответ на этот вопрос.

— Звонок из центра, шеф! — сказал сержант Джонс, приоткрыв дверь
и просунув в щель голову, неизвестно который уже раз за это утро.

Паркер встал и быстро вышел из столовой. Алекс остался сидеть неподвижно, подперев голову руками. Ироническая улыбка исчезла с его лица, которое выглядело теперь сосредоточенным и очень серьезным.

— Да... — произнес он вполголоса. — Пожалуй, это будет так... Или так... Головку из фотографии могла вырезать горничная, но она этого не делала, потому что... Ну да, конечно — Джудит Бедфорд. Интересно, как она выглядит... Из того, что говорила Агнес, следует, что это какая-то бедняжка с огромными комплексами. Она его любит?.. Ну да... Подумать только, сколько любви кроется под крышей этого скромного пуританского дома! Да — это Джудит Бедфорд.

Дверь открылась, Паркер вошел, с треском захлопнув ее за своей спиной, и быстро направился к столу. Он положил руку на плечо друга, который снова откинулся в кресле, опираясь рукой на подлокотник.

— А ты знаешь, чьи отпечатки найдены на рамке и даже на этой вырезанной ножничками голове? Ну, отвечай, соня, — ты же всегда твердишь, что весь научный аппарат полиции служит лишь для того, чтобы морочить голову лицам, проводящим расследование, и мешает розыску убийцы! Я дам тебе настоящий, английский звонкий шиллинг, если скажешь! Но ты не скажешь, потому что не можешь этого знать!

— Эх, — вздохнул Алекс, — да ты, парень, прямо Фома неверующий! Вот я никак не могу понять, откуда у тебя, вполне порядочного и неглупого в частной жизни человека, которого знаю много-много лет, — берется столько пренебрежения к человеческому разуму и его сложнейшей деятельности. Как только ты выступаешь в облике полицейского, немедленно начинаешь вести себя, как читатель детективного романа. Отпечаток пальца приведет преступника к виселице! «Благодаря нашей прекрасной криминалистической лаборатории и самым современным научным средствам нам удалось в кратчайший срок обезвредить опасного преступника...» Все это — прекрасные заголовки для статей в бульварной прессе, но чтобы ты сам, ты — Бенжамин Паркер, заместитель начальника криминального отдела, следователь Королевской муниципальной полиции, называемой также Скотленд-Ярдом, не мог сам, хотя бы — ну, я не знаю — хотя бы предположить, — кто оставил эти отпечатки?! Бен, дорогой мой, да я могу тебе сразу сказать, кто это сделал...

— Ну скажи! — Паркер смотрел на него с недоверием. — Скажи! Конечно, ты можешь и случайно угадать: у тебя один шанс из пяти, потому что именно столько у нас подозреваемых.

— Нет, дружище, мне не надо гадать. Я точно знаю, что отпечатки пальцев оставила миссис Джудит Бедфорд.

Паркер открыл рот, затем закрыл его, а потом снова открыл. Он вынул из кармана серебряную монету и подал ее Алексу.

— Да, — сказал он тихо. — Значит, ты знал, кто убил Бедфорда, и ничего не говорил?

— Я не понял, — поднял брови Джо, — что ты хочешь этим сказать?

— Ну, я надеюсь, что этой дамочке не удастся отвертеться, когда мы припрем ее к стенке таким доказательством, как это!

— Что ж — посмотрим... Судя по тому, что мы видели в кабинете, убийца Гордона Бедфорда не похож на абсолютного глупца. Но я ведь могу и ошибаться!

— Конечно, ты ошибаешься! — сказал Паркер и энергично направился к двери, но на полпути остановился и оглянулся. — А вообще, что ты имеешь в виду, Джо? — с подозрением спросил он.

— О, ничего! Бери свою миссис Джудит Бедфорд и допрашивай ее, — Джо развел руками. — Меня очень, ну очень интересует лишь как

она выглядит, и больше ничего, а кроме того, кажется мне, что дело идет к концу.

— Да? — Паркер пожал плечами. — Ладно, сейчас я ее сюда приглашу.

Он вышел и некоторое время вполголоса говорил что-то Джонсу за дверь, потом вернулся и медленно подошел к столу. Он молча стоял, глядя на дверь. Джо, который хорошо его знал, улыбался. Он знал, почему Паркер стоит. Джудит Бедфорд была женщиной, значит, он не мог принять ее сидя, но она была в его глазах также и убийцей, и он не хотел вставать, как только она войдет, как это подобало бы сделать, встречая обычную женщину, которой следует выказать должное ее полу уважение. Поэтому он ожидал ее стоя.

Дверь открылась.

Хотя, поднимаясь с кресла, Джо и не выдал своего изумления, но это стоило ему огромного усилия. Женщина, которой он подвинул стул, приглашая руки сестры, могла бы соответствовать самым различным представлениям, но он никогда бы не предположил, что она является женой Сирила Бедфорда. Низенькая, очень худая и слегка согнувшаяся вперед, она выглядела, как горбунья без горба. Но наиболее поразительной была ее голова с абсолютно седыми волосами, с лицом, покрытым сетью мелких морщин. Ее муж, который был отнюдь не мальчиком и даже не молодым человеком, мог бы спокойно представлять ее как свою мать. При этом двигалась она легко и энергично, и именно лишь по ее движениям Алекс понял, что ей не больше чем пятьдесят один-пятьдесят два года... Двадцать с лишним лет назад она, Джудит Спенсер, встретила на своем пути молодого, красивого великана. Влюбилась ли она в него с первого взгляда? Наверно. Что она думала, когда он проиграл в карты все ее немалое приданое? И что она думала, когда он ушел на фронт, оставив ее без единого пенса и совершенно не заботясь о ее судьбе? А когда война закончилась и он к ней не вернулся? Может, она возненавидела его? А может, напротив, — она неустанно любила его, понимая, что это может быть лишь односторонняя любовь, как любовь матери к плохому ребенку?.. Во всяком случае, она приняла его снова, когда он вынужденно вернулся, шантажируемый своим столь демонстративно порядочным братом... Страдала ли она из-за этого? Наверно....

Паркер уже открыл было рот, но Джо громко кашлянул и быстро спросил:

— Вы не могли бы бросить нам хотя бы лучик света на это дело? У нас очень много трудностей, если говорить честно. По некоторым данным, мы можем предполагать, что в супружестве сэра Гордона Бедфорда и миссис Сильвии Бедфорд не все ладилось так, как этого хотелось бы желать... Можно даже считать, что лишь неведение сэра Гордона предохраняло этот союз от неминуемого разрушения, если можно так выразиться... Как ваш супруг, так и секретарь покойного утверждают, что за два-три часа до смерти сэр Гордон не проявлял ни малейших признаков желания совершить самоубийство. Он был в полном порядке и готовил вместе с ними работу на сегодня... Тем не менее, мы обнаружили его мертвым после того, как он выпил чашку кофе с цианистым калием. А перед ним лежало письмо, в котором он прощался со своей женой в самых нежных выражениях... а в качестве причины добровольного ухода из жизни называл свою нечестность в торговых делах, если можно это так сформулировать...

— То есть, вы хотите сказать, что Гордон считал себя злодеем, а свою жену — ангелом? — спросила Джудит Бедфорд спокойным, но слегка дрожащим от эмоций голосом. Было видно, что она пытается подавить в себе нарастающий взрыв чувств.

— Ну, примерно так это выглядит...

— Это ложь, — сказала она коротко.

— Почему вы так считаете?

— Потому что даже ребенок, который провел бы с ними полдня, сразу бы понял, что Гордон — чист как хрусталь, а она... У Сильвии был роман с другим мужчиной!

— Отдаете ли вы себе отчет в серьезности обвинения, которое бросаете в адрес женщины в тот момент, когда идет следствие по делу о возможном убийстве ее мужа?

— Я еще никогда в жизни не солгала! — Джудит Бедфорд посмотрела на Алекса своими маленькими разгневанными глазами. На ее бледном, покрытом морщинами лице выступил румянец кирпичного цвета. — Я знаю, что говорю, и не привыкла к тому, чтобы столь молодые люди, как вы, указывали мне, как я должна себя вести.

— Это весьма похвально, что вы еще никогда не солгали, — Джо серьезно покивал головой, опуская вторую часть того, что она сказала. — Но я повторяю: мы тут ведем расследование, результат которого может оказаться катастрофическим для возможного убийцы сэра Гордона. Утверждение, что его жена была близка с другим мужчиной, а быть может, любила его, выставляет ее в очень неблагоприятном свете, и тот, кто это утверждает, обязан доказать, что он не выдвигает голословных обвинений. Откуда вам известно, что так было?

— Поскольку моя комната расположена по соседству с комнатой этого молодого человека, я слышала достаточно, чтобы быть в этом уверенной.

— Через стену?

— Есть общий каминный дымоход, который соединяет эти две комнаты, поскольку оба камина соприкасаются, — сказала Джудит Бедфорд немного тише. Она снова покраснела, но на этот раз не от гнева, а от смущения.

— И что же вы услышали?

— Очень многое. Достаточно, чтобы понять, что Сильвия без ума влюблена в этого молодого человека. Примерно за несколько минут перед двумя часами ночи я слышала собственными ушами, как она сказала, что не любит Гордона, более того — что она его просто ненавидит и убьет собственными руками, лишь бы не ехать с ним завтра в Америку...

— Этот молодой человек — мистер Рютт?

— Ясно — ведь других молодых людей здесь нет.

— И что он ответил?

— Он испугался, — она пожала плечами. — Это слабый и глупый мальчишка, — добавила она с презрительной точностью, которая бывает иногда самым страшным оружием стареющих несчастливых женщин. — Это Сильвия одержима... Только она.

— А когда вы впервые услышали их, разговаривающих так, что у вас уже не возникло никаких сомнений?

— Перед самым их отъездом на прошлой неделе... Я находилась тогда в саду и срезала цветы для их квартиры в Сити. Вероятно, они не заметили меня, а когда я поднялась наверх, думали, что я все еще нахожусь вне дома... В тот раз они еще говорили о любви... Но Сильвия говорила так, что я сразу поняла — это вовсе не... — она на секунду умолкла и покраснела еще больше, — это вовсе не была платоническая любовь, а... она просто... просто изменяла Гордону!

— И что вы тогда сделали?

— Ничего.

— Почему? Это вас не интересовало?

— А что мне было делать? Я боялась пойти с этим к Гордону, хотя и знала, что следует это сделать. Я уже давно ненавидела эту приبلуду... Всегда чувствовала, что это должно плохо кончиться... Но Гордон не поверил бы мне. А если бы они стали отпираться, тогда... тогда все это обернулось бы против меня... против нас. А Сирил тогда точно очень рассердился бы... Еще как бы рассердился!

— Значит, вы не сказали об этом даже мужу?

— Сказала, — тихо прошептала Джудит. — Но лишь после того, как они уехали... Я сказала ему об этом в среду...

— И как ваш муж на это отреагировал?

— Сначала... — Она снова умолкла, потом с усилием закончила: — Сначала он рассмеялся! Да-да. Я сама бы в это не поверила, но он отреагировал именно так...

Алекс молча покивал головой, но сделал это лишь для того, чтобы скрыть улыбку, которая невольно появилась на кончиках его губ.

— Да-да, он рассмеялся, — продолжала Джудит. — И сказал, что Гордон — гнусный старый кретин и что если бы он был на месте Сильвии, то наставил бы ему такие рога, что все его любимые ночные бабочки садились бы на него, как на развесистый дуб... Это была его первая реакция на эту тему. Однако потом он тут же посерьезнел и категорически запретил мне говорить об этом кому бы то ни было. Он сказал, что Гордон так сильно ее любит, а она имеет на него такое огромное влияние, что это могло бы кончиться для нас фатально, а она бы даже не пострадала, но с той минуты стала бы для нас смертельным врагом. Я признала его правоту, а кроме того, раз Сирил так сказал, то посчитала, что не имею права ему противиться... Но потом начали происходить такие события, что я совершенно растерялась, потому что... — Она осеклась, а потом тихо добавила: — Но это не относится к делу. Это личные проблемы меня и моего мужа...

— Послушайте, — Алекс наклонился к ней и понизил голос, но говорил по-прежнему твердо и четко, — несколько минут назад вы сказали, что еще ни разу не солгали... Прошу вас теперь сказать нам все... всю правду. Прошу помнить, что полиция — друг каждого порядочного человека, и мы постараемся сделать все возможное, чтобы бережно отнестись к вашим чувствам. Ни одно ваше слово, если оно вплотную не связано с доказательством виновности убийцы, никогда и никому не станет известным.

Джудит подняла голову и долго молча смотрела в глаза Алексу.

— Я вам верю, молодой человек, — тихо сказала она. — Вы выглядите порядочным человеком, да и вы тоже, — указала она на Паркера. — Я совсем иначе представляла себе полицейских... Вы без мундиров? — В ее голосе прозвучало почти детское любопытство.

— Расскажите нам все подробно, — мягко произнес Алекс. — Мы вас очень просим...

— Видите ли... Позже я поняла, что мне все равно придется поговорить с Гордоном. Но не по этому вопросу. Я хотела... я хотела просить его, чтобы он уволил нашу горничную, Агнес Уайт...

— Почему?

— Потому что... потому что... видите ли... Сирил, ну то есть, мой муж... Он человек очень впечатлительный... Да-да, очень... — Она снова умолкла, как бы подыскивая слова. — А она... Ну вы же ее наверно видели... Это простая девушка, но у нее... есть некоторые качества... как бы это сказать... ну, она молода и, наверно, хороша по-своему, по-деревенски... и... в общем, я уже не могла больше этого переносить! — Последние слова она произнесла высоким, ломающимся голосом, а потом закрыла ладонями лицо. — Ну вот, теперь вы уже все знаете, — добавила она

тихо. — Это она... Агнес. Мне казалось, что ее поведение по отношению к моему мужу, быть может, слишком свободное... а может, это возможно иначе определить... Но мы тут живем все в такой глухомани, а кроме нее здесь есть еще лишь старая кухарка... Ну вот и я, значит, хотела все рассказать Гордону, но лишь после того, как он пообещал бы, что не выдаст меня Сирилу... Если бы Сирил узнал, что я была по такому делу у Гордона, не знаю, что бы он со мной сделал. Так что с самой субботы я караулила в ожидании минуты, когда Гордон будет один... Но никак не получалось застать его в одиночестве. Плюс к тому эта парочка за стеной... они все время говорили такие вещи, что я еще больше думала о том, какие люди подлые, и о том, что ведь горничная и Сирил... То есть, это не значит, что я во все плохое сразу поверила, но ведь мужчины — они такие наивные... А девушки хитрые... И вот я ночью ждала, когда же они закончат эту ловлю бабочек... И вот тогда я услышала Сильвию, уговаривающую этого парня, чтобы он с ней убежал, я подумала, что такая девушка, как Агнес, которая хоть и простушка, но в ней есть свое примитивное обаяние, в то время когда я ведь уже немолода, может точно так же уговорить Сирила... Я, конечно, не верю, что он на самом деле мог бы так поступить, но человек-то всегда боится, даже когда не верит... И вот когда я убедилась, что Сирил вышел из фотолаборатории и пошел спать... ну, то есть, после того, как заглянула к нему в комнату и убедилась, что он спит, я потихоньку вышла в коридор и пошла по ступенькам вниз...

— Который тогда был час?

— Почти половина пятого... Было уже совсем светло и в саду вставало солнце. Но в доме стояла полная тишина. Люди всегда крепче всего спят под утро. А Сирил лег так поздно, что сразу же уснул... Так вот, я спустилась вниз, потому что знала, что Гордон еще работает один и мне удастся с ним поговорить. Я его знала и была уверена, что он не потерпит в доме горничной, которая нескромно себя ведет. Конечно, я не собиралась говорить ему о Сильвии, потому что тогда бы все пропало. Гордон мог бы впасть в ярость и выгнать всех, а эта девица Уайт могла бы в такой ситуации увести Сирила... Так что я хотела лишь уговорить Гордона, чтобы он уволил ее еще до своего отъезда и чтобы Сирил ничего не узнал о том, что это я Гордону о них сказала... Я вошла в кабинет и увидела его... Он был мертв. То есть, я сначала подошла к нему и лишь тогда поняла, что он мертв, когда положила руку на его лоб и почувствовала, что лоб совсем холодный... И тогда...

— Тогда вы взяли со стола ножницы, вырезали голову Сильвии Бедфорд из фотографии и приколоты ее между бабочками в застекленном коллекционном ящике. Зачем?

— Потому что решила... я не думала, что он убит. Мне пришло в голову, что он умер от сердечного приступа, поскольку следов крови нигде не было... И еще я подумала, что, может, так случилось, потому что Сирил все же сказал ему о Сильвии и Роберте... Или, может, он сам как-нибудь узнал? А потом вдруг вспомнила, что она говорила ночью, и подумала, что, может, они его отравили... Но я ведь не могла признаться, что была внизу, потому что никогда не смогла бы объяснить Сирилу, зачем туда спустилась. Так что я не хотела там оставаться, но одновременно хотела, чтобы полиция знала, что это Сильвия виновата в его смерти. Я увидела эту фотографию, быстро вырезала голову и воткнула на место какой-то жуткой бабочки. А потом убежала...

— И вы не подняли в доме тревоги?

— Зачем? Ведь Гордон все равно мертв. А Сирил никогда бы не простил мне, если бы знал, зачем я пошла... И кроме того, я испугалась. Была там

совершенно одна. Я побежала к себе, спряталась под одеяло и стала ждать. Я знала, что в семь утра они должны туда спуститься. Но, наверно, Роберт сошел даже раньше, потому что уже в шесть он поднял на ноги весь дом.

— А вы не подумали о том, что полиция спросит вас, что делали в комнате сэра Гордона и зачем вырезали эту фотографию?

— Нет. А откуда вы могли бы об этом узнать? Ведь если бы я сама вам не сказала, вы бы и не знали...

Джо бросил короткий взгляд на Паркера, который сидел, опершись на локоть, и с немым изумлением смотрел на эту пожилую женщину.

— Вы никогда не читали детективных романов? — спросил Джо.

— Нет. Я считаю, что такие вещи годятся только для слуг, сэр. Я читаю исключительно поэзию.

Паркер громко кашлянул, а Джо почувствовал, что краснеет.

— И вы никогда не слышали об отпечатках пальцев? — спросил он с легким недоверием.

— Простите, что? — сказала миссис Джудит Бедфорд. — Я не понимаю, что вы имеете в виду.

— А вы подходили к окну в кабинете?

— Когда?

— Тогда, когда увидели мистера Гордона мертвым.

— Нет, сэр. А зачем мне туда подходить? Он ведь был мертв, и свежий воздух ему уже не нужен. Вышло так, что я сразу подумала об этой фотографии, а потом хотелось только убежать и спрятаться в своей постели...

— А у вас есть запасные ключи от всех помещений в доме? Кто-то мне говорил, что сэр Гордон закрывает кабинет, когда уезжает, но что у вас есть запасные ключи. Это правда?

— Да, у меня есть такая большая связка ключей, но я уже много лет ее не трогаю, потому что никто у нас ключей не теряет. Эта связка заперта в каком-то ящике моего стола, а может, даже висит на гвозде в моей комнате...

— Ну что ж, — Джо задумался. — К сожалению, нам теперь придется пригласить миссис Сильвию Бедфорд, мистера Рютта и вашего мужа, которые должны на очной ставке подтвердить ваши слова. — Джо вынул пачку сигарет, взял одну из них и спички, а потом, будто что-то припомнил, поднялся с кресла и протянул Джудит Бедфорд пачку. — Простите, может, вы курите?

— Никогда в жизни даже не пробовала, — улыбнулась Джудит. — Быть может, сегодня и был бы подходящий день, чтобы начать, но опасаясь, что я уже слишком стара, чтобы приобретать новые пороки...

Джо кивнул.

— Зато молодые девушки теперь все курят. Ваша невестка, наверно, тоже курит...

— Нет, — покачала головой Джудит. — Это единственное, что я могу записать ей в плюс. Она не курила и не курит. Гордон этого очень не любил, но и она сама, кажется, никогда не интересовалась этим. Та малышка на кухне тоже не курит, так что, как видите, не все женщины курят... Но вы ведь не всерьез говорили, что хотите устроить им всем очную ставку со мной... Ведь я... Они не могут знать, что я подслушивала их разговоры... Сирил тоже не может знать, что я сказала вам о его запрете говорить Гордону о Сильвии и Роберте...

— Теперь, когда сэр Гордон мертв, все станет явным, если они действительно любят друг друга, — сказал Алекс. — Но даю вам слово: я постараюсь, чтобы вы не пострадали из-за своих поступков и своей правдивости. Ваших личных дел мы не будем касаться.

Глава одиннадцатая

Бабочка «Мертвая голова»

— И что ты собираешься теперь делать? — спросил Паркер после того, как за Джудит Бедфорд закрылась дверь. — Я еще никогда в жизни не видел такого расследования. Все время ясно, что каждый из них что-то скрывает. Стоило только нажать вот, например, на Рютта, и он рассказал бы много интересного, а быть может, и вообще сломался бы, потому что не похож на крутого парня. А тем временем ты... — Паркер понизил голос и с сомнением покачал головой, а потом с внезапной надеждой закончил: — Или, может, ты рассчитываешь, что допрос миссис Сильвии Бедфорд будет решающим и это именно для нее ты заготовил все свои сюрпризы, от которых оберегал остальных?

— Миссис Сильвия Бедфорд? — поднял брови Джо. — А зачем нам допрашивать миссис Сильвию Бедфорд?

— То есть, как это зачем? — Заместитель начальника криминального отдела хотел, вероятно, произнести слишком много слов сразу и потому застыл с открытым ртом. Потом взял себя в руки. — Ты хочешь сказать, что не намерен допросить всех, кто в момент убийства находился в доме?

Джо вздохнул.

— В твоих устах это звучит так драматично, что я на минуту задумался, уж не совершил ли сам какого-то преступления, не желая допрашивать миссис Сильвию Бедфорд. Мне казалось, что мы находимся здесь не затем, чтобы допрашивать всю округу, а лишь затем, чтобы установить, что тут произошло, иными словами — кто убил Гордона Бедфорда. Но, быть может, я ошибаюсь? — Джо улыбнулся тонкой улыбкой. — Вот что меня всегда умиляет в действиях представителей закона, так это неизбежная необходимость совершать необязательные действия. Если бы я вздумал пользоваться такими методами в моих скромных детективных книжонках, они были бы толщиной по пятьсот страниц каждая, и люди засыпали бы на середине или заглядывали на последнюю страницу, чтобы выяснить, наконец, кто же совершил эти скучнейшие из преступлений. Но вы не подчиняетесь никаким правилам, кроме одного: чем толще папка с делом, тем лучше работала следственная группа. Вот ты можешь мне сказать, с какой целью мы должны беседовать с миссис Сильвией Бедфорд и задавать ей сотни вызывающих чувство неловкости вопросов, которые будут касаться ее сугубо личных дел, в которых ни ты, ни я не принимаем никакого личного участия?

— Ты что, совсем свихнулся, Джо? — В голосе Паркера звучала тревога. — Уж не хочешь ли сказать, что на основании того, что мы до сих пор увидели и услышали, ты уже знаешь, кто убил Гордона Бедфорда, и сумеешь доказать это вне всяких сомнений?

— Да, конечно! — Алекс развел руками. — Я думал, что и для тебя все уже ясно.

— Ах, ты так думал, да? — Паркер мотнул головой. — Так вот, если ты так думал, то ошибаешься, и притом глубоко ошибаешься. Но если это для тебя так просто, то будь любезен объясни мне, кто же убил Гордона Бедфорда и на чем основана твоя уверенность, что убил его именно этот человек, а не какой-либо другой! По моему убеждению, определенные вещи действительно прояснились, но они больше затемняют общий вид, чем освещают его. Кроме того, я должен, наверно, тебе напомнить, что нашей обязанностью является вовсе не поиск какой-либо эффектной гипотезы, наша задача — установить факты, причем таким образом, чтобы с

абсолютной уверенностью доказать виновность одного из подозреваемых. А для этого необходимо с такой же абсолютной уверенностью исключить остальных. Иначе любой, даже начинающий адвокат сделает мармелад из обвинительного акта и выставит меня на смех.

— Неужели ты, мой глубокоуважаемый друг, можешь предположить, что я пережил бы минуту, когда по моей вине ты стал бы мишенью для издевок газет всей Британии? — Джо снова улыбнулся, как если бы даже сама мысль о кричащих заголовках бульварных газет, именующих Бенжамина Паркера бездарным, показалась ему забавной. — Нет, мне всего лишь кажется, что я закончил расследование и знаю, кто убил Бедфорда. Я бы даже взялся в границах моих скромных возможностей исключить всех остальных подозреваемых, кроме одного убийцы. Именно поэтому сказал, что мы можем приступить к подведению итогов. Кроме того, ты разбудил меня слишком рано, и я был бы счастлив, если бы смог вернуться в свою постель. Представь себе, что могу спать в любое — ну буквально в любое время суток, если мне не хватает одного или двух часов сна. К сожалению, Скотленд-Ярд решил сегодня, что мой сон...

— О, прервати это шутовство, умоляю тебя! В конце концов, речь идет об убийстве и убийце. Я... я никак не могу прервать расследование, если... если не буду уверен, что оно действительно окончено, — добавил он беспомощно, отдавая себе отчет в том, что как офицер, руководящий этим расследованием, он не имеет права так говорить. Но он хорошо знал Джо Алекса и знал, что за такой его улыбкой кроется полная уверенность. В течение их долгого сотрудничества Бенжамин Паркер лишь один раз пережил момент сомнения в друге. Это было в старинном доме, стоящем над обрывом, когда все указывало на самоубийство, а Джо упорно просил не прерывать совершенно бессмысленного, по мнению Паркера, расследования. Погибший был известным ученым-демологом, и очень много в том деле было разговоров о дьяволе. Но в конце концов оказалось, что убийство, которого никто не мог совершить, было все же совершено. И заместитель начальника криминального отдела поверил тогда, что если в этом деле и присутствовал какой-то дьявол, то находился он в мозгу его друга, служа ему, как Фаусту, советом и помощью. Но после тех событий прошло много времени. Теперь ситуация была прямо противоположной: он, Паркер, считал, что следствие только начинается, а уверенный в себе Джо спокойно улыбался.

— Ладно, так что мы должны теперь делать, по-твоему? — спросил он почти с отчаянием.

— Я думаю, что, действительно, следует собрать всех и закончить все это дело.

— Но ты абсолютно уверен, что знаешь, кто убил, и сможешь это доказать?

— Да.

Паркер заколебался.

— Хорошо... — сказал он наконец. — Говори, Джо. Если я скажу, что просто умираю от любопытства, то это будет очень близко к действительности.

И Джо сказал ему.

Спустя двадцать минут все собрались здесь: трое женщин и двое мужчин. У них были усталые глаза, и все они, каждый по-своему, в большей или меньшей степени нервничали.

Алекс, который стоял в дверях, ожидая, пока все войдут и усядутся, направился к столу, но по дороге свернул к двери кабинета и широко ее распахнул. Опершись на дверной проем, он посмотрел на Паркера, который

сидел в торце стола, положив перед собой целую пачку бумаг, и на всех жителей дома, которые уселись за столом справа от него, и сказал:

— Поскольку мы достаточно точно знаем все то, что одни из вас могли бы сказать нам о других, я хотел бы оставить в стороне все эти сведения, тем более что, как мы смогли выяснить в процессе расследования, они носят скорее интимный характер, и никому не было бы приятно публично обсуждать их здесь. — Он умолк, увидев легкий румянец на лице Агнес Уайт и ее почти незаметный благодарный кивок головой.

Паркер, заметивший это, готов был поклясться, что Джо хотел улыбнуться ей и с трудом сдержал свою улыбку. Но уже спустя несколько секунд он забыл об этом, поскольку интонация, с которой Алекс продолжил говорить, переменялась со свободной на строго деловую:

— Я хотел бы рассказать вам о том, что мы обнаружили в ходе расследования и какие неизбежные выводы пришлось сделать в результате относительно простых логических рассуждений. Дело в том, что полиция не могла без проведения расследования принять лежащую на поверхности версию о самоубийстве. Хотя не все вы об этом знаете, но на столе покойного было найдено не одно прощальное письмо, а два... — произнес Алекс, понизив голос, и внимательно обвел взглядом всех сидящих за столом, но никто даже не шевельнулся. Алекс покивал головой, как бы соглашаясь со своими мыслями, потом вдруг быстро сказал: — Да, два письма. Причем каждое из них указывало на совсем другую причину самоубийства. Письмо, которое мы условно назвали ПИСЬМОМ № 1, это то письмо, которое лежало сверху на столе и на котором находились четкие отпечатки пальцев сэра Гордона; оно содержало утверждение, что хозяин этого дома намерен расстаться с жизнью, поскольку он, сойдя с праведного пути, пустился во все тяжкие и начал, как мы поняли, брать взятки в особо крупных размерах. В этом письме сэр Гордон прощается с любимой женой и посвящает ей самые теплые слова. Однако в ходе следствия выяснилось, что это письмо не могло быть написано после приезда сэра Гордона в нынешний уикенд, поскольку оно отпечатано с применением старой пишущей ленты, а присутствующий здесь мистер Рютт в своих показаниях заявил, что заменил в пишущей машинке старую ленту на новую еще до приезда мистера и миссис Гордон в субботу утром. И это пока все о первом письме. Под лежащей на столе переплетенной рукописью присутствующий здесь мистер Паркер в процессе осмотра места происшествия обнаружил еще одно письмо, которое мы назвали условно ПИСЬМОМ № 2. Оно было сложено пополам, и на нем не было никаких отпечатков пальцев. Однако оно было отпечатано с применением новой печатной ленты. И, как мы выяснили, это был единственный текст, оставивший отпечаток на этой ленте, причем этот текст даже можно было прочесть, перевернув ленту на левую сторону. В этом письме сэр Гордон говорил о боли, которой наполняет его мысль о том, что любимая им женщина любит кого-то другого. И вот он сам, не желая быть препятствием в любви двух людей, которых он ценит и уважает, принимает решение уйти...

— Что? — прошептала Сильвия. — Он? Уйти? Да вы лжете! — воскликнула она.

— До этого момента очень немногие люди могли подозревать меня в неточности, а уж что говорить о лжи, — улыбнулся Джо. — Но я надеюсь, что этим восклицанием вы хотели продемонстрировать не столько неверие в мои слова, сколько тот факт, что ваш покойный муж хотел уйти с пути двух влюбленных, не так ли?

— Извините, — Сильвия взяла себя в руки. Она спокойно кивнула своей красивой темной головой. — Вы совершенно правы. Я ни на секунду

не поверю в то, что Гордон, мой покойный муж, был способен на такого рода поступок. Это было совершенно не в его характере. Кроме того, он был человеком глубоко религиозным и считал самоубийство грехом, быть может, даже более тяжким, чем убийство.

— Я удивляюсь, — заговорила быстро и тихо Джудит Бедфорд. — Я удивляюсь тому, что даже сейчас ты пытаешься оскорблять его память! Казалось бы, ты достаточно оскорбила и унизила фамилию Бедфорд при его жизни!

— Думаю, я была бы не первой носящей фамилию Бедфорд, кто сам эту фамилию унизил и оскорбил! — быстро парировала Сильвия и выпрямилась на стуле, бросив выразительный взгляд на Сирила, который любезно улыбался, будто эти слова совершенно к нему не относились.

— Минуточку, минуточку! — Джо сделал рукой успокаивающий жест. — И все же, — продолжил он, глядя на Сильвию, — насколько нам трудно было понять, кто написал то письмо, на котором полно отпечатков пальцев сэра Гордона, настолько же ясно было, что как раз это второе письмо, содержание которого представляется вам столь невероятным и на котором нет его отпечатков пальцев, написал именно сэр Гордон, причем всего за час до своей смерти. Мисс Агнес Уайт, комната которой находится как раз под кабинетом, слышала шаги и голоса мужчин, вернувшихся из сада, слышала она также потом и шаги сэра Гордона в комнате над собой и затем стук пишущей машинки. А поскольку другой пишущей машинки в доме нет, а сэр Гордон умер лишь через час или два после этого, и что самое важное — текст этого письма весь, до единого слова, является текстом, отпечатавшимся на ленте в машинке, стоящей в кабинете, — мы должны принять, что или сэр Гордон написал это письмо, или мисс Агнес Уайт лжет...

— Как это, «лжет», сэр? — Агнес широко открыла свои светлые глаза. — Почему бы это я врала? Я все слышала точно так, как рассказала вам.

— Наверно, мисс. Но нашей обязанностью было проверить все возможные варианты. Вы ведь показали, что открывали окно перед полуночью, а мы не нашли на нем отпечатков ваших пальцев. В принципе вы могли также подать сэру Гордону отравленный кофе из экспресса и затем стереть отпечатки. Но в этом случае вы должны были соврать, что слышали сэра Гордона, печатавшего на машинке, и убив его, сами должны были написать это письмо, а затем сунуть его под рукопись, а выходя, стереть свои отпечатки пальцев с ручки двери...

— Но зачем, сэр?

— Ну-у... — Алекс сделал неопределенный жест рукой. — Если упереться, можно бы и мотив найти. Быть может, это был бы мотив, слегка натянутый, но чего только не придумают девушки, лежа в одиночестве без сна и размышляя о жизни... Вы бы могли, например, подумать, что такое письмо, которое содержало бы намек на измену жены и повлекло бы самоубийство мужа, могло бы привести к лишению этой жены права наследовать все богатство Бедфордов, и тогда все мог бы унаследовать кто-нибудь, кто... Ну, словом, какой-никакой мотив можно найти...

Агнес внезапно густо покраснела.

— Если вы думаете, что я... что я...

— Нет, не думаю! — быстро сказал Джо. — Я так не думаю, прежде всего потому, что не представляю себе, как вы, мисс, могли бы написать именно такое письмо. Оно, конечно, не принадлежит к шедеврам британского эпистолярного жанра, но что ни говори, безошибочно напечатать на машинке, причем имея за спиной стынущий труп (иначе ведь сэр Гордон не позволил бы вам ни с того ни сего ночью в его кабинете писать на

машинке)... Нет, для этого нужен кто-то, кто куда лучше владеет техникой машинописи и литературным стилем...

— Но я никогда в жизни не печатала на машинке! — в отчаянии воскликнула Агнес. — Вы так обо мне говорите, будто дело в том, что я не могла бы напечатать на машинке какое-то письмо каким-то определенным образом. А я вообще не могла бы ничего напечатать! Я понятия не имею, как это делается!

— Вот и мы так подумали. Это письмо написано без единой опечатки, быстро и ловко, несомненно кем-то, для кого пишущая машинка является предметом ежедневного употребления. Конечно, мы не проследили детально, не проходили ли вы когда-нибудь в вашей жизни, мисс, какого-либо курса машинописи, но даже простой анализ текста и ситуации, в которой вы вынуждены были бы такое письмо написать, — совершенно вас исключает. А если это исключено, то одновременно мы получаем полное право считать ваши показания правдивыми.

— Уж не хотите ли вы сказать, — спокойно спросила Сильвия, — что мой покойный муж совершил самоубийство, чтобы не помешать тому, что вы назвали «любовью двух людей»?

— Нет. Я этого не говорил. Я лишь хочу сказать, что мы можем признать авторство сэра Гордона по отношению к ПИСЬМУ № 2...

И Джо прочел собравшимся письмо. Потом вернул его Паркеру и продолжал:

— Итак, если бы не было этого второго письма, дело, на первый взгляд, казалось бы простым. Обычное самоубийство. Нам, правда, пришлось бы еще поискать объяснения, почему сэр Гордон не подписал письмо или не написал его авторучкой, хотя в минуту смерти она лежала перед ним с открытым колпачком. Нам пришлось бы также объяснить, зачем он повывтирал свои отпечатки пальцев с ручки двери, с окна и с кофеварки: потому что, если он сам себе приготовил отравленный кофе, то ведь должны же остаться на чашке его отпечатки? Ну, и чашечка весов, и столик с отравой... на них тоже нет никаких следов... На первый взгляд, все это выглядело абсолютно неразрешимым. А если еще добавить сюда человеческую голову, воткнутую между двумя бабочками «Мертвая голова»... Я имею в виду голову, вырезанную из фотографии, стоящей в рамке на столе...

Кто-то громко вздохнул. Джо посмотрел на сидящих перед ним людей, но все они внимательно слушали его с широко открытыми глазами.

— Но дело с этой фотографией оказалось в конце концов настолько несущественным, что я даже не буду его сейчас затрагивать. Зато хотел бы проанализировать вопрос писем, потому что с самого начала мы сосредоточили на этом наше внимание. Подходя к делу математически, можно утверждать, что существуют лишь следующие возможности:

Предположение «А»:

1. Сэр Гордон написал оба письма и совершил самоубийство.
2. Сэр Гордон написал письмо № 1, совершил самоубийство, а письмо № 2 ему подбросили.
3. Сэр Гордон написал письмо № 2, совершил самоубийство, а письмо № 1 было ему потом подброшено.
4. (Я, разумеется, имею в виду, что или убийца, или кто-то другой по неизвестным пока причинам, увидев покойного, подбросил самоубийственное письмо.)

5. Сэр Гордон совершил самоубийство, но не писал ни одного письма, а письма были подброшены после его смерти.

Предположение «Б»:

1. Сэр Гордон был убит, а потом на его стол были подброшены оба письма.

2. Сэр Гордон был убит, но перед этим сам написал оба письма.

3. Сэр Гордон был убит. Перед этим он сам написал письмо № 1, а письмо № 2 было подброшено убийцей.

4. Сэр Гордон был убит, но перед этим написал письмо № 2, а письмо № 1 подбросил убийца.

Простите меня за эту, быть может, нудную и долгую проповедь, но мне кажется, она исчерпывает все возможные комбинации того, что могло произойти. А это в нашем положении уже было очень полезным. Теперь простым методом исключения надо было искать вариант, в котором все бы совпадало...

У нас есть восемь решений. Четыре — при варианте самоубийства, четыре — убийства. Поговорим сначала о предположении самоубийства.

Посмотрим на факты.

Вечером сэр Гордон увлеченно ловит бабочек. На шесть утра он назначает встречу с братом и секретарем, чтобы обсудить вопросы, связанные с изданием его новой книги. Написав самоубийственное письмо, он, как показал мистер Сирил Бедфорд, поднимается наверх в фотолабораторию и обсуждает с братом снимки, которые станут иллюстрациями к его книге. Мало того — мы обнаружили его сидящим за столом, а перед ним лежала открытая машинопись доклада, который он должен был сделать в Америке. На машинописи лежала открытая авторучка — покойный начал писать ею предложение, которое собирался вставить в текст. Предложение это обрывается посередине и никогда не было закончено. Кроме того, сэр Гордон скончался в момент, когда пил кофе, причем чашка стояла на блюдечке, которое он держал в руке. Он выпил содержимое чашки одним глотком и умер мгновенно. Чашка упала на пол, выроненная из опускающейся правой руки, а блюдечко, которое он держал левой, упало на его колени, откуда соскользнуло на ковер. Мне сразу показалось, что самоубийца, который насыпал себе цианистый калий в кофе, не будет пить яд, держа в другой руке блюдечко. Так скорее поступает человек, который сидит за столом, а кто-то ему подает чашку кофе на блюдечке. Тогда он берет кофе вместе с блюдечком, выпивает и... Но это было лишь мое предположение. Гораздо важнее тот факт, что, хотя сэр Гордон оставил свои отпечатки на ручке двери, входя в комнату после возвращения из сада, а потом должен был оставить их еще дважды, когда ходил наверх в фотолабораторию, а затем вернулся обратно, то этих отпечатков мы вообще не обнаружили. Не было их также на кофеварке, в которой он должен был приготовить себе кофе. Не было их ни на шкафчике с ядом, ни на банке, хотя банку он только что принес из сада и поставил в шкафчик. Не было, наконец, никаких отпечатков на ручке окна, которое Агнес открывала перед полуночью. Все, кто был позже в комнате, отрицают, что прикасались к окну... Если мы добавим к этому, что сэр Гордон был человеком несгибаемых принципов, что он по своему глубоко религиозен и что, скорее всего, он считал самоубийство высшим проявлением трусости и страха перед жизнью, трудно сопротивляться этой массе доводов и настаивать на том, что сэр Гордон покончил с собой, хотя он отнюдь не принадлежал к тем людям, которые могли бы это сделать, — перед самой смертью он был полон планов и намерений, смерть застигла его в процессе работы, а кроме того, представляется совершенно непонятным, зачем он стер все свои отпечатки пальцев с разных предметов и ручек, если хотел, как утверждает его лирическое письмо, уйти, чтобы не преграждать другим путь к счастью? И в довершение ко всему — что тогда делало на столе это второе, тоже не подписанное письмо?

Нет, самоубийство ничего не объясняет. Оно не объясняет также странных заметок в блокноте IN MEMORIAM, где под вчерашней датой

он пишет: «Конечно, банка, попросить его, чтобы всыпал обратно. То же и с кофе. Потом быть с ней мягким». — А под сегодняшней датой: «Сжечь! Помнить о разложенной работе... Велеть ему написать несколько слов. Сжечь!!!» — Эти тексты весьма и весьма интересны, поскольку они относятся к банке, кофе и разложенной на столе работе, то есть именно того, с чем мы столкнулись в этом кабинете после смерти сэра Гордона. Учитывая тот факт, что под позавчерашней датой нет ничего интересного, а есть лишь заметка об уикенде и проверке билетов на самолет, мы можем предположить, что между приездом на уикенд и вчерашним днем произошло нечто, что заставило сэра Гордона сделать именно эти заметки.

Джо обвел глазами сидящих перед ним людей и отчетливо произнес:

— Таким образом, в свете этих доводов самоубийство полностью исключено. Гордон Бедфорд не был клоуном, он не расставался бы с этим миром, написав бессмысленные письма и стерев с них свои отпечатки пальцев, он не совершал бы самоубийства в середине незаконченного предложения редактируемой им машинописи и не договаривался бы с людьми наутро, не ловил бы бабочек ночью и не ходил бы к брату в фотолабораторию, чтобы посмотреть снимки. Расставаясь с жизнью, человек не ведет себя, как паяц, раз у него нет для этого никаких оснований. Кроме того, хоть мы и нашли в его кармане капсулу с цианистым калием, но не нашли никакой пустой капсулы на столе. А поскольку на шкафчике и на банке тоже нет его отпечатков пальцев, значит, — Джо развел руками, — не знаю, откуда же он насыпал себе цианистый калий. Не носил же он его россыпью в кармане. Впрочем, в комнате нигде не найдено никаких следов цианистого калия. Нет! Никто ни на секунду не может даже предположить, что человек, у которого не было никакой психической предрасположенности к совершению самоубийства, человек, действия которого (если бы он совершил самоубийство) кажутся совершенно бессмысленными и таковыми являются в действительности, — что такой человек покончил с собой. Гордон Бедфорд был убит, и мы все знаем об этом так же хорошо, как и его убийца.

Джо умолк.

— Ну, хорошо, — сказал Сирил Бедфорд. — И что с того? Даже если он и был убит, ничего из того, о чем вы говорили, не бросает никакого света на это дело.

— Я сказал вначале, что существовало восемь возможностей в рамках двух предположений. В настоящую минуту мы можем вычеркнуть одно предположение и вместе с ним четыре возможности. Остается второе предположение и следующие возможности:

1. Сэр Гордон был убит, а потом на его стол были подброшены оба письма.

2. Сэр Гордон был убит, но перед этим сам написал оба письма.

3. Сэр Гордон был убит. Перед этим он сам написал письмо № 1, а письмо № 2 было подброшено убийцей или кем-то другим.

4. Сэр Гордон был убит, но перед этим написал письмо № 2, а письмо № 1 подбросил убийца.

Рассмотрим все эти возможности по очереди:

1. Сэр Гордон был убит, а после его смерти были подброшены оба письма.

Согласно показаниям мисс Агнес, которая слышала сэра Гордона печатающим на машинке письмо № 2, эту возможность мы должны исключить. Мисс Агнес показала также, что слышала голоса мужчин, закрывающих входную дверь в сад и вполголоса разговаривающих в холле. Потом мистер Сирил Бедфорд и мистер Роберт Рютт поднялись наверх,

а сэр Гордон несколько минут ходил по комнате, а затем начал печатать на машинке, да?

— Да, — кивнула головой Агнес. — Все было точно так, как вы сейчас сказали.

— А потом мисс Агнес уснула. Поскольку текст письма № 2 является единственным текстом, написанным после смены ленты на этой машинке, а другой машинки в доме нет, мы должны принять за данность, что сэр Гордон напечатал тогда именно это письмо. И хотя мисс Уайт не видела его печатающим, мы знаем, что это именно он остался в кабинете и лишь гораздо позже поднялся наверх в фотолабораторию, где разговаривал с мистером Сирилом. Это был единственный момент, когда кто-нибудь другой мог бы рискнуть пробраться в кабинет и написать это письмо. Но мисс Уайт уже не услышала бы печатания на машинке. Таким образом, мы должны принять, что сэр Гордон написал это письмо, и в связи с этим у нас отпадают сразу две возможности:

1. Что он был убит, а после его смерти были подброшены оба письма, — поскольку одно письмо он написал сам.

и

3. Что он написал письмо № 1, а письмо № 2 было подброшено убийцей — по той же самой причине, поскольку сэр Гордон написал письмо № 2.

Итак, у нас остаются лишь две возможности, одна из которых должна быть правдивой, поскольку мы исчерпали все возможные комбинации. Это возможности:

2. Что он был убит, но перед этим написал оба письма

и

4. Что он был убит, но перед этим написал письмо № 2, а письмо № 1 было подброшено после убийства.

Рассмотрим одну из этих возможностей: сэр Гордон написал оба прощальных письма, а затем был кем-то убит.

— Сирил, — громко шепнула Джудит Бедфорд, — ты понимаешь хоть одно слово из всего того, что говорит этот человек?

— Да... — кивнул Сирил Бедфорд, — хотя мне никогда не пришло бы в голову подходить столь механическим способом к такому сложному делу, но пока ваш ход мыслей ни в чем нельзя упрекнуть.

— Спасибо, — Джо улыбнулся. — Я знаю, что, вероятно, вынуждаю вас скучать, но давайте будем все помнить, что речь идет не о математической забаве, а об исключении всевозможных абсурдных и реально невозможных вариантов. И лишь тогда, когда мы будем точно знать, как обстоит дело с этими письмами, мы сможем покуситься на восстановление реального хода событий. А без этого у нас будет лишь хаос и горы бессмыслицы. На самом деле мой метод очень прост. Но вернемся к нашим овечкам. Итак, у нас остались лишь две возможности, и давайте займемся первой, которая утверждает, что сэр Гордон написал два прощальных письма, а потом кто-то его убил. Но тогда получается, что сэр Гордон должен был написать первое письмо, в котором очерняет свою жизнь и называет себя циничным взяточником, еще на прошлой неделе, поскольку его здесь не было с прошлого понедельника, а мистер Рютт заменил ленту только вчера, перед приездом сюда сэра Гордона. Как мы знаем, это письмо напечатано на старой ленте и на стоящей здесь машинке. Значит, это позорное письмо сэр Гордон должен был носить всю неделю при себе или хранить в каком-то укрытии лишь затем, чтобы потом написать совершенно другое письмо, выявляющее совсем иную причину самоубийства: любовь миссис Сильвии к кому-то, кого мистер Гордон любит и уважает. И вот этот человек, кото-

рому чужда мысль о самоубийстве, который планировал сегодня выехать в Соединенные Штаты, который ночью увлеченно ловил своих любимых бабочек, оказывается, уже целую неделю собирается отнять у себя жизнь, будучи не в силах перенести свою подлость. Но в последнюю минуту сэр Гордон меняет свой мотив и теперь хочет уйти из жизни уже из-за любви. В результате убийца опережает его и убивает, не дав ему реализовать свое намерение! В довершение всего, на этом письме имеются отпечатки пальцев сэра Гордона, которые полицейские эксперты определяют как отпечатки, сделанные, с большой вероятностью, уже после его смерти, поскольку пальцы отпечатались вяло и видно, что машинописный шрифт размазан, потому что кто-то вытер бумагу, стирая с нее другие отпечатки пальцев. Так что же получается? Неужели сэр Гордон осторожно стер с этого листа свои отпечатки пальцев, не портя его, а убийца снова эти его отпечатки поставил? И почему это письмо, написанное неделю назад, лежало сверху, а другое — написанное час назад, — скрыто под рукописью? Представляется совершенно очевидным, что письмо № 1, говорящее о взятках, было после убийства положено перед сэром Гордоном кем-то, кто не знал о существовании письма № 2. Вероятнее всего, сэр Гордон напечатал это письмо, вынул его из машинки и положил на стол, а услышав чьи-то шаги, вытер его, сложил и сунул под рукопись, которую редактировал. Убийца после недолгой беседы с сэром Гордоном подал ему кофе, который, возможно, как раз приготовился в кофеварке. Сэр Гордон умер, убийца подбросил на стол письмо, на котором оттиснул отпечатки пальцев уже мертвой руки сэра Гордона. Потом убийца убежал, не зная, что на столе находится еще одно письмо, благодаря которому версия о самоубийстве рухнет и начнется расследование странных событий, которые разыгрались этой ночью... Убийца ведь не знал еще и того, что мы найдем в корзине для мусора большую, давно мертвую ночную бабочку, а на ее месте в одном из экспозиционных ящиков обнаружим голову миссис Сильвии Бедфорд, вырезанную из фотографии, стоящей на столе сэра Гордона. Убийца не знал также, что мисс Агнес Уайт была в кабинете перед полночью и проветрила комнату, открывая настежь окно, а потом, закрывая его, оставила на его ручке отпечатки своих пальцев... отпечатки, которых мы не нашли... Однако вернемся к нашим предположениям и возможностям. Поскольку версия о том, что сэр Гордон написал в течение недели два совершенно различных прощальных письма, но не совершил самоубийства, а вместо этого был убит, является абсолютно абсурдной, учитывая содержание писем и личность пишущего, равно как и обстоятельства, касающиеся письма № 1, а также отпечатков пальцев, нам остается обсудить последнюю оставшуюся возможность: сэр Гордон написал письмо № 2 (ну, то самое — о самоубийстве из-за любви), затем был убит и на его стол было подброшено письмо № 1, говорящее о самоубийстве из-за угрызений совести. Нам известно, что сэр Гордон действительно написал письмо № 2. Остается еще факт подбрасывания ему письма № 1.

Во всем этом ужасном деле меня все время смущал такой факт: один человек пишет прощальное письмо, а другой человек, который об этом не знает, приходит и убивает его, подбрасывая второе письмо и не замечая первого. Эта ситуация, честно говоря, настолько же неправдоподобна, как и семь остальных, которые мы отбросили... но ведь других возможностей нет, а сэр Гордон и в самом деле умер, и смерть его должна находиться в рамках одной из этих комбинаций. Прошу вас, постарайтесь меня понять: если один человек хочет покончить с жизнью, а другой об этом не знает, то факт упреждения самоубийства посредством убийства, согласно теории вероятности, является практически невозможным. Такое стечение обстоя-

тельств просто не может произойти в жизни, разве что лишь в самом дешевом криминальном романе. Однако существует другая возможность: убийца знает о желании другого лица совершить самоубийство. Это, конечно, возможно, потому что один человек может признаться другому в своих суицидальных намерениях. Но тогда лишь безумец убивал бы. Зачем убивать, рискуя попасть на виселицу, если человек, которого мы хотим убить, сам это сделает вместо нас. Достаточно подождать и, быть может, как-нибудь воздействовать на его психику, а он сам сделает то, чего мы хотим, не подвергая нас риску ужасной кары и страха перед разоблачением. Значит, это тоже было бы совершенно абсурдным.

Алекс замолчал.

— Уж не хотите ли вы этим сказать, что держите нас здесь уже почти час лишь для того, чтобы объяснить нам, что мой брат не был убит и не совершил самоубийства, несмотря на тысячи прощальных писем и отсутствие отпечатков пальцев везде, там, где, по вашему мнению, их должны быть целые стада? — Сирил Бедфорд улыбнулся, вынул потухшую трубку изо рта и раскурил ее. — Разве это не так выглядит?

Джо развел руками:

— В таком случае, я прошу прощения. Но не вижу другого способа, кроме как пробраться сквозь это шаг за шагом в том самом порядке, в каком протекали мои рассуждения. Готов признать, что это были не очень приятные минуты. Я сделал тщательный логический расчет и пришел к выводу, что сэр Гордон не может быть помещен ни в одну из вышеупомянутых восьми комбинаций. Но ведь других нет! И тогда я внезапно понял, в чем заключалась ошибка моих рассуждений... Во время анализа первых семи возможностей я был во всем прав. Но вот восьмая...

Он снова умолк и после драматической паузы начал говорить быстро, почти весело, так, будто решение проблемы значило для него в эту минуту больше, чем присутствие этих пятерых, столь заинтересованных людей.

— Тогда я исходил из возможности, что сэр Гордон хотел совершить самоубийство, а убийца об этом не знал и убил его, и это представлялось мне невозможным стечением обстоятельств. Вариант, при котором сэр Гордон хотел совершить самоубийство и убийца, зная об этом, опередил его, тоже казался абсурдным, поскольку это было бы доказательством полного идиотизма убийцы, а среди подозреваемых я не заметил патологических личностей. Но я совсем забыл еще об одном варианте: о том, что сэр Гордон мог написать письмо № 2, вовсе не собираясь покончить жизнь самоубийством!

— То есть как? — Роберт Рютт протер уставшие глаза. — Он не собирался, но письмо написал, а потом кто-то его убил и подбросил другое прощальное письмо? Что вы такое говорите? Ведь это вообще бессмыслица! Еще большая, чем все остальное.

— Гм-м... — Джо взглянул на него почти враждебно. — Вы так полагаете? Позвольте мне, в таком случае, еще в течение нескольких минут продолжить мои бессмысленные рассуждения. Я знавал и более продолжительные расследования и не думаю, что полиция слишком сильно замучила вас сегодня своими допросами. Вообще-то, мы здесь находимся всего-то неполных три часа и даже не всех домочадцев допросили. Поэтому позволю себе, — Джо обратился к остальным, — досказать все до конца.

— До конца? — спросила Сильвия, прищурился глаза. — Вы в этом уверены?

— Абсолютно, мадам. До конца — это значит до полного выяснения тут, перед вами, кто и при каких обстоятельствах убил сэра Гордона Бедфорда.

Наступила полная тишина.

— О Господи, — прошептала Агнес Уайт, и после ее слов снова воцарилось молчание.

— Итак, — Джо сел и закурил сигарету. — Когда я пришел к этому абсурдному и бессмысленному, как сказал мистер Рютт, выводу, я задал себе вопрос: а что мы, собственно, знаем? Мы знаем лишь то, что сэр Гордон написал сегодня ночью письмо, в котором говорит, что он уходит с пути двух любящих друг друга людей. Но ведь это письмо не подписано и на нем нет никаких отпечатков пальцев. Это означает, что, положенное перед любым самоубийцей, письмо выполнило бы ту же роль, если самоубийца будет подходить под психологический портрет, содержащийся в письме...

— То есть, как это? — не поняла Сильвия.

— Просто. Давайте подумаем. Если бы, например, мистер Роберт Рютт влюбился в вас и вы ответили бы ему взаимностью, но одновременно он чувствовал бы столь сильные угрызения совести, что мысль о подлости, совершенной по отношению к человеку, который опекал его, поддерживал, был его работодателем, не позволила бы ему жить дальше, то разве такое письмо не было бы великолепным объяснением его шага?

— Как это!? — глаза Сильвии расширились от ужаса. — Но ведь Роберт жив, а Гордон — нет!

— Вот именно. А что, если бы я предположил, что капсула с цианистым калием, лежащая наготове в кармане сэра Гордона, была предназначена для мистера Рютта, точно так же, как и это письмо? Что, если на слова «потом быть с ней мягким», записанные в блокноте, посмотреть с этой точки зрения? И если таким же образом посмотреть на тот факт, что на банке находятся старые следы пальцев, на кофеварке — тоже, а в блокноте читаем: «банка, попросить его, чтобы всыпал обратно», то становится понятным — достаточно того, чтобы мистер Рютт пришел в кабинет, всыпал по просьбе сэра Гордона цианид обратно в банку, а потом заварил кофе, — и вот его отпечатки пальцев зафиксировались на тех местах, которые станут ключевыми в расследовании предполагаемого самоубийства. Если еще добавить к этому прощальное письмо, напечатанное на машинке, плюс запись в блокноте: «Велеть ему написать несколько слов. Сжечь!!!», становится совершенно ясным, что сэр Гордон мог попросить мистера Рютта написать под диктовку несколько слов, достаточных для того, чтобы оставить на клавишах его отпечатки пальцев...

— Да, но при этом вы исходите из того, что я должен спуститься вниз к нему в кабинет, и тогда он бы меня убил, инсценируя мою смерть под самоубийство, — сказал Рютт. — Но все ведь знали, что в кабинете работает он один, и я не мог бы ни с того ни с сего пойти к нему в кабинет...

— Неужели? — Алекс с недоверием покачал головой. — Публично, при всех, сэр Гордон договорился с вами на семь утра. А потом, когда никто этого не слышал, — на шесть... Это значит, что если бы кто-то сошел вниз сегодня в семь утра и застал вас там мертвым — никто ведь не знал о том, что вы должны были явиться в шесть. А сэр Гордон в это время мог пойти, например, в фотолабораторию к Сирилу и во время его отсутствия все в кабинете могло случиться...

— Но остаюсь еще я, — пожал плечами Сирил Бедфорд. — Гордон действительно при всех договаривался о встрече с Рюттом в семь, но на шесть он договаривался также и со мной.

— О, я вовсе не утверждаю, что вы тоже хотели убить мистера Рютта. Вы вообще не хотели убивать...

— Благодарю вас, — Сирил кивнул и улыбнулся.

— Не за что, — сказал Алекс. — Мы еще всего не выяснили. Задумываясь над личностью убийцы, мне пришлось принимать во внимание всех здесь присутствующих. Каждый из вас имел возможность убить сэра Гордона, во-первых, потому что все вы находились здесь в момент его смерти, а во-вторых, потому что каждый из вас имел большой или меньший мотив, чтобы хотеть от него избавиться. Даже для мисс Агнес, как я уже говорил, мне удалось придумать такой мотив. Да, но если сэр Гордон хотел убить мистера Рютта и планировал совершить это убийство сегодня ночью (а все на это указывало: стирание отпечатков пальцев с кофеварки и с банки, в которой хранился яд, записи в блокноте, письмо, которое написал на машинке сэр Гордон, капсула с ядом в его кармане, ну и тот факт, что у него был сильный мотив, поскольку между мистером Рюттом и миссис Сильвией возникла любовь), то использовать все это мог лишь убийца, который должен был бы об этом знать. Лишь тогда, подбросив абсурдное письмо о финансовых злоупотреблениях сэра Гордона, убийца направил бы полицейское расследование в сторону жильцов дома, потому что, конечно, все бы стало явным — я имею в виду связь между мистером Рюттом и миссис Сильвией. И тогда эти двое в лучшем случае, может быть, и выкрутились, но были бы оба полностью скомпрометированы прессой, а в худшем случае их мог даже ждать судебный процесс. И не надо забывать, что оба они оказались бы совсем в незавидном положении, если будет доказано, что сэр Гордон был убит. Ну, хорошо, а кем же мог быть человек, который знал, что сэр Гордон хочет убить мистера Рютта? Не мог им быть сам Рютт, не могла им быть миссис Сильвия по понятным причинам. В ходе следствия миссис Джудит Бедфорд показала, что она узнала о любви миссис Сильвии и мистера Рютта благодаря общему камину в их комнатах, который позволил ей подслушивать разговоры их обоих. Во всех остальных ситуациях они мастерски конспиривались.

— Ах ты змея! — сказала Сильвия, глядя на Джудит глазами, в которых даже не было ненависти, а лишь удивление. — Как ты могла ему об этом сказать?!

— Я не говорила ему! — возмутилась Джудит. — Я бы никогда ему не сказала!

— И это правда, — покивал головой Алекс. — Но вы сказали об этом вашему мужу. Вы сказали ему об этом уже после отъезда сэра Гордона, миссис Сильвии и мистера Рютта.

— Ну ладно, да! — Сирил тоже кивнул головой. — Но ведь я ему тоже ничего не говорил. А если б сказал... — он развел руками, — ну, думаю, он разнес бы этот дом в щепки!

— В своих рассуждениях я принял другую гипотезу, — Джо улыбнулся так, будто просил прощения. — Я предположил, что вы сказали об этом своему брату сразу после его приезда позавчера, во время первой же подвернувшейся минуты, когда были наедине. Я предположил также, что вы еще раньше, узнав об отношениях миссис Сильвии и мистера Рютта, на всякий случай написали то письмо, которое впоследствии назвали письмом № 1, письмо, которое напечатано со старой лентой в машинке. Миссис Джудит сказала нам, что у нее есть запасные ключи к кабинету, которые она не слишком усердно стережет, потому что даже точно не уверена, где они находятся. А потом я подумал, что, быть может, вы рассказали обо всем брату и даже стали подталкивать его к тому, чтобы он убил мистера Рютта, употребляя, например, такой аргумент, что, мол, мистер Рютт совершил страшное преступление по отношению к сэру Гордону, но закон не карает за такие преступления. Думаю, что, учитывая суровый пуританский морализм вашего брата, мысль о восстановлении попранной

нравственности и наказании виновного не была для него равнозначной совершению преступления. Согласно его убеждениям, мистер Рютт, как прелюбодей и неблагодарное существо, заслуживал высшей кары. Добавим ревность, чувство собственной оскорбленной любви, ярость — и вот перед нами вся картина. Думаю, что после всего сэра Гордон не оставил бы жену. Возможно, он рассчитывал на то, что смерть любимого потрясет ее. «Быть потом мягким к ней...» — написал он в своем блокноте...

— Следует признать, что у вас необыкновенно богатое воображение, — с уважением сказал Сирил Бедфорд, кивая головой.

— Без этого расследование тянется месяцами... — вздохнул Джо. — О чем это мы говорили? Ах, да. Так вот, я предположил, как уже было сказано, что сэр Гордон обдумывал план мести вместе с братом. Он был полностью уверен в том, что вы сохраните тайну. Он уже много лет держал вас в руках и в случае чего ваши показания против него в суде опроверг бы с легкостью. Да и не пришло бы никому в голову, что такой человек, как он, мог бы совершить убийство. Все детали убийства мистера Рютта были тщательно продуманы. После ужина сэр Гордон уславливается с ним и с вами на семь утра. Позже, когда уже ни одна из женщин вас не слышала, он меняет время на шесть. Если бы мистер Рютт умер, а вы сохранили бы тайну, можно было спокойно отравить его в шесть, разложить перед ним на столе все что нужно и спокойно идти спать, а затем спуститься в семь утра и застать его умершим уже некоторое время назад...

— А зачем же мне надо было уговаривать Гордона на это дело? — спросил Сирил со спокойной улыбкой. — Не думаете же вы, что присутствующий здесь бедный мистер Рютт мешает мне хоть в малейшей степени? Я был даже рад, когда Джудит сказала мне, что он наставил Гордону рога... Извините, что я затрагиваю сейчас эту тему, но мы говорим о возможных гипотезах совершения преступления, поэтому хочу сразу подчеркнуть то обстоятельство, что смерть мистера Рютта и склонение Гордона к его убийству — это для меня полная бессмыслица.

— Но я ведь уже сказал один раз, что вы вовсе не желали смерти мистеру Рютту. Вы хотели смерти своего брата, который держал вас в своей железной руке уже много лет. Вы прекрасно знали, что в случае его кончины вы получите свободу и сможете, наконец, выпорхнуть из той клетки, в которую он вас посадил. Все было очень просто, и вы обсудили все детали убийства. Вы должны были предоставить Гордону алиби. Вероятно, условились, что вы дадите показания о том, что якобы разбудили Гордона в шесть, а потом до семи с ним работали в фотолаборатории. Затем спустились вниз и обнаружили в кабинете уже холодного Рютта. Тем временем, ваш же план был еще проще. Вам надо было спуститься вниз в четыре под предлогом подготовки всего необходимого к приходу Рютта в шесть, подать сэру Гордону чашку кофе с цианистым калием, а потом, все проверив, отправиться наверх и лечь в постель...

— Хорошо, что у вас нет никаких доказательств, — Сирил выбил выкуренную трубку и вновь стал наполнять ее табаком. — Иначе, при вашей творческой изобретательности, вы и впрямь готовы были бы закопать меня в цепи...

— Но разве вы не понимаете, что если сэр Гордон хотел убить мистера Рютта, то вы — единственный, кто мог убить сэра Гордона? Лишь вы один, кроме покойного, знали о планируемом убийстве. Лишь вы один, кроме покойного и мистера Рютта, знали, что должны встретиться в шесть, а не в семь утра. Если бы вы не были посвящены в планы сэра Гордона, он никогда не приглашал бы вас на шесть вместе с Рюттом — ведь тогда вы стали бы единственным свидетелем смерти Рютта. Вы знали о Рютте и Сильвии,

вам была выгодна смерть Гордона, вы его ненавидели, знали о его плане, вы помогли ему написать письмо № 1, словом — вы один подтверждали все мои предположения, и не было в них ни одного слабого места. Не было ничего такого, чего вы не могли бы сделать. Однако были еще и другие моменты, которых я пока не рассматривал, но которые тоже должны были бы соответствовать вам. Когда все у меня стало так хорошо складываться, я начал задумываться над остальными вопросами, и прежде всего над проблемой ручки окна. Она выросла у меня до апокалипсических размеров. Я никак не мог понять, кто и зачем вытер ее. Сэр Гордон — нет. Убийца? Но зачем? Убийца мог вытереть ручку только в том случае, если он открывал окно и хотел, чтобы не осталось его следов после этого. Но зачем убийца открывал окно?

Алекс умолк.

— Но, сэр, — сказала Агнес Уайт, — чтобы вытереть ручку, вовсе не надо открывать окно.

— Да, но благодаря счастливому стечению обстоятельств мы знаем, что вы были там перед полуночью, открыли окно, закрыли его и ушли, не вытирая ручки. Благодаря этому мы узнали, что кто-то позже протер ручку окна и стер отпечатки пальцев. Этим кем-то мог быть только один убийца. Но зачем ему было это делать? Он ничего не выбрасывал в окно. Ему никто ничего не подал через окно.

— Может, он хотел проветрить комнату?

— Bravo! Но после чего? После кофе? Нет. После цианистого калия? Но ведь полиция и так быстро узнает, от чего погиб Гордон Бедфорд. Убийца мог открыть окно лишь по одной причине, по той же, по которой обычно поступают все преступники, — чтобы скрыть следы своего присутствия на месте преступления.

Джо умолк.

— То есть как? — не поняла Сильвия.

— Ну, например, для того, чтобы выпустить дым...

— Дым?... Но ведь никто из нас... — Сильвия вдруг умолкла и посмотрела на Сирила, Рютт сидел в полном ошеломлении, Джудит Бедфорд даже не моргнула.

— Ерунда, — сказал Сирил Бедфорд. — Только я один курю в этом доме, но я не открывал это окно.

— Ба! — Джо подошел к портьеру и поднял палец. — А она утверждает нечто обратное... Вы позволите...

Джо встал и двинулся в сторону кабинета, слыша за спиной звук отодвигаемых стульев.

— Что это? — двигаясь следом за Алексом и глядя в направлении его вытянутого пальца, Сирил Бедфорд подошел к окну.

— Бабочка «Мертвая голова». Она влетела сюда, когда вы открыли окно. Вы не отодвинули шторы, потому что боялись, что кто-то может увидеть вас снаружи.

— Это вздор! — Сирил пожал плечами. — Она никак не могла сюда влететь. Ведь тогда было уже совсем светло.

Он умолк и шлепнул себя по губам.

— Вот именно, — сказал Алекс, кивая головой. — Было уже светло. Это вы сами сказали, Сирил Бедфорд.

Сирил Бедфорд бросился к окну, но решетка остановила его. Он повернулся. Огромная глыба его тела на мгновение повисла над худощавой фигурой Алекса.

— Спокойно, — Паркер стоял совершенно неподвижно. Длинный оксидированный ствол пистолета не дрогнул в его руке, когда он произнес это единственное слово. Но слово это возымело действие.

Сирил Бедфорд после секундного колебания опустил свои могучие руки.

— Ладно... я сдаюсь, — сказал он. — Но как она могла туда попасть? Ведь тогда и в самом деле было уже совсем светло.

— Вероятно, какой-то добрый дух посадил ее туда, — негромко произнес Джо.

Полчаса спустя, когда смолкла сирена автомобиля, увозившего преступника, Паркер, надевая плащ, взглянул на штору и сказал:

— Слушай, она там до сих пор сидит...

— И будет сидеть до судного дня, если я ее не сниму, — Джо подпрыгнул и кончиками пальцев снял бабочку со шторы.

— Но она не шевелится, — Паркер подошел и склонился над насекомым, которое держал в своих пальцах Алекс.

— Еще бы... Мертвые не шевелятся, как ты знаешь... — Джо осторожно взял пальцами кончик булавки, которой бабочка была пришпилена к шторе, отнес к коллекционному ящику и приколот на место.

— Это та самая, — сказал он. — Помогла нам немного, хотя и так у нас были все улики на руках. Но всегда лучше, если они признаются. Тогда можно выспаться.

— Я полагаю, ты не намерен возвратиться в кровать в это время? — Паркер глянул на часы. — Скоро десять!

Алекс наклонился и сказал другу на ухо:

— Открою тебе секрет: у меня все так легко получилось потому, что я сам, как эти ночные бабочки, Бен. Я могу весь день спать, а потом всю ночь что-то делать. Спокойной ночи, Бен. С завтрашнего дня можешь называть меня Джо Атропос!

И, смеясь, вышел из комнаты. Заместитель начальника криминального отдела Скотленд-Ярда услышал стук закрывающейся двери, потом шелестящий звук шагов на покрытой гравием дорожке и наконец увидел худошавую фигуру Алекса, приближающегося к воротам. Полицейский в мундире уступил ему дорогу и отдал честь. Потом калитка закрылась и Джо исчез.

— О Господи, — прошептал Паркер и потер рукой лоб. — Господи, Боже мой... Его жена никогда ему не изменит, а если изменит и он захочет убить ее или ее любовника, мы не раскроем этого преступления до самого судного дня.

Он нахмурился, но его лицо тут же разгладилось, и на нем появилась улыбка.

К счастью, Джо Алекс не был женат.

*Перевод с польского Роберта СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО
при участии Владимира КУКУНИ по эксклюзивному праву,
предоставленному автором.*

